Н. Г. ВОЛКОВА

Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа

Академия наук СССР
Институт этнографии
имени Н. Н. Миклухо-Маклая

Н. Г. ВОЛКОВА

Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1973

4
В67

Ответственный редактор
Л. И. ЛАВРОВ

В книге освещаются проблемы происхождения, бытования и изменения этнонимов и племенных названий Северного Кавказа в различные периоды истории и прослеживаются их исторические связи.

7-1-1
207-72

ВВЕДЕНИЕ

Задачи исследования

«В горах Кабк,— писал во второй половине IX в. арабский географ Ибн ал-Факих ал-Хамадани,— 72 племени, и каждое племя не понимает говора своих соседей иначе как при содействии переводчика» [99, XXXVIII, 33]. Впоследствии это определение Кавказа как многоязычной страны в сочинениях средневековых восточных авторов отразилось в известном выражении «джебель уль-аль сун» — «гора языков», а еще ранее, за несколько веков до появления персидских и арабских географических трудов, о многонациональности Кавказа писали античные авторы. Так, Страбон сообщает о 70 народах, сходившихся в Диоскуриаде и говоривших на разных языках. Это свидетельство греческого географа I в. до н. э. не кажется большим преувеличением, так как в нем реально отразилось то этническое многообразие Кавказа, которое на протяжении веков так поражало современников.

Прежде всего многонациональностью населения и объясняется удивительное разнообразие этнонимов как Кавказа в целом, так и Северного Кавказа, т. е. территории, которая является предметом данного исследования. Однако наличие в источниках и этнографической действительности огромного числа этнонимов следует связывать не только с упомянутым обстоятельством. При изучении этнической терминологии Кавказа исследователь сталкивается с явлением, при котором один народ, как правило, известен под несколькими этническими именами, причем обычно менее распространенным бывает самоназвание народа и более — этнические названия, сложившиеся в среде соседнего населения.

Для подтверждения этого приведу несколько примеров. Самоназвание грузин *картвели* среди кавказских

народов да и в письменных свидетельствах известно сравнительно мало. Оно отразилось лишь в абхазском, мегрельском и сванском языках — *акыртуа* (абхаз.), *корту* (мегрел.), *мыкäрт* (сван.), — т. е. в языках народов, самым тесным образом связанных в процессе своего политического, социально-экономического и культурного развития с грузинами. Более широкую известность на Кавказе и за его пределами получило персидско-тюркское название *гурдж*, от которого образовалось адыгское *курджы*, осетинское *гурзиаг*, вайнахское *гуьржи*, аварское *гуржиал*, рутульское *гурджи*, азербайджанское *гюрджю* и т. п.[1]. Армяне называют грузин *враци* (др.-арм. *вирк*).

Самоназвание армян *hайк* (древнелитерат., современное *hаер*) также не отразилось в языках народов Кавказа и крайне редко встречается в письменных источниках неармянского происхождения. Народы Северного Кавказа и Дагестана называют армян *ермəлы* (адыги)[2], *ерменли* (карачаевцы и балкарцы), *эрмало* (вайнахи), *ермени* (табасаранцы). Азербайджанцы зовут армян *эрмэни*. Грузины знают их под именем *сомехи*. Этим же термином армян называют осетины *(сомихаг)*. Другой пример из дагестанской действительности. Дидойцы, жители верховьев Андийского Койсу, называют себя *јави* [148, 33], а свою страну — Цези, тогда как аварцы называют их *цунта*. Под этим же именем они известны у андийцев (*цунтадирал*), чеченцев, грузин-кахетинцев и ахвахцев *(цIутIадо)*. Грузинское (картвельское) название этого народа — *дидоели*, от которого образована русская форма *дидойцы*. Так же называют их бацбийцы — *дидо*. Подобных примеров можно привести множество.

В целом задача данного исследования — это воссоздание картины развития и изменения этнонимов Северного Кавказа на отдельных этапах исторической жизни народов этой территории. Однако эта общая задача рас-

---

[1] Отмечу несколько исключений. Так, Марр сообщает, что бежтины называют грузин howas suķo, хваршины — yuķus kikwa, цахуры — muθri, дидойцы — kxelizi [см. 148, 33].

[2] С точки зрения адыгейцев старшего поколения *ермəлы* — это особая группа населения, говорящая по-адыгски, далекие предки которой были армянами. Армянское население, не владеющее адыгским языком, адыгейцы называют армянами. То же самое нам говорили в кабардинских селах Карачаево-Черкесии.

падается на несколько взаимосвязанных. Одна из них представляет собой попытку согласования северокавказских этнонимов, известных в первой половине XIX в., с этническими названиями предшествующих периодов. Еще одна, не менее важная задача — это определение реального содержания исследуемых этнонимов, нередко менявшегося в различные исторические периоды.

Закономерности развития этнонимов таковы, что они всегда обусловлены той конкретной исторической эпохой, в условиях которой существует и развивается этнос и связанная с ним этническая номенклатура. Изменения в исторической обстановке нередко влекут за собой и изменения соответствующих этнических названий, исчезновение одних и появление других. Поэтому одна из задач работы состоит в выявлении конкретных политических и социально-экономических условий, влиявших на северокавказскую этнонимию.

Естественно, что помимо предложенного историко-этнографического аспекта изучения этнонимов возможен и важен другой — лингвистический. Лингвистическому анализу этнонимов в начале 20-х годов была посвящена известная работа Н. Я. Марра «Кавказские племенные названия и местные параллели», где на основе собранного автором материала дан фонетический и морфологический разбор некоторых этнонимов Кавказа. Однако, по определению самого Н. Я. Марра, эта работа, как и его таблица «Классификация народов Кавказа», даже в лингвистическом плане далеко не исчерпала всего богатства кавказских этно-племенных названий. Автор данного исследования не ставил перед собой задачи лингвистического анализа этнонимов. Этот аспект, так же как и этимологический анализ, будет освещаться только на отдельных примерах.

* * *

Вопросы этнической терминологии Северного Кавказа составляют один из важных моментов сложной проблемы этногенеза и этнической истории народов этой территории. Уже только это делает изучение этнонимов существенным и необходимым звеном в цепи этногенетических исследований. Однако специфика этно-племенных названий Северного Кавказа как объекта изучения требует некоторых предварительных замечаний, кото-

рые помогут понять сущность поставленных автором задач. Как уже отмечалось, одна из целей данного исследования — установление преемственности и генетической связи древних и современных этнонимов. Однако само по себе установление связи этнонимов, хронологически нередко разделенных десятками веков, еще не решает вопроса о генетической связи этносов, скрывающихся под этими этнонимами. Для решения этой задачи необходимо выполнение других условий, первое из которых — определение реального содержания древних и современных этнонимов. Второе — их четкая датировка и пространственная локализация на различных этапах исторического развития этноса.

Известно, что сохранение этнонима на протяжении длительного времени, иногда многих столетий, и даже неизменность его территориальной локализации часто не означают, что реальное содержание этнонима не изменилось и осталось прежним. Стоит хотя бы вспомнить ираноязычных асов, в раннее средневековье жителей районов верховьев Кубани, и современное осетинское название *асиаг*, с которым связываются тюркоязычные балкарцы. Поэтому вполне понятна необходимость определения генетической связи не только терминов, но и этносов, которым соответствовали древние и современные этнические названия.

В отношении географической локализации этнонимов отмечу следующее. Нередко этнические названия, близкие по звучанию и локализуемые в древности и в наши дни в пределах одной территории, но относящиеся к различным историческим эпохам, пытаются генетически связывать. Однако соответствие древней и современной локализации этнонимов не всегда обязательный показатель их генетической связи. Таковы, например, хорошо известные этнонимы *керкеты* и *черкесы,* генетические связи которых выводятся из совпадения местоположения этих этносов и звуковой близости терминов (см. прим. 10, стр. 23). Но общеизвестно, что нередко звуковые совпадения этнонимов различных исторических эпох, не подкрепленные другими материалами, еще не доказывают генетической связи как этнонимов, так и соответствующих этносов.

Однако изменение реального содержания этнонима (прежде всего смена языка этноса) в большинстве случаев не означает отрыва культуры нового этноса от

культурных традиций народа-предшественника. Язык и культура более древнего этноса (субстрата) обычно входят как органические части в культурно-языковую основу вновь формирующегося этноса, иногда резко отличного по языку. В качестве примера укажу на карачаевцев и балкарцев, культура которых в значительной степени связана с предшествующей им культурой дотюркского населения, язык же относится к тюркской группе, хотя и заимствовал лексические элементы из аланского языка. В культуре современных двалов-осетин менее всего прослеживаются связи с их историческими предками, ираноязычными аланами-степняками, и более — с античными валами, локализуемыми в этих же областях Центрального Кавказа, хотя язык последних, видимо, не принадлежал к иранской группе языков. Все это дает право считать, что даже в случае отсутствия прямой генетической связи языков исторически сменяющих друг друга этносов существует преемственность в их культуре. Лишь в случае физического уничтожения или вытеснения этноса-субстрата пришлым населением, по-видимому, нельзя считать столь прямой и безоговорочной связь культур древнего этноса с новым этносом, формирующимся на территории субстрата.

Источники и пособия

Источники, привлекаемые в работе, можно подразделить на несколько категорий: первая, наиболее обширная — письменные источники — свидетельства разных эпох и народов (описания путешественников, статейные списки посольств, грамоты, переписка и пр.); вторая — картографические материалы; третья — полевые этнографические данные. Основную смысловую нагрузку несут письменные источники благодаря наиболее полному территориальному и хронологическому охвату освещаемых вопросов.

Письменные источники могут быть повествовательными и документальными. К повествовательным прежде всего следует отнести сочинения историко-географического характера (например, арабских и персидских авторов IX—XIV вв.), летописные своды и хроники. Эта группа значительна по числу привлекаемых в данной работе сочинений и хронологически охватывает огромный

период от античности до XX в. Автор использует публикации античных, византийских, армянских, грузинских, арабских, персидских, турецких, а также некоторых русских повествовательных источников. Подобные публикации, как правило, включают несколько частей, хронологически относящихся к разным эпохам, в том числе отрывки из сочинений более ранних периодов. Как правило, историко-географические сочинения при переписке в разные эпохи дополнялись новыми фактами, в текст делались вставки, приписки и т. п.[3]. Использовать подобные источники довольно трудно, поскольку необходима детальная работа по датировке отдельных частей. Описания путешественников более документальны по своему характеру, так как отраженные в них факты современны самим сочинениям, хотя в известной мере документальность описания нарушается из-за включения в эти сочинения сведений, почерпнутых из рассказов информаторов, записей преданий и т. п.

К документальным источникам относятся различного рода официальные документы (переписка, грамоты, статейные списки посольств). Они принадлежат к разным эпохам и различным народам, но объединяются тем, что все эти документы создавались одновременно или почти одновременно с описываемыми в них фактами. Документальные источники в работе используются в виде публикаций (преимущественно документы до XVIII в.) и в виде архивных документов, собранных автором непосредственно в архивах Кавказа и Москвы.

В соответствии с хронологической систематизацией письменные источники по Северному Кавказу подразделяются следующим образом. Наиболее древняя эпоха (с VI в. до н. э.) [4] освещается в сочинениях античного

---

[3] Например, арабские и персидские историко-географические сочинения классического периода IX—X вв. включали сочинения сасанидской эпохи. Так, например, Мас'уди и Истахри сообщают об использовании мусульманскими историками сочинений на среднеперсидском языке [см. 143, 8]. То же следует сказать и о русских летописях. Так, в «Повести временных лет», составленной в начале XII в., использованы несохранившиеся документы княжеских архивов более раннего времени.

[4] Древневосточные источники — ассирийские, урартские, древнееврейские,— сообщающие некоторые сведения о населении юго-западной части Грузии и районах Малой Азии, не содержат никаких данных по народам Северного Кавказа [см. 157, 18].

времени, самая полная публикация которых в конце XIX — начале XX в. была осуществлена известным исследователем античности В. В. Латышевым [137]. Сочинения греческих и латинских писателей важны тем, что в них впервые зафиксированы этнонимы, генетически связываемые с предками некоторых современных народов Северного Кавказа. Период раннего средневековья представлен византийскими, армянскими, грузинскими, арабскими, персидскими и русскими источниками, характеризующими отдельные моменты политического и этнического развития Северного Кавказа до XIII в. Середина XIII столетия — переломный момент в истории многих стран, в том числе и Северного Кавказа, этническая карта которого ощутимо изменилась. Историография XIII в. характеризуется появлением множества новых источников западноевропейского происхождения. Путешественники, миссионеры, послы, ученые, политические авантюристы из различных стран Западной Европы (Италии, Франции, Голландии, Германии, Англии, Польши, Венгрии) в течение нескольких последующих столетий посещают Кавказ. И каковы бы ни были их цели, объективные результаты этих поездок отразили множество явлений жизни, событий, а также фактов истории народов Северного Кавказа в разные исторические эпохи.

Все перечисленные источники не теряют своего значения и в послемонгольское время, за исключением античных и византийских. Из них византийские, хронологически охватывающие VI—XIII вв., используются в работе в переводах на русский язык, сделанных крупными византинистами прошлого А. Куником, Ю. А. Кулаковским, В. Г. Васильевским и др. [119; 117; 219; 139]. В советские годы мы имеем новые ценные публикации источников византийской эпохи [108; 192; 19]. Армянские источники привлекаются в работе в русских переводах, выполненных в 60—80-х годах XIX в. известными арменистами Н. Эминым и К. Паткановым [86; 85; 54; 180; 181]. К 80-м годам того же столетия относится перевод «Армянской географии VII в.» на французский язык [254]. В советское время на русский язык переведены сочинения Фавстоса Бузанда (V в.), армянские хроники XIII—XIV вв., труд Егишэ и др. [87; 24; 76; 80]. В 1963 г. увидела свет новая публикация «Армянской географии VII в.» на армянском языке, осу-

ществленная известным историком С. Т. Еремяном [229][5].

Грузинские источники представлены в работе переводами на русский язык грузинских хроник, создававшихся разновременно и объединенных в известном своде хроник «Картлис Цховреба». Для исследуемой темы многое дает такой источник, как «География» Вахушти Багратиони, завершенная им в 1745 г. Это сочинение содержит материалы, собранные, видимо, не позднее 1724 г., т. е. до его отъезда в Москву с грузинским царем Вахтангом VI. Переводы на русский язык названных источников в конце XIX — начале XX в. были осуществлены М. Г. Джанашвили [72; 73; 45]. В 50-е годы и позднее публикуются переводы на русский язык отдельных хроник «Картлис Цховреба». Так, к 1954 г. относится публикация К. С. Кекелидзе хроники 1204 г. «История и восхваление венценосцев» [89], к 60-м годам — ряд переводов Г. Д. Тогошвили и И. Н. Цховребова [90; 212].

Арабские и персидские источники, имеющие ярко выраженный повествовательный характер, привлекаются в работе главным образом в переводах с арабского Н. А. Караулова (начало XX в.) [99], В. Г. Тизенгаузена (80-е годы XIX в.) [211]; использовалось также недавнее издание трехтомной «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина [200], переводы В. Минорского (в частности, рукописи Мас'уди о Кавказе) [164] и др. Группа турецких и крымско-татарских письменных источников привлекается в работе как в подлинниках (сочинения авторов XVII в. — Эвлии Челеби [263], Хаджжи Халифы (Кятиба Челеби) [264], документы архива крымских ханов [259]), так и в переводах на русский язык.

В числе последних отмечу фрагментарные переводы из «Книги путешествий» Эвлии Челеби, выполненные Ф. Бруном и опубликованные в 70-х годах прошлого столетия [40]; из «Космографии» Хаджжи Халифы, сделанные в 50-х годах XIX в. И. Березиным [37], а также публикации архивных документов, переведенных с татарского Ф. Лашковым [138].

---

[5] Переводу с армянского языка отрывков из этого источника автор обязан аспирантке Института этнографии АН СССР К. Ханагян.

Западноевропейские источники, хронологически охватывающие XIII—XIX вв. [186], частично используются в работе в русских переводах. Это прежде всего касается авторов XIII—XVII вв. (Плано Карпини, Вильгельм де Рубрук, Иосафат Барбаро, Георгий Интериано, Арканджело Ламберти, Жан де Лукка, д'Асколи и др.). В этой группе некоторые источники также привлекаются на языке оригинала[6], что уточняет, а иногда и существенно изменяет представления, сложившиеся на основании имеющихся русских переводов. Западноевропейская литература XVIII—XIX столетий, очень обширная по Северному Кавказу, как правило, используется в исследовании на языке подлинника. Имеющиеся переводы на русский язык сочинений авторов этого периода довольно фрагментарны [182; 174].

Русские источники повествовательного характера представлены летописями, дающими некоторый материал по северокавказской этнонимии [190][7], а также описаниями, сделанными представителями различных профессий (купцами, военными, чиновниками, учеными и др.), побывавшими на Северном Кавказе в XVII—XIX вв. Однако самую большую группу в русских источниках по Северному Кавказу составляют документальные материалы, часть которых опубликована. Так, хорошо известны публикации грузинских, кабардинских, осетинских и ногайских дел фонда Посольского приказа бывшего Главного московского архива Министерства иностранных дел, хранящегося в Центральном государственном архиве древних актов в Москве[8]. В прошлом столетии публикации документов из этого фонда осуществлялись известным исследователем русской истории С. А. Белокуровым [36; 33; 34; 35], а также печатались в «Сборниках Русского исторического общества» [179]. Уникальный по своей исторической ценности свод архивных документов XVIII—XIX вв. представляют «Акты Кавказской археографической комиссии»,

---

[6] Например, привлечен текст сочинения Георгия Интериано (последняя четверть XV в.), опубликованный на итальянском языке [242], труды авторов XVIII в. [236, 255].

[7] «Полное собрание русских летописей», издаваемое Археографической комиссией с 1846 г. В советские годы издано несколько новых выпусков.

[8] Подробная характеристика архивных материалов Посольского приказа дана в книге Е. Н. Кушевой [120, 11—22].

12 томов которых изданы под руководством А. Берже начиная с 1866 г. [14]. До сих пор материалы этого замечательного издания не нашли должного отражения в кавказоведческой литературе. В советское время публикации русских архивных документов XVI—XIX вв. осуществлялись в 20-е годы М. А. Полиевктовым [187; 188; 189], в 30-е годы Г. А. Кокиевым [153], в 50—60-е годы Б. В. Скитским [205], К. Н. Сербиной [103], М. О. Косвеном, Х.-М. Хашаевым [88], Е. Н. Кушевой, Н. Ф. Демидовой, А. М. Персовым, В. М. Букаловой [91].

* * *

Вторую категорию источников, привлекаемых в работе, составляют картографические материалы. Вплоть до XIX в. историческая наука не располагала специальными этническими картами. Однако уже в IV в. до н. э. предпринимались отдельные попытки дать на картах помимо географической номенклатуры названия различных народов, которые, однако, нередко фиксировались как географические пункты («Перипл» Скилака Кариандского) [9]. Наиболее значительным достижением античной картографии был атлас Птолемея. Карты этого атласа не сохранились, но по сочинению того же автора были восстановлены в средневековье. Так, А. Е. Норденскёльдом в числе других опубликованы карты Европейской и Азиатской Сарматий из атласа Птолемея, созданного в Риме в 1490 г. [249; 250]. Для итальянского издания «Географии» Птолемея 1548 г. итальянским географом Д. Гастальдо было сделано 60 карт на птолемеевской картографической основе. Известны также поздние примеры реконструкции карт Птолемея. В России это выполнено в 90-х годах прошлого столетия Ю. Кулаковским [118]. К VII в. относятся карты, созданные армянским автором той же эпохи и вместе с текстом составившие известную «Армянскую географию». Как определено исследователями, в основе некоторых карт «Географии» лежат карты Птолемея (II в. н. э.), однако в части, касающейся Кавказа, они значительно дополнены, как и сам текст «Географии». Карты

[9] «Перипл» Скилака не сохранился, и А. Е. Норденскёльдом опубликована более поздняя карта, созданная не ранее XV в. на основании данных дошедшего до нас описания того же автора.

«Армянской географии VII в.», которых насчитывалось 15, не сохранились, и до нас дошла лишь текстовая часть атласа. Сравнительно недавно карта мира по этому атласу была восстановлена по тексту «Географии» на современной картографической основе С. Т. Еремяном [229].

С конца XIII — начала XIV в. становятся известными специальные навигационные карты — генуэзские портоланы, возникновение которых было связано с интенсивным развитием на Черноморском побережье генуэзских и венецианских колоний. Генуэзская картография, частично сохранив этногеографическую номенклатуру античных источников, в известной мере отразила изменения в кавказском мире, вызванные монгольскими походами. Начиная с XVI—XVII вв. кроме генуэзских карт появляются карты немецкого, голландского, английского, французского и русского происхождения. Часть их наряду с портоланами была опубликована А. Е. Норденскёльдом, часть — в России В. А. Кордтом [109]. Следует отметить, что названные карты по сравнению с генуэзскими делают шаг вперед в фиксации этногеографической номенклатуры. Помимо множества карт западноевропейского происхождения XVI—XVII столетий следует назвать карты русские и грузинские. Оригиналы русских карт XVII в. не сохранились, однако некоторые из них дошли до нас в копиях, сделанных иностранцами и опубликованных в XVII—XVIII вв. [66, 231][10]. Это относится, в частности, к карте самого начала XVII в., составленной царевичем Федором Годуновым. Копия с нее имеется в атласе Гийома Делиля, изданном в Амстердаме в 1737 г. По чертежу Федора Борисовича в 1616 г. Г. Гесселем была составлена карта России. Другая карта, созданная по распоряжению царя Алексея Михайловича и включившая часть территории Кавказа, дошла до нас в копии, снятой Н. Витзеном в 1665 г. Об этом факте сообщает сам Н. Витзен, живший в эти годы в Москве. Через семь лет карта была опубликована в книге О. Даппера [см. 66, 231].

В 1723 г. в Париже на французском языке была издана карта Кавказа, впоследствии вошедшая в атлас

---

[10] В Архиве морского министерства Франции и в Национальной библиотеке в Париже хранится большая коллекция русских карт, составленная из материалов, пересылавшихся из России с 1731 г. младшим братом Гийома Делиля—астрономом И. Делилем [66, 231].

упомянутого Гийома Делиля. В этой карте были использованы картографические материалы известного деятеля конца XVII — начала XVIII в. Сулхана Саба Орбелиани [155, 8, 13]. Турецкая картография XVII в. представлена картой из сочинения Кятиба Челеби, писавшего в 40-х годах XVII в. [264, карта]. Однако, по мнению И. Ю. Крачковского, карта этого географа, как и другие иллюстративные материалы в его сочинении, более поздние, относятся к началу XVIII в. и выполнены европейцами [112, 124].

XVIII столетие более полно представлено картографическими материалами. Среди карт первой четверти XVIII в. следует отметить первую русскую карту Северного Кавказа 1719 г. [91, т. I, карта]. Значительный интерес представляет карта Кабарды 1744 г., составленная в результате обследования этой территории геодезистом Степаном Чичаговым [11]. Русский атлас 1745 г. также содержит несколько карт по Кавказу, датируемых концом XVII — первой четвертью XVIII в. Для 70-х годов XVIII в. наиболее интересны сведения карты И.-А. Гюльденштедта, составленной им на основе лично собранных материалов.

Множество карт по Кавказу, созданных в XIX — начале XX в., затрудняет подробную характеристику каждой из них. Отмечу, что уже в первой половине XIX в. значительно увеличивается число русских карт, тогда как западноевропейская картография представлена в этот период лишь несколькими картами (Дюбуа де Монпере, Белль и др.). Большинство карт этого периода, хотя и имеют ряд неточностей, составлены с хорошим знанием этногеографических наименований отдельных территорий Северного Кавказа [12].

* * *

Не менее важны этнографические материалы, составляющие третью категорию источников. Их важность обусловлена не только спецификой данной работы как историко-этнографического исследования, но и сохране-

[11] Оригинал карты хранится в ЦГАДА в Москве. Копия опубликована [91, т. II].

[12] Например, карта Кавказской губернии 1806 г. помимо множества географических терминов содержит 25 северокавказских этнических названий [6, д. 6715].

нием в этнографической действительности ценных сведений, подчас не сообщаемых письменными источниками. Этнографические полевые материалы позволяют установить границы распространения этнонимов по представлениям самого народа, зафиксировать знание этих этнонимов в среде соседнего населения, определить взаимосвязь общих и локальных названий в пределах одного этноса и т. п.

В течение нескольких лет, начиная с 1959 г., в составе экспедиций Сектора народов Кавказа Института этнографии АН СССР автору пришлось работать в Адыгее, Шапсугии, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии и Дагестане. Материалы этих поездок хранятся в архиве Института этнографии АН СССР [1]. Интерес к истории своего народа, энтузиазм и готовность местного населения помочь исследователям в их работе способствовали успешному сбору полевых материалов. Последнее было бы невозможно без помощи коллег-кавказоведов: Л. И. Лаврова, Х. Д. Ошаева, И. М. Саидова, М.-З. Османова, Ю. Г. Аргуна, Х. Думанова, Л. Кунижевой, С. И. Рехвиашвили, К. К. Чолокашвили и других,— которым автор выражает свою признательность.

* * *

Историографии вопросов, исследуемых в работе, буду касаться при освещении этих проблем в соответствующих главах книги. Здесь лишь отмечу отсутствие специальных монографических исследований, посвященных этнонимам Северного Кавказа как в отечественном, так и в зарубежном кавказоведении. Однако большинство авторов XIX в., писавших о Кавказе, фиксируя различные этнические названия, нередко касались вопросов происхождения этих терминов, их реального содержания, связи с другими этнонимами и т. п. Более всех в этом плане «повезло» осетинам, этнонимии которых были посвящены отдельные страницы в кавказоведческих трудах Ю. Клапрота и В. Сен-Мартена, созданных в первые десятилетия XIX в. Со временем круг исследуемых этнонимов Северного Кавказа несколько расширился. В конце XIX—XX вв. появились отдельные статьи и этюды в монографиях другой тематики, посвященные анализу адыгской и вайнахской этнонимии. По-прежне-

му большое внимание уделяется изучению осетинских этнонимов.

Из работ дореволюционных исследователей прежде всего следует назвать труды П. К. Услара, В. Ф. Миллера и А. Дирра. В предреволюционные и 20-е годы нельзя не упомянуть лингвистические работы Н. Я. Марра. К 20—30-м годам относятся ценные исследования по кавказской этнонимии А. Н. Генко, И. А. Джавахишвили, Н. Ф. Яковлева. Результаты изучения кавказских этнонимов в последующие годы нашли отражение в трудах лингвистов В. И. Абаева, Г. С. Ахвледиани, Н. А. Баскакова, Ю. Д. Дешериева; историков и этнографов З. В. Анчабадзе, В. Н. Гамрекели, Ш. Д. Инал-Ипа, Е. Н. Кушевой, Л. И. Лаврова, Г. А. Меликишвили, А. И. Робакидзе, Р. Л. Харадзе; археологов Е. П. Алексеевой, Е. И. Крупнова. В работах по кавказоведению, увидевших свет в последние годы (Б. В. Виноградов, Ю. С. Гаглойти, Дж. Коков, В. А. Кузнецов, К. З. Чокаев и др.), также затрагиваются вопросы северокавказской этнонимии.

Глава первая

АДЫГИ, АБАЗИНЫ, УБЫХИ

Первые шаги в исследовании этнонимов этой группы народов в кавказоведении были предприняты в 70—90-х годах XVIII в., когда появились труды И.-А. Гюльденштедта и П.-С. Палласа. Позднее, в XIX — начале XX в., об адыгских этнонимах писали Ф. Дюбуа де Монпере, П. К. Услар, Л. Лопатинский, Ф. Ган, А. Дирр, Н. Я. Марр. В 30-е годы XX в. в известных исследованиях А. Н. Генко и И. А. Джавахишвили, посвященных адыгам, абазинам и убыхам, также нашли отражение вопросы этнонимии исследуемой группы народов. То же следует сказать и в отношении кавказоведческих работ последних десятилетий. Таковы исследования Е. П. Алексеевой, З. В. Анчабадзе, Х. С. Бгажбы, Ш. Д. Инал-Ипа, Е. Н. Кушевой, Л. И. Лаврова, Г. А. Меликишвили и др.

Этнонимы Северо-Западного Кавказа разделяются на четыре группы: адыгскую, убыхскую, абазинскую и абхазскую. В основе подобного деления лежат определенные этнические и языковые различия, наблюдаемые у этих народов как в настоящее время, так и в далеком прошлом. Однако, несмотря на такого рода различия, между этими этническими коллективами четко прослеживается этнолингвистическое единство, в известной мере сохранившееся и в современной действительности. Именно это дает право объединять этно-племенную терминологию адыгов, абазин, убыхов и абхазов. Исследование этой терминологии составляет содержание данной главы [1].

[1] Изучение абхазской этнонимии, в советское время в значительной мере исследованной в работах Н. Я. Марра, З. В. Анчабадзе и Х. Бгажбы, не входит в задачу данной работы.

Адыгские этнонимы

Адыгские этнические наименования, известные в кавказоведческой литературе прошлого столетия, многообразны. Для обозначения западных адыгов и кабардинцев в целом употреблялись два термина *адыге* и *черкес,* из которых адыге — самоназвание этой группы народов, а черкес — иноязычный этноним, вошедший в источники не ранее середины XIII в. Наряду с названными терминами существовали этнические наименования локальных групп адыгов: жанеевцы, хегаки (шегаки), натухайцы, шапсуги, абадзехи, бжедуги, темиргоевцы и др.,— к XIX в. занимавших значительные пространства Северного Кавказа — от устья Кубани и побережья Черного моря на западе, включая некоторые районы правобережья р. Терека.

Рассмотрение адыгской группы этнонимов начну с самоназвания этого народа *адыге.* Последнее в исторических свидетельствах не встречается ранее 70-х годов XV в. Впервые термин адыге наряду с этнонимами *черкес* и *зихи* назван Георгием Интериано. «Зиками (zichi),— писал он,— зовутся они (адыги.— *Н. В.*) на народном греческом и латинском языках, татары и турки зовут их черкесами, и на их собственном наречии имя им адиге» [48, 781]. Это сообщение можно считать наиболее ранним упоминанием в источниках самоназвания адыгоязычных народов. Этноним адыг вошел впоследствии в европейскую литературу, хотя и не был распространен столь широко, как термин черкес.

Естественно, фиксация самоназвания адыгов в источниках конца XV в. еще не означала, что возникновение термина в среде самого народа относится к этому же времени. Процесс этот, видимо, следует хронологически углубить. В связи с этим напомню не лишенное оснований предположение Л. Лопатинского, что в основе самоназвания адыге лежит этноним античного времени зихи через промежуточную форму *а-дзыге* [142, 1]. Крайне редко термин адыге встречается не только в средневековых источниках, но и в литературе XVIII в. Едва ли не единственное упоминание имени адыге в источниках этого времени имеется в сочинении Палласа (Adigee) [251, 337].

Для обозначения всех адыгов в исторической лите-

ратуре и в среде соседних адыгам народов более широкое распространение получили другие этнонимы: *зихи, касоги (касаги), черкесы.* Появление этих имен относится к различным историческим эпохам. Так, зихи, этноним античного и раннесредневекового времени, в XIII столетии из письменных источников исчезает и в дальнейшем употребляется лишь эпизодически как дань традициям античной историографии. Этноним касог (касаг) характерен лишь для раннесредневековых, преимущественно византийских и русских, источников. На смену этим этнонимам, под которыми адыгское население было известно в источниках до монгольского нашествия, в XIII в. появляется термин черкес. Таков в общих чертах процесс развития этнических имен адыгов. Свидетельства письменных источников дают возможность довольно четко выявить этот процесс в деталях.

Античный и раннесредневековый этноним зихи представляет собой редкий пример сохранения на протяжении более тысячелетия этнического имени, известного еще в «Географии» Страбона (18 г. до н. э.) в форме Ζυγοί [137, т. I, 105]. Позднее термин встречается в сочинениях грекоязычных и латиноязычных авторов вплоть до VI в.[2]. Зафиксирован этноним зихи и в византийской историографии VI—X вв. [192, 383, 219, 268]. С XIII в. имя зихи из источников постепенно исчезает, однако, исчезнув из исторической литературы, оно сохранилось до наших дней в этнографической действительности: в абхазском названии адыгов *азыху,* в адыгском имени абхазов *азыгъэ*[3], в грузинском названии южных абазин *джихи.* Таким образом, существующие и в наши дни в кавказской этнонимии различные формы этнонима зихи делают возможным предположение о возникновении этого термина в среде абхазо-адыго-абазинской этнической общности, откуда он мог быть заимствован античными авторами.

С VIII в. наряду с именем зихи в источниках появляется другое собирательное имя адыгов — касаг (Κασαχος),

[2] Помимо Страбона зихов называют также другие грекоязычные авторы: Арриан (II в. н. э.), Епифаний (IV в. н. э.), Стефан Византийский (конец IV—V вв.), помещающий их вдоль Понта [137, т. I, 224, 259, 260, 710].

[3] Именем азыгъэ черноморские шапсуги называют абхазов. Однако в настоящее время этот термин знаком немногим или известен наряду с именем *абхаз.* Кубанским шапсугам термин азыгъэ незнаком.

этническая природа которого не установлена [219, 226; 8, 589][4]. Впоследствии это имя нашло отражение в названии местности Касахия, упоминаемой византийским автором X в. Константином Багрянородным [108, 21]. Последний называет также область Зихию, помещая ее в Восточном Причерноморье, тогда как Касахия, по сведениям того же автора, располагалась в Прикубанье. Имя касаги, судя по доступным мне арабским и персидским источникам, упоминается в них редко. Так, в сочинении Ма'суди (X в.) назван народ кащаг ﻗﺎﺷﺎﻕ, а в анонимной персидской рукописи того же столетия упомянута область Касек (کسک), располагавшаяся в стране алан на берегу Черного моря [164, 190; 261, 38а]. Наоборот, русским летописям народ *косагы* (косоги) был хорошо известен и неоднократно упоминается в связи с различными фактами русской истории. Косогов называет «Повесть временных лет» в 965 г. в связи с походом на них князя Святослава; к 1022 г. относится рассказ летописца о походе на косогов тмутараканского князя Мстислава и его поединке с косожским князем Редедею; к 1066 г. относится сообщение о взятии дани с косогов тмутараканским князем Ростиславом и т. п. [190, т. I, 1926; 65, 146, 166].

Как и термин зихи, слово касаг (касог) сохранилось в современных языках Кавказа. В качестве названия кабардинцев оно употребляется в осетинском языке (кœсœг, кœсгон). *Кашаг* (мн. ч. *кашгар*) называют адыгов сваны. Под этим же именем (Кашаг) у тех же сванов известна территория Северокавказской равнины. В грузинском языке кашаг (kašagi) фиксируется как социальный термин и означает «рослый невольник» [8, 589]. Последнее, видимо, один из примеров трансформации этнической терминологии в социальную, что имеет место во многих, и не только кавказских, языках[5]. На-

---

[4] В надписях Ольвии не позднее первой половины II в. н. э. встречается имя касаг. Случайно ли совпадение личного имени с более поздним этническим названием, известным среди ираноязычных алан, или нет? Как известно, в греческих надписях античного времени зафиксировано немало имен, связанных с этническими названиями (Сарматос, Аспургос и др.) [см. 165, 71, 72].

[5] Например, этнический термин *хазар,* трансформировавшийся в осетинском языке в слово qazjarag — «раб», «невольник», «крепостной» [см. 12, 216, 217]. *Агруа* — абхазское название мегрелов — также означает «крепостной» и т. п.

личие слова кашаги в современном грузинском языке дает основание предполагать, что термин кашаг в прошлом был известен грузинам как этническое название. Действительно это имя, хотя и крайне редко, встречается в грузинских хрониках, в частности XIII в. [89, 48].

В источниках позднее XIII в. термин касаг почти неизвестен. Арабские и персидские авторы XIII—XV вв. не знают имени кашаг. Как одно из собирательных имен адыгов, это название иногда упоминается в трудах XVIII столетия[6]. То же следует сказать и в отношении имени зихи, эпизодически встречающегося в литературе позднего средневековья[7].

Таким образом, в античных и раннесредневековых источниках встречаются этнонимы, локализуемые в пределах Северо-Западного Кавказа (зихи, касаги), которые прослеживаются в современных языках адыгов, абхазов, осетин, сванов, грузин в качестве этнических и социальных терминов. Однако подобная генетическая связь терминов на протяжении нескольких десятков веков еще может и не означать, что древние этнонимы зихи и касаги, как и в наши дни, соотносились с адыгским этносом. Ведь известны случаи, когда этническое содержание термина менялось и в более короткие исторические периоды (ср. ираноязычных асов и тюрков-балкарцев, которые в современном осетинском языке называются *асиаг*). Поэтому крайне важны сведения античных и средневековых авторов о географических названиях, увязываемых с адыгскими языками[8]. Так, в «Перипле» V в. н. э. неизвестного греческого автора приводятся названия местности и рек — Никопсия, Топсида, Псахапсий [137, т. I, 278]. Имеющаяся в этих словах частица «пс(ы)» в адыгских языках означает «вода». К X в. относится упоминание Константином Багрянородным в Зихии сел. Сапакси, что означало, по утверждению автора, «пыль» [108, 44]. В современных

---

[6] См., например, «Описание Черкесии» Феррана, француза, состоявшего медиком при крымском хане, принимавшего участие в походе крымских татар 1702 г. на Черкесию [194, 48].

[7] См. сочинения Плано Карпини, Интериано, Ламберти, Витзена, а также западноевропейские карты XVI—XVII вв.

[8] На связь названий в сочинениях античных авторов и Константина Багрянородного с современным адыгским языком впервые обращено внимание Л. И. Лавровым в его работе «Адыги в раннем средневековье» [122, 32, 33, 55].

адыгейском и кабардинском языках слово *сап* сохранилось в том же значении. Константин Багрянородный сообщает о существовании в Зихии сел. Хамух, «названного по имени древнего мужа, основавшего это селение». В настоящее время известно адыгское имя Хамук (Хьэмыкъуэ) [122, 33]. Эти данные, хотя и немногочисленные, видимо, подтверждают этническую связь народов, известных в античное время и в раннее средневековье под именами зихи и касаги (кашаги) [9], с современными адыгами.

Знание античными и раннесредневековыми источниками кавказской этногеографической номенклатуры вполне понятно. Создание в Причерноморье греческих колоний, политически, экономически и в культурном отношении тесно связанных как с античной метрополией, так и с коренным населением Северо-Западного Кавказа, способствовало более углубленному и достоверному познанию греками и римлянами этой части Кавказа. Середина IV столетия — эпоха великого переселения народов — принесла гибель античному миру. В Причерноморье почти полностью были уничтожены греческие колонии. В начале VI в. здесь усиливается роль Византийской империи, которая начиная с этого времени предпринимает значительные усилия к укреплению своего влияния на северокавказских алан. Естественно, все эти события не могли не отразиться в исторических источниках того времени, в том числе и на изменении этнической номенклатуры, а именно замене имени зихи термином касаг.

[9] Фонетическая близость термина касаг, кашаг с именем кашков, известных в клинописных надписях конца II — первой половины I тысячелетия до н. э. и локализуемых в Малой Азии, породила в литературе многочисленные попытки генетически связать названные термины. В пользу этого предположения высказывались И. А. Джавахишвили, Г. А. Меликишвили, в недавних работах З. В. Анчабадзе, Ш. Д. Инал-Ипа, Е. С. Шакрыл и другие исследователи. «Название этих кашков,— пишет Г. А. Меликишвили,— давно сближают с названием черкесов, которые в древнерусских, древнегрузинских, арабских и других источниках известны под названием косог, кашаг, кешаг» [157, 120]. Как уже отмечалось, самое раннее упоминание в источниках этнического имени касаг относится к VIII в., когда названный термин вполне четко связывается с адыгами. Кашки (каски), увязываемые с другой этнической средой, зафиксированы в Малой Азии более чем за две тысячи лет до появления в источниках этионима касаг. Все эти моменты, на мой взгляд, исключают возможность генетической связи этнических имен *касаг* и *кашк*.

Имя касаг просуществовало в источниках до XIII в., когда новые политические события, и прежде всего появление в Восточной Европе монголов, оказали огромное влияние на исторические судьбы народов этой территории. Эти события повлияли также и на средневековую историографию. Примерно с 40-х годов XIII столетия для обозначения адыгов в источниках начинает употребляться слово *черкас (джеркас)* [10]. Имя черкес в источниках 20—30-х годов XIII столетия еще не встречается. Так, в описаниях венгерских миссионеров — монахов Юлиана и Рихарда — страна адыгов именуется Зихией (Sichia) [20, 78]. Однако в письменных свидетель-

---

[10] В кавказоведческой литературе известны попытки генетически связать этноним черкесы с именем керкеты, известным в сочинениях античных авторов. До революции об этом писал Л. Лопатинский, в 50-х годах — Л. И. Лавров, Г. А. Меликишвили, в 60-х годах — Ш. Д. Инал-Ипа, Е. С. Шакрыл и др. Основанием для подобных высказываний служит предположение о наличии адыгского этноса (меоты, керкеты, тореты) около Меотиды (т. е. Азовского моря) и за Синдикой (район современной Анапы) еще в середине I тысячелетия до н. э. Известную роль в этих предположениях, видимо, сыграла также звуковая близость терминов керкет и черкес. В вопросе генетической связи этих двух этнонимов следует различать две стороны: первая — это возможность генетической связи этносов, скрывавшихся под названиями керкет и черкес, и вторая — связь самих терминов. Последняя, видимо, исключается. В письменных источниках керкеты впервые упоминаются греческим автором IV в. до н. э. Скилаком Кариандским, который помещает этот народ за Синдской гаванью [137, т. I, 85]. Наиболее позднее свидетельство о том же народе мы находим у автора V в. н. э., по данным которого керкеты, или гориты, прежде населяли территорию от гавани Пагры, обычно отождествляемой с Новороссийском, до Синдской гавани [137, т. I, 279] и были соседями враждебных им ахейцев. Таким образом, этноним черкесы появился в письменных источниках почти через восемь веков. Возникновение термина черкес, этническая природа которого увязывается с тюркской средой, было связано с определенными политическими событиями XIII столетия. В отношении этнонима керкеты следует сказать, что остаются неясными и характер термина (его языковая принадлежность), и сущность этноса, соотносившегося с этим именем. Что касается предположения о генетической связи народа керкеты с древнеадыгским этносом, то известные нам в настоящее время источники, сообщающие сведения о локализации керкетов, не дают никаких, даже косвенных, сведений об этнической принадлежности этого народа. Индоевропейские (иранские ?) названия дандариев и аспургианов [10, 162], упоминаемых античными авторами в числе меотов [137, т. I, 133], живших между Фанагорией и Горгиппией, видимо, указывают на существование в этих местах племен индоевропейского языкового круга — возможно, ираноязычных алан.

ствах 40-х годов того же столетия этноним черкас уже известен. В монгольской хронике «Сокровенное сказание» он зафиксирован в форме *сэркэс(ут)* [105]. Впоследствии имя черкас появляется во всех исторических источниках: в середине XIII в.— в арабских, персидских и западноевропейских сочинениях [184, 57; 72, 111; 211, т. I, 213; 234, т. II, 15]; с конца XIII в.— в русских летописях [190, т. XXV, 1962, 71]. Историки Армении уже в XIII в. в перечне кавказских народов фиксируют имя черкесы [232].

В литературе последующих веков черкас (джеркас) — основное имя, под которым адыги широко известны в разноязычных источниках. Так называют адыгов арабские и персидские авторы XIV—XV вв. (Рашид ад-Дин, Ибн Баттута, ал-Умари, ал-Айни и др.) [200, т. I, кн. 2, 66; 73; 211, т. I, 213, 234, 306, 476, 502], русские летописи XV—XVI вв. [190, т. XXV, 1962, 71; т. XXV, 1949, 164, 175], документальные материалы XV—XVII вв. [179, 167, 333, 357, 381] и т. д.[11]. В западноевропейской литературе термин черкас, появившись в середине XIII столетия, встречается в сочинении Георгия Интериано (70-е годы XV в.), писавшего, что черкасами (cercasi, circassi) называют адыгов татары и турки [48, 781]. Имя черкесы неоднократно упоминается западноевропейскими авторами XVI—XVII вв.: польским летописцем Матвеем Меховским, итальянцами Жаном де Лукка (1625 г.), Ламберти (40-е годы XVII в.) и многими другими [161, 63; 172, 488; 136, 2]. На западноевропейских картах той же эпохи адыги также именуются черкесами (circassi, chirkassi) [12]. Анализ грузинских источников, доступных мне в основном в переводах на русский язык, дает возможность предположить, что имя черкес в них появилось не ранее XVI в.[13].

---

[11] Для XVII в. укажу, в частности, на переписку крымских ханов с царем Михаилом Романовым, в которой неоднократно упоминается народ *черкас, черкадж* [см. 138, 90, 99, 106].

[12] Например, «Карта России» Гастальди (1548 г.), «Карта России и Сибири неизвестного автора, сделанная на основании карты Европы Меркатора 1554 г.», «Карта Татарии» Иодокуса Гондиуса (1606 г.), карта России Сансона (1688 г.) и др. [109, вып. I, карты V, XVI].

[13] По сообщению этнографа Г. В. Цулая, слово черкес встречается в «Картлис Цховреба» (т. I) во «вставках» к списку первой четверти XVIII в. (см. «Список Теймураза»), а также на полях рукописи «Списка Мачабели» 1736 г.

В частности, опубликованная С. С. Какабадзе грамота (между 1590—1599 гг.), данная султаном Мурадом III, или Мамедом III, и подтверждающая юрисдикцию католикоса Грузии во всех владениях грузинской церкви, в числе земель называет «горные места к югу от Кавказского хребта до пределов Овсети... от Овсети до пределов Черкези и Сванети» [93, 165; 72, 14, 17, 19, 23]. Впоследствии имя черкесы встречается в грузинских документах XVII в. Такова, например, дарственная грамота Теймураза I от 1662 г. «О пожаловании черкесу Аладагу за верную службу имения и передаче ему в... зависимость черкесских и осетинских дворян вместе с их имениями» [90, 104].

Имя черкес, сменив предшествующие ему этнические названия зихи и касаги, прочно вошло в литературу всех времен и народов. Появление этого термина в источниках XIII—XIV вв. в известной мере связано с историческими событиями той эпохи, изменившими политическую ситуацию и этническую карту некоторых областей Причерноморья и Северного Кавказа. Походы татаро-монголов на Северный Кавказ, начавшиеся в 1221 г., создание Золотой Орды, образование Крымского ханства, упадок итальянских колоний — все это не могло не отразиться и на исторической литературе того времени. Существенное влияние на ход исторического развития северокавказских народов оказали окончательный разгром алан татаро-монголами в 1238—1239 гг. и в 1277—1278 гг. [128, 98, 99, 101] и последующее вытеснение их в горы. Изменилась также этническая карта Северного Кавказа, в степях и предгорьях которого расселились преимущественно тюркоязычные племена. Естественно, что все эти моменты не могли не повлиять на этническую номенклатуру края. Видимо, этим обстоятельством объясняется тот факт, что с 40—50-х годов XIII в. источники нередко фиксируют этнические названия Северного Кавказа как бы сквозь призму тюркских языков, носители которых были ближайшими соседями северокавказцев. Представляется вполне вероятным, что этноним черкес, возникший в среде тюркоязычного населения для обозначения адыгов, был воспринят лицами, посетившими Северный Кавказ, а от них вошел в европейскую и восточную литературу. Персидские и арабские авторы XIII—XIV вв. не были на Северном Кавказе, однако тесные торговые, культурные и политиче-

ские связи, обмен посольствами стран Востока с Золотой Ордой давали возможность многое узнать от лиц, побывавших на Северном Кавказе. Едва ли не единственное исключение — Ибн Баттута, ездивший в 30-х годах XIV в. в Золотую Орду и побывавший на Северном Кавказе.

* * *

«Народы, обитающие на юго-западной покатости Кавказских гор,—писал Г. В. Новицкий, побывавший у адыгов в 1830—1831 гг.,— начиная от речки Хамышь до крепости Анапы и по северной покатости от крепости Анапы до втока речки Сунжи в Терек (исключая Бештовых ногайцев, алтыкизеков и карачаевцев, имеющих жительство между обществами Кабардей и Беслиней) и на юг до линии, умственно проведенной от истока речки Хамышь через Главный хребет Кавказских гор до устья Сунжи,— известны под общим именем черкесов» [2, л. 2]. Однако, как уже отмечалось, под этим общим названием скрывалось множество племенных и локальных групп адыгов [14]. По сведениям начала XIX в., к числу последних относились жанеевцы, натухайцы, шегаки (хегаки), шапсуги, абадзехи, бжедуги, хатукаевцы, темиргоевцы, егерукаевцы, адамиевцы, мамхеги, махоши, бесленеевцы, кабардинцы, убыхи. Авторы XIX в. самостоятельными этническими подразделениями считали также хакучей, чёбсинов, адале, гуайе и др. Исторические судьбы этих групп и племен [15] складывались различно. Одни из них, утеряв былое политическое значение, в результате войн, эпидемий, процессов этнической ассимиляции численно уменьшились и сократили территорию расселения (например, жанеевцы, хатукаевцы); другие (абадзехи, шапсуги), политическая роль которых в борьбе «демократических» и «аристократических» (т. е. имевших князей) племен, а также в период Кавказской

---

[14] В литературе XIX в. нередки случаи, когда черкесами назывались не только адыгоязычные народы, но также карачаевцы, вайнахи, дагестанцы и др. [см. 60, 16—19].

[15] В этнографической литературе XVIII — начала XX в. термином «племя» обозначались не только крупные общности, как, например, темиргоевцы, бжедуги, жанеевцы, но также сельские общины, фамильные поселения и т. п. Поэтому применение термина «племя» несколько условно [см. 27, 10].

войны усилилась, численно возросли и расширили область своего обитания; третьи, небольшие локальные группы, находясь в политической зависимости от крупных адыгских подразделений, ассимилировались последними. Все эти процессы, естественно, влияли на этническую номенклатуру, которая на протяжении веков изменялась не только по форме, но и по своему реальному содержанию.

Западную часть этнической территории адыгов до начала XIX в. занимали *жанеевцы* (*жанэ*) — в прошлом одно из значительных по численности адыгских племен. Л. И. Лавров связывает это этническое наименование с географическим пунктом Sannia генуэзских карт XIV—XV вв., на которых он обозначен в районе современного Туапсе [127, 249]. Название Санниа связывается тем же автором не только с жанеевцами, но и с этническим наименованием *санигн* — племенем начала нашей эры [127, 249][16]. Таким образом, в данном случае налицо попытка установить историческую и этническую преемственность античных санигов и поздних жанеевцев. Если принять данную точку зрения, то племя жанеевцев упоминается в источниках начиная с античных времен. Народ под именем Sanna известен также на западноевропейских картах XVI в.[17]. В русских источниках имя жанеевцы в форме, близкой к современной, появляется лишь в XVI в. Так, документ 1555 г., описывая посольство черкасских князей к Ивану IV, сообщает: «Августа приехали из Черкас князи черкаские Сибок-князь да брат ево Ацымгук-князь, жаженьские черкаские государи» [91, т. I, 4].

---

[16] Отмечу, что термин *сан* как составная часть прослеживается в названии группы цебельдинцев — санеты. Как свидетельствуют источники XIX в., так назывались цебельдинцы, до 30-х годов прошлого столетия переселившиеся на р. Дал и известные среди черкесов как Херпы-куадж по имени их родоначальника Херпыса Маршания [см. 6, д. 6244, л. 104]. В I в. н. э. римский автор Плиний Секунд именем сан называет три народа: саннов-гениохов, живших около Трапезунда по берегу моря, саннов (рядом с р. Хариент) и саников около городов Кигн и Пений (Пицунда) [137, т. II, вып. I, 178, 179]. Все последующие античные и византийские авторы до VI в. санигами называют два народа: один — в районе Трапезунда, второй — около современных городов Пицунды и Сухуми, который, видимо, следует сближать с абхазо-адыгским этносом.

[17] Например, в атласе Меркатора 1595 г. (карта Крыма) между пунктами Port de Suzaco и Cacari названа местность Sanna.

Грузинская историография не знает названий отдельных адыгских племен. Упомянутые в хронике 1204 г. санига соответствуют в данном контексте, по мнению З. В. Анчабадзе, *джикам* грузинских хроник [22, 175]. Аргументы, приводимые автором, говорят в пользу этого предположения. В XVII столетии название племени появляется в западноевропейских источниках. Жан де Лукка (1625 г.), называющий жанеевцев (giana), помещает это племя в двух днях пути от Темрюка [172, 489]. Западноевропейские карты того же столетия указывают владение Джана (Giana) примерно в тех же местах[18].

Жанеевцы хорошо известны турецким средневековым авторам. Эвлия Челеби, путешествуя в 40-х и 70-х годах XVII в., описывает область черкесского племени *жана* (جانه), в составе которой были Малая и Большая Жана [263, т. VII, 730]. Эти две области упоминают также турецкие историки того же столетия — Хаджжи Халифа (جنه,) и Гезар-Фенн (جانا) [37, 101; 264, 403, карта]. Последний сообщает об округе Жане, управлявшемся двумя беками [206, 347, 555]. В русских документах XVII в. имя жанеевцев зафиксировано в форме *оджан, оджанские черкасы* [91, т. I, 9, 93].

В источниках XVIII в. племя жанеевцев упоминается сравнительно часто. Так, Главани описывает округ Жана, управлявшийся одним беем [65, 151, 154]. Владение Жана (Seigneurie Giana) обозначено на западноевропейской карте 1730 г. [109, вып. I, карта XXIII]. Жанеевцев упоминают Пейсонель (Janua), Гюльденштедт (Bshana), Паллас (Sani, Schani) [252, 318; 240, 465; 251, 362]. Название этого племени часто встречается в русских документах XVIII в. (1747, 1788 гг. и др.) [91, т. II, 14, 370], а также обозначено на первой русской карте Северного Кавказа 1719 г. К началу XIX в. жанеевцев почти не осталось, а несколько десятков семей этого племени поселились на Кара-Кубанском острове.

В современном кавказоведении причину исчезновения имени жанеевцев, сужения их территории к началу XIX в. и постепенного исчезновения самого племени принято связывать с физическим истреблением жанеевцев,

[18] Например, карты Европейской Татарии (1665 г.) и Малой Татарии (1684 г.), карта России Сансона (1688 г.) и др. [109, вторая сер., вып. I].

оказавшихся, по словам Е. Н. Кушевой, первыми под ударами Турции и Крымского ханства [120, 137]. Однако причину исчезновения жанеевцев, видимо, надо искать в другом. По свидетельству турецких авторов XVII—XVIII вв., территория, на которой проживали жанеевцы, составляла один из восточных пограничных округов Порты, где еще действовали постановления шариата, куда Турцией назначались судьи и т. п. Именно территория жанеевцев была единственным местом в Черкесии, где запрещалось брать невольников, тогда как области, находившиеся восточнее Жане, вплоть до Кабарды, считались местом военных действий, где можно было брать пленников [206, 347]. Племя жанеевцев в XVI—XVII вв. было связано узами аталычества с домом крымских ханов. Так, Богатыр Герай-хан в конце XVI в. отдал на воспитание своего сына беку Антонаку, одному из двух братьев — владетелей племени жане. Его брат Хакшумак, предполагая, что Антонак получит грамоту, дающую право власти над всей Черкесией, пошел на Антонака войной, разбил его и разорил его владение. Позднее, в 1603—1617 гг., Хакшумаку действительно была дана грамота, дававшая право старшего над всей Черкесией [206, 555]. Таким образом, хотя и имело место физическое уничтожение жанеевцев, и прежде всего в результате феодальных междоусобиц жанеевских князей, однако, видимо, нельзя лишь этим объяснять исчезновение жанеевцев к XIX в. Думается, что в уменьшении численности жанеевцев большое значение имел процесс этнической ассимиляции — поглощение жанеевцев другими локальными группами адыгов, жившими территориально близко к области Жане. Не исключено, что часть жанеевцев позднее была известна под именами *хегаков* и *натухайцев,* занимавших территории, ранее входившие в область Жане.

Недалеко от жанеевцев западноевропейские и турецкие источники XVII столетия помещают племя *хотикой (кодикой),* которое естественно связывать с *хатукаевцами* XIX в. *(хьэтикъуай).* Самое раннее упоминание этой группы адыгов, насколько позволяют судить источники, содержится у Жана де Лукка (1625 г.) в форме кодикой (Codicoï), располагавшего племя между жанеевцами и темиргоевцами [172, 489]. К середине того же столетия относятся сведения Эвлии Челеби и Хаджжи Халифы. Первый называет недалеко от жанеевцев

область черкесского племени *хатука* (هاتوقای, حاتوقای) [263, т. II, 292; т. VII, 730], второй помещает хатукаевцев (هاتوقای) между Джаной и Булукхай, т. е. между жанеевцами и темиргоевцами [37, 101; 264, карта]. Помимо этих свидетельств укажу также несколько западноевропейских карт XVII—XVIII вв.: Европейской Татарии (1665 г.), Малой Татарии (1684 г.), России (1688 г.), Турции и Татарии (1739 г.) [109, вып. I, карты II, IV, XVI][19], на которых расположение области Codiсoї между жанеевцами и темиргоевцами соответствует сообщениям письменных источников XVII в.

В русских источниках имя хатукаевцы встречается лишь в XVIII в. Оно упоминается в документах 1718 г. (*хатукаи*), 1747, 1768, 1788 гг. (*атукай, атюкаи*) [91, т. II, 19, 141, 281, 370]. Это же племя названо на карте Северного Кавказа 1719 г. (*атуки*) и в атласе России 1745 г. (*атукайцы*) [91, т. I, 388, 389]. Автор описания Кубани (вторая половина XVIII в.) располагает хатукаев, имевших своего хана, около Тамани [171, 159]. Видимо, хатукаевцев имеет в виду Пейсонель, называющий адыгское племя *хаджукаи* (Hadjoukai) [252, 318]. На карте Кавказа Гюльденштедта, как и в тексте его труда, хатукаи (Gatukai) показаны недалеко от жанеевцев по р. Кара-Кубань [240, 465]. Примерно там же хатукаевцев помещают Паллас (Hattukai) и русская карта 1799 г. [251, 360].

В связи с хатукаевцами рассмотрю еще один этноним. Иосафат Барбаро (1436 г.) среди народов Северо-Западного Кавказа называет *собайцев* (Sobai) [193, 45; 30, 128]. Более чем через 200 лет Эвлия Челеби описал кабак (селение) Субай (صوبای), находившийся в степи около Кубани, среди хатукаевских поселений. В селении Субай, где жил хатукаевский бек, насчитывалось 500 домов и жители его были ремесленниками, работавшими дома [263, т. VII, 732]. Этот же факт подтверждает С. Броневский, отмечая, что «узденская деревня Савбай», лежащая на р. Ашипс, принадлежит хатукаевским узденям [39, 62]. В источниках XVIII в. имя собайцы встречается крайне редко. Возможно, что карта Кавказа в атласе России 1745 г., автор которой помещает племя между хатукаевцами на западе и темиргоевцами на востоке, а также данные Палласа — единственные пись-

[19] На карте 1739 г. эта область названа Codiçoï Seigneirie.

менные свидетельства о собайцах той эпохи. В документальных материалах середины прошлого столетия среди хатукаевских селений упоминается сел. Субай [7, ф. 1083, оп. 2, д. 564, л. 7].

Этнографические данные дополняют эти скупые сведения о собайцах. До сих пор в ауле Хатукай известен квартал Собэйепшымйи къуэджэ, что означает «селение Собэйепша». Л. И. Лаврову, бывшему в этих краях в 1937 г., рассказывали, что хатукаевское племя некогда состояло из четырех частей, которыми управляли отдельные фамилии тлекотлешей, т. е. первостепенные дворяне. Одна из таких частей, до середины XIX в. составлявшая особое селение, находилась под управлением тлекотлешей Собэйепши, что означает «князь собайский» [125, 451].

Были ли собайцы самостоятельной этнической группой, судить трудно, так как их язык не изучен. Однако сообщение Эвлии Челеби, так же как и более поздние данные о том, что поселение Субай составляло подразделение хатукаевцев, может говорить если не о факте этнического родства этих племен, то, во всяком случае, о политической зависимости собайцев от хатукаевцев. Позднее в результате политической зависимости хатукаевцев от темиргоевской фамилии Болотоковых собайцы, естественно, также вошли в сферу влияния этой княжеской фамилии.

В современной исторической литературе неоднократно обращалось внимание на то, что в источниках до XVIII в. не упоминались *натухайцы (натхъуадж), абадзехи (абдзах), шапсуги (шэпсыгъу)* — крупнейшие адыгские племена первой половины XIX в.[20]. Действительно, в письменных источниках шапсуги впервые названы лишь в турецких хрониках 20-х годов XVIII в. Текст одной из них рассказывает о крымском мурзе Джан Тимуре, бежавшем из Крыма и прожившем среди шапсугов три года [207, 47]. В русских документах упоминание шапсугов и абадзехов *(абазыкеи, шапсо, сапсых)* относится к 1743[21], 1747—1748 гг., а натухайцев — к 1788 г. *(натхукаши)* [91, т. II, 143, 369, 370]. В

[20] Этот факт отмечали и комментировали Л. И. Лавров [129, 165—167], Е. П. Алексеева [16, 27, 28], Е. Н. Кушева [120, 143, 144].

[21] В русском документе 1743 г. упомянут народ *шапсо,* соседствующий с абазе, который «имеет особливый язык и такое же правление» [153, 31].

западноевропейской литературе первой половины XVIII в., за исключением Пейсонеля, который упоминает абадзехов, шапсугов, натухайцев (Abezache, Chapsik, Nelou khatche), эти племена не встречаются [252, 317, 318].

Значительно чаще встречаются названия абадзехи, шапсуги и натухайцы в источниках второй половины XVIII в. В русских документах этого периода помимо названного сообщения 1788 г. эти племена упоминаются в документах 1752—1753 гг. (область Абазихей, народы *базыхей* и *шапсо)* [91, т. II, 179, 180, 188]. Абадзехов упоминает также автор «Описания Кубани» (не позднее 80-х годов того же столетия) [171, 158]. Абадзехи и шапсуги (Abasech, Schapsikh) известны в сочинениях Гюльденштедта [240, 465, 469] и Палласа. Последний называет еще натухайцев (Natuchasch) [251, 332].

Чем же можно объяснить такое, довольно странное на первый взгляд обстоятельство, что три наиболее многочисленных и значительных по своему политическому весу адыгских племени упоминаются в источниках не ранее 20-х, а натухайцы и абадзехи лишь с 40-х годов XVIII в. Объясняется ли это только незнанием авторами XVI—XVII вв. этнической ситуации данной территории? Думается, что нет. Путешественникам, побывавшим на Северо-Западном Кавказе, были хорошо знакомы жившие в крае народы. Например, Эвлия Челеби описывает даже отдельные селения и небольшие группы адыгов, однако и в его сочинении не содержится никаких указаний о натухайцах, абадзехах и шапсугах. В исторической литературе по вопросу формирования натухайцев, абадзехов, шапсугов существует несколько точек зрения. Е. П. Алексеева предполагает, что выделение этих племен из массы других адыгских племен произошло лишь к началу XVIII в. Л. И. Лавров считает абадзехов и шапсугов в прошлом абазинскими племенами, чем и объясняет неупоминание их в качестве самостоятельных адыгских племен вплоть до XVIII в. Е. Н. Кушева исходит из предположения, что натухайцы, абадзехи и шапсуги, обитавшие в горах, долгое время были неизвестны и в источниках начала XVIII в. именовались «вольными черкасами» [22].

Неупоминание в письменных источниках до XVIII в.

[22] См. первую русскую карту Северного Кавказа 1719 г. [91, т. I, карта].

трех крупных адыгских племен, вероятно, может быть объяснено несколькими причинами. Как уже отмечалось, название натухайцы впервые появляется в источниках середины XVIII в. (Пейсонель). Территория расселения этого племени, по свидетельству Палласа, в 90-х годах того же столетия очерчивалась в пределах их этнической территории начала XIX в.: вокруг Анапы, далее к северо-востоку, а также по Черноморскому побережью в юго-восточном направлении. Примерно в этих местах, и прежде всего вокруг Анапы, турецкие источники середины XVII в. обозначают *шефаков* (شفاكه), известных также под именем *джегак, хегак* [263, т. VII, 714]. Русские источники того же времени не знают шефаков-хегаков, но упоминают в Приазовье племя *хундуг* (хунтунцы, хунтунские кабаки) [91, т. I, 93; 120, 137, 138]. В этих же местах на карте Северного Кавказа 1719 г. показано племя *хетуг*. Последнее, видимо, не хатукаевцы, так как несколько восточнее хетуг обозначены атуки, которых и следует связывать с хатукаевцами. По данным Главани, в начале XVIII в. округ Сагак (Шагак) располагался в Приазовье [65, 151]. В 90-х годах того же века, как сообщает Паллас, *шегаки* (Schagaki) составляли небольшое по численности племя, обитавшее в районе Анапы, рядом с уже известными в источниках натухайцами [251, 362].

Таким образом, письменные свидетельства показывают, что границы расселения адыгских групп, известных в источниках XVII столетия под именем шефака, шегак, хундуг, хунтунских кабаков, а в XVIII—начале XIX в.— под именем хетуг, хегак и натухай, в основном совпадали и включали прибрежные территории вокруг Анапы и часть Приазовья. Поскольку имеющиеся источники не сообщают никаких данных о физическом уничтожении названных адыгских племен или их миграциях, то остается предположить факт замены одного этнического имени (хегаки, шефака, хунтун, хундуг, хетуг) другим — натухай. Имя хегаки в течение XIX в. сохранялось лишь за небольшой группой прианапских адыгов. Появление нового названия племени, видимо, отразило процессы консолидации отдельных групп племен, имевшие место среди адыгов в XVII—XVIII вв., а также моменты социального характера, приведшие к возвышению фамилии Натхо, имя которой стало этническим названием племени натухай. Судя по всему, в состав натухайцев вошли

приморские адыги-хегаки, часть жанеевцев, а возможно, и хатукаевцев. Последние, до начала XIX в. жившие вблизи побережья, после передвижения к р. Лабе представляли собой небольшую по численности группу.

В связи с анализом этнонимов хегак, хетуг хотелось бы обратить внимание на следующий факт. Первая часть названных терминов может быть сопоставлена с адыгским словом *хы(э)* «море»[23]. Этому не противоречит и местонахождение адыгских обществ хегак и хетуг в прибрежной части Азовского и Черного морей. Напомню, что в сочинениях античных авторов среди племен Северо-Западного Кавказа на пространстве между Горгиппией (Анапа) и Питиунтом (Пицунда) обозначены ахеи (Ἀχαιοί)[24]. Не усматривается ли в слове ахеи уже знакомое адыгское название моря *хы* с добавлением абхазско-абазинского аффикса *-а-* и греческого окончания οί ? Локализация античными авторами ахеев на берегу Черного моря в известной мере может служить подтверждением этой мысли. Таким образом, если принять предположение, что термин ахеи связывается с адыго-абхазскими языками, то появится еще один аргумент в пользу присутствия с IV в. до н. э. на восточном побережье Черного моря населения, говорившего на языках адыго-абхазско-абазинской группы народов.

Видимо, несколько иначе происходило формирование племени *абадзехов*. Народные предания выводят их с Черноморского побережья — с территории между Адлером и Туапсе, в прошлом, по мнению Л. И. Лаврова, занятой абазинами [129, 163][25]. Длительное время в литературе существовала точка зрения, последователи которой делили черкесов на две группы: группу *абадзе* (абадзехи, шапсуги, натухайцы, иногда сюда входили

---

[23] Г. В. Новицкий в отношении шапсугов и натухайцев отмечал, что эти племена, живущие на юго-западной покатости Кавказских гор от Суджук-кале до р. Хизе включительно, известны под названием *хекуз*, т. е. «прибрежные жители» [2, л. 300]. Однако анализ этого термина подсказывает другой его смысл. Слово *хекуз* (точнее, *хэкужъ*) означает «старое местожительство» (*хэку*, т. е. «территория», «местожительство», и *жъ* — «старый»).

[24] Ахеи упоминаются уже автором IV в. до н. э. Скилаком Кариандским. Известны они также в трудах Страбона (I в. до н. э.), Плиния Секунда (I в. н. э.) и других античных писателей [см. 137, т. I, 85, 105, 239; т. II, вып. 2, 179].

[25] Связь абадзехов с абазинами находит подтверждение и в самом этнониме абадзех, означающем в переводе «нижние абазины» [129, 163].

убыхи, махоши) и группу *адыге* (темиргоевцы, хатукаевцы, бесленеевцы, кабардинцы) [26].

В начале XIX в. С. Броневский писал: «Их (абадзехов.— *Н. В.*) не почитают за коренное черкесское колено, но происшедшее от смешения абхазов и черкесов» [39, 64]. Автор, писавший в 40-х годах прошлого столетия под псевдонимом А.-Д. Г., указывал, что черкесы сами себя разделяют на племена адыге и абадзе [13, 288, 304]. К последним, по сведениям А.-Д. Г., относились абадзехи, шапсуги, натухайцы, убыхи, джигеты (южные абазины) и северокавказские абазины. Л. Я. Люлье, проживший более пяти лет среди адыгов, писал, что кабардинцы называют абадзехов, шапсугов и натухайцев *абадзе чиль,* т. е. «абазинские народы» [144, 183][27]. По сообщению того же автора, черкесы называли прибрежных убыхов абадзе, а живущих в верховьях рек — убыхами [145, 182]. Подобное разделение адыгов на две группы встречалось и в официальных документах. В рапорте генерал-майора князя Бековича-Черкасского графу Паскевичу от 17 сентября 1830 г. указывалось, что черкесы делятся на племена абадзе, куда относились общества Саше, Субеша, Шахе, натухайцы, шапсуги, абадзехи, жанеевцы, черченеевцы и племена адыге, к которым принадлежали кабардинцы, бесленеевцы, темиргоевцы, егерукаевцы, махошевцы, хамышеевцы [14, т. VII, 1878, 904—906].

Вполне вероятно, что такое разделение адыгов на две группы отражало какие-то реальные различия этнического или социального характера, существовавшие между ними. Большинство исследователей видели в основе деления адыгов на адыге и абадзе различия социального характера: абадзе составляли группу «демокра-

---

[26] Г. В. Новицкий, разделяя черкесов на адиге и абадзе, называет имя *агучипс,* являющееся, по замечанию Новицкого, синонимом слова абадзе. В агучипс включались шапсуги, абадзехи, натухайцы, а также смешанное в племенном отношении население обществ Саше и Вордане. По объяснению того же автора, агучипс означало «наш» и служило своеобразным отзывом во время различных передвижений адыгов. По утверждению Новицкого, при вопросе, кто едет, отвечали «агучипс» и под этим понимали, что проезжающий из абадзе [2, л. 300] (ср. аналогичное *вайнах,* т. е. «наш народ», используемое при общении как между чеченцами и ингушами, так и отдельными группами этих народов).

[27] Отмечу, что чиле в понимании современного адыга означает лишь селение и является синонимом слова куадж.

тических племен» (т. е. сохранивших верхушку из старшин), тогда как адыге составляли «аристократические племена», имевшие князей. Л. И. Лавров считает, что такое разделение на адыге и абадзе отражает прежде всего различия этнического порядка. Из этих групп абадзе связываются им с абазинами, в процессе языковой ассимиляции сменившими абазинский язык на адыгский [129, 165, 166; 27, 9]. Эта точка зрения, на мой взгляд, достаточно убедительно аргументирована исследователем и представляется вполне вероятной[28]. То, что часть адыгов еще в XVII в. была абазинами, находит подтверждение в свидетельствах средневековых авторов, в частности Эвлии Челеби о бжедугах-абазе, живших на Черноморском побережье. Однако, считая вполне вероятным абазинское происхождение абадзехов, нельзя не учитывать и других моментов. Неоднократные передвижения абазинского населения на северные склоны хребта не всегда носили мирный характер [60, 46]. В этом процессе могли иметь место факты политического подчинения части абазы адыгскими феодалами.

Видимо, не случайно и то, что слово абадзех не только этнический, но и социальный термин, обозначавший категорию несвободных крестьян [63, 232]. Не исключено, что в процессе непрекращавшейся классовой борьбы на Северо-Западном Кавказе в течение XVII—XVIII вв.[29] феодально-зависимое адыгское и абазинское население уходило в труднодоступные горные районы, создавая там свои поселения. В результате совместной жизни в этих поселениях выработался общий (абадзехский) диалект, а также некоторые особенности культуры и быта, что дало основание со временем считать обитателей этих поселений локальной группой адыгов.

Как проходило формирование другого крупного адыгского племени — *шапсугов,* сказать трудно. В литературе XIX в. некоторые авторы считали шапсугов племе-

---

[28] Интересен следующий факт. В XIX в. на правом берегу Псекупса находилось сел. Аше-хабль, жители которого были абадзехи. До настоящего времени на Черноморском побережье всем хорошо известна местность Аше, район которой в прошлом, видимо, был заселен абазинами. В связи с этим напомню о традиции называть новые селения так же, как назывались прежние места обитания народа.

[29] В связи с этим интересно сообщение Н. Л. Каменева, отмечавшего, что в состав абадзехов входили беглые адыгские и абазинские крестьяне [см. 97].

нем, родственным натухайцам. Существовало даже выражение «шапсугские натухайцы». Л. Я. Люлье, а также советский этнограф Э. Л. Коджесау называют общие родовые группы в составе натухайцев и шапсугов [145, 229; 104, 1]. Э. Л. Коджесау указывает восемь таких групп, три из которых (Кобле, Схапете, Сотох) вошли в состав шапсугов, остальные считались натухайцами. Известно упоминание абазы-шапсугов, живших в 20-х годах XVIII в. на Черноморском побережье Кавказа [207, 47]. Обращают на себя внимание и другие свидетельства источников. Ф. Щербина пишет, что в 1800 г. анапский паша предупредил войскового атамана Бурсака о том, что абазинцы намереваются напасть на Черноморию. В сентябре того же года атаман Бурсак прошел с отрядом от Кубани до р. Чубу, где располагались абазинские селения [225, 15]. Позже 1828 г. сведения об этих абазинах в источниках отсутствуют. Примерно к 1802—1804 гг. относится сообщение Минаса Бжишкяна (Мина Медичи) о том, что под Геленджиком имелись «абазские» селения [159, 170]. Тот же автор указывает, что эти абазы говорили на языке кубанских черкесов и кабардинцев [159, 174], т. е. население под Геленджиком по языку было адыгским, и армянский автор называет его абазским, лишь следуя исторической традиции. Однако эта традиция, видимо, отражала реальную этническую ситуацию прошлого, когда здесь жило абазиноязычное население. Следуя этой же традиции, русские документы начала XIX в. называют Геленджик абазинским портом [14, т. IV, 452].

Таким образом, представляется вполне возможным, что основу племени шапсугов составило абазское (абазинское) население, жившее к юго-востоку от Анапы. Территория шапсугов, видимо, была пограничной с адыгами-хегаками, обитавшими вокруг Анапы. Именно здесь происходило постепенное размывание абазинского этноса путем языковой ассимиляции абазин адыгами. В течение XVIII в. численность шапсугов постоянно увеличивалась за счет беглых крестьян соседних адыгских и абазских обществ [60, 44, 45], и в первой половине XIX в. шапсуги считались одним из крупнейших племен, занимая территорию на южных и северных склонах Кавказского хребта.

С шапсугами связано название *хакучи,* известное в литературе не ранее первой четверти прошлого столе-

тия. Слово *хакуч* для Северо-Западного Кавказа тех времен было синонимом слова «абрек». В литературе XIX в. хакучами называли беглых из различных адыгских племен, живших в высокогорных местах верховьев рек Шахе и Псезуапсе. Так, М. Я. Ольшевский писал, что народность хакучи образовалась из абреков соседних горских племен: абадзехов, шапсугов, убыхов и др. [170, 266]. Некоторые авторы прошлого столетия считали, что в составе хакучей были не только черкесы, но беглые солдаты и казаки — русские и украинцы [166; 141, 267]. Действительно, в период Кавказской войны труднодоступные области верховьев Шахе и Псезуапсе стали убежищем для многих беглых. Однако они поселялись не на пустом месте. В этих местах находилось Хакучинское общество[30], этническая принадлежность жителей которого определяется по их языку, представляющему говор шапсугского диалекта [228; 101]. Сказанное дает основание предполагать, что хакучи этнически всегда составляли единое целое с шапсугами и выделение первых в литературе в особое племя — недоразумение[31].

Восточнее жанеевцев в начале XIX в. расселялись *бжедуги (бжъэдыгъу)*. О них в своих работах писали Е. П. Алексеева, Е. Н. Кушева, В. К. Гарданов, М. В. Покровский. Л. И. Лавров посвятил им специальную статью, в которой ставится вопрос об абазинском происхождении этого племени [127, 247—249]. В источниках до XVII в. имя бжедуги неизвестно. В XVII в. кроме сообщения Эвлии Челеби о двух группах бжедугов *(боздук)* — абазских и черкесских (بوزدوق) [263, т. VII, 749, 750] — имеется еще свидетельство Кятиба Челеби, который среди черкесских племен называет племя *бузадик* (بوذادق) [264, карта]. По свидетельству Эвлии Челеби, «черкесские бжедуги» в 1641—1666 гг. находились по одному из притоков р. Белой, тогда как другая абазская группа бжедугов еще не переселилась к этому времени на северные склоны хребта и обитала на Черноморском побережье, примерно в районе между Сочи и Туапсе [263, т. VII, 749, 750]. Сооб-

[30] Вполне возможно, что название общества связывается с названием р. Хакучипсы — одного из притоков р. Псезуапсе.

[31] В частности, это сделано в работе М. В. Покровского [185, карта].

щаемые источниками сведения говорят о том, что среди бжедугов на протяжении трех столетий (XVI—XVIII) имели место не только неоднократные передвижения, но и процессы этнической ассимиляции абазин адыгами, в результате которых можно говорить об изменении реального этнического содержания термина бжедуг в XVI—XVII вв. В XVIII в. все бжедуги считались адыгами.

В источниках первой половины XVIII в. наиболее подробные сведения о бжедугах приводит Главани, называющий округ Бизеду, находившийся под властью двух беев — Кимси и Керкиной [65, 154]. Можно предположить, что имена последних скрывали названия двух локальных групп бжедугов — черченеевцев и хамышеевцев. В сочинении Пейсонеля бжедуги названы бузадиг (Buzadig) — именем, довольно близким по своей форме к названным выше [252, 318]. Таким образом, в источниках XVII — первой половины XVIII в. встречается несколько терминов, обозначавших бжедугов: *боздук* (Эвлия Челеби), *бундук, бизеду* (Главани), *бузадиг* (Пейсонель и Кятиб Челеби). В русских источниках имя бжедуги появляется лишь в XVIII в. Документ 1718 г. сообщает, что «позади Кабарды есть 6 городков, в которых живут черкесы ж иного языку; и из тех в Хатукае да в Жаду жителем он, Бахты-Гирей, отчасти верит» [91, т. II, 19]. Это же племя названо и на русской карте Северного Кавказа 1719 г., а также в русских документах 40-х годов того же столетия — *бжедухи (джудуги)* [91, т. II, 143, 282]. В источниках второй половины XVIII в. название бжедуги встречается значительно чаще в форме, довольно приближенной к современной *(бжедуки, бжедухи, безядухси)*. Упоминают бжедугов Гюльденштедт (Bscheduch), Паллас (Pseduch), а также автор «Описания Кубани» [240, 469; 251, 57; 171, 158].

Одним из значительных по численности и политическому влиянию в адыгском обществе было племя *темиргоевцев (кIемгуй, чIемгуй)*. Упоминания о нем появляются в источниках начала XVII столетия. «Крымский-де царь...— сообщается в русском документе 1615 г.,— пришел войною на кумиргинские черкасы и повоевал 7 кабаков» [91, т. I, 90]. В такой же форме названо это племя и в других русских документах — 1616 и 1619 гг. [91, т. I, 93, 97]. Западноевропейские и турецкие источ-

ники XVII в. обозначают темиргоевцев как владение Болетокой (Boletocoi), местность Булуккай (Buluk (Chaj). Так, Жан де Лукка пишет, что он побывал «в доме Демир-мирзы в Balutrecoy'e» [172, 486]. Эвлия Челеби и Кятиб Челеби называют темиргоевцев *булафкаи* (بولفقای) и *булакхаи* (بولق خای) [263, т. II, 292; т. VII, 746; 264, 403]. Под именем Boletocoi это же племя известно и на западноевропейских картах XVII столетия [32].

Таким образом, в западноевропейских и турецких источниках XVII в. этническим именем этой группы адыгов служило личное имя Болат, лежащее, видимо, в основе адыгской фамилии Болотоковы. Из западноевропейских и турецких авторов лишь Кятиб Челеби помимо термина булакхаи дает также второе название племени — *темиркуи* (تمر کوی) [264, карта]. Русские документы XVII в. темиргоевцев называют *кумиргинские черкасы;* термин *болетокой* им неизвестен. В целом ряде русских документов XVIII в. это же племя неоднократно упоминается как темиргоевцы [91, т. II, 143, 179, 225, 281]. В западноевропейской литературе того же века зафиксированы названия *темиргой, кемиркой* (Temirgoi, Kemirkeui) [65, 154; 252, 315, 317; 240, 469; 251, 357]. Крайне редко в источниках XVIII в. встречается название болетокой. Лишь на западноевропейской карте 30-х годов XVIII в. область темиргоевцев названа Seigneurie Bollettecoi, т. е. владение Болотоковых [109, вып. I, XXIII]. Однако создается впечатление, что эта карта — копия более ранней карты, составленной не позднее конца XVII в.

Приведенные материалы показывают, что этническое имя этой группы адыгов до XIX в. было известно в следующих формах: темиргоевцы, кемиргой, темиргой, кумиргинские черкасы — в русских, турецких и западноевропейских источниках; болетокой и булакхаи — преимущественно в западноевропейских и турецких источниках. Видимо, основой данного этнического имени следует считать фамилию Болатокъу, происходящую от тюркского имени Болат с добавлением частицы *ой,* означающей в адыгском языке принадлежность. В XVIII — нача-

[32] На карте Европейской Татарии (1665 г.) и Малой Татарии (1684 г.) Boletocoi обозначен как населенный пункт, на карте Сансона (1688 г.) — область Boletocoi [см. 109, вып. I, карты II, IV, XVII].

ле XIX в. термин болотокой (болетокой) постепенно исчезает и в литературе этого времени преимущественно употребляется название темиргой, реже кемгуй (чемгуй), т. е. самоназвание этой группы адыгов.

В источниках XVII—XVIII вв. известны несколько названий локальных групп адыгов, находившихся в политической зависимости от темиргоевцев. В числе их были *егерукаевцы (ежьдэркъуай), адамиевцы (адэмый), мамхеги (мамхыгъ), махошевцы (мэхъош)*. Автор первой половины XIX в. К. Сталь писал, что «темиргоевцы, мамхирцы (мамхеги. — *Н. В.*) и егерукаевцы соединены все под властью владельческой фамилии Болотоковых» [208, 84]. Народные предания считают все названные группы родственными по происхождению. Большинство этих групп зафиксировано в середине XVII столетия Эвлией Челеби. Путешественник описывает «кабак Иркуи» (егерукай) (قباق يركوى) как селение, состоящее из 300 камышовых домов, располагавшихся на берегу Лабы, и населенное булаткайцами [263, т. VII, 750, 751]. Кроме приведенного сообщения, сведения об этой группе адыгов в источниках XVII в. отсутствуют. В литературе XVIII столетия егерукаевцы упоминаются лишь в «Описании Кубани» (вторая половина XVIII в.) и в сочинении Пейсонеля (egherkouai) [171, 158; 252, 317]. Этими несколькими примерами и исчерпываются свидетельства письменных источников об егерукаевцах в XVII—XVIII вв. Русские официальные документы того же времени не упоминают егерукаевцев, включая их, видимо, в состав темиргоевцев. Не только факт политической зависимости от Болотоковых дал право Эвлии Челеби назвать жителей селения Иркуи булаткайцами. Язык егерукаевцев, говорящих на темиргоевском диалекте адыгского языка,— основной факт, доказывающий их этническое единство [214, 4]. Видимо, этим в значительной степени объясняется столь редкое упоминание егерукаевцев в источниках, которые обычно включали их в состав темиргоевцев. Немалую роль в этом играла также политическая зависимость егерукаевцев от темиргоевских князей Болотоковых.

Точно так же крайне редки упоминания в источниках другой группы адыгов — *адамиевцев*. В XVII в. лишь Эвлия Челеби описывает область «рода адами» (قوم ادمى) [263, т. VII, 4]. Путешественник указывает,

что местность Адами находилась у подножия гор Абаза, на берегу р. Кызлар-Алган, и состояла из одного селения в 500 домов. В селении жил адамийский бек Дикузи-бей [263, т. VII, 739, 740]. Название этого племени вновь появляется в литературе XVIII в.— в сочинениях Пейсонеля, Гюльденштедта, Палласа (Ademi) [252, 315; 240, 469; 251, 358]. Последний пишет о трех селениях адамиевцев, располагавшихся на границе с темиргоевцами. Источники прошлого столетия фиксируют адамиевцев как небольшое поселение одной узденской фамилии. Так, документ 1830 г. сообщает, что «к темиргоевским владениям принадлежит особый округ Эдамей, отделяющийся от оного р. Шагваше (Белая.— *Н. В.*), и хотя по местоположению этот аул весьма значителен, но бедный народонаселением, до 80 семей, владельцы которых Дегузовы» [14, т. VII, 899]. Из того же документа выясняется, что Дегузовы — фамилия темиргоевских узденей. Тем самым источники подчеркивают прежде всего политическую зависимость адамиевцев от темиргоевского племени. Своеобразие говора адамиевцев, возможно, указывает на какие-то этнические различия, характеризовавшие эту группу адыгов в прошлом.

В числе других локальных подразделений адыгского народа, связываемых с темиргоевцами, источники называют *махошевцев* и *мамхегов*. Сведения о них крайне скудны. Наиболее ранним сообщением о мамхегах Л. И. Лавров считает указание Эвлии Челеби о вилайете Мамшу(х) [27, 24; 263, т. II, 292; т. VII, 752, 753]. Племя *мамшу* отождествляет с мамхегами и Е. Н. Кушева [120, 141]. Е. П. Алексеева считает, что форма мамшу — название адыгского племени махошевцы [16, 27]. Край Мамшу (مامشوع, مامشوح), по описанию Эвлии Челеби, располагался на восток от темиргоевцев, в четырех часах езды от последних, на р. Псефе (Псефир?) [263, т. II, 102; т. VII, 752, 753]. Помимо Псефе Эвлия Челеби называет также реки Виль и Серали, протекавшие по территории края Мамшу. Г. В. Новицкий, писавший, что в конце 20-х годов XIX в. по Псефиру жили махоши, называет здесь же реки Уль и Серель (Виль и Серали у Эвлии Челеби), впадавшие в р. Лабу [168]. Таким образом, судя по топографии местности, термин *мамшух,* вероятнее всего, обозначал махошевцев. Однако, учитывая, что мамхеги до своего передвижения к

абадзехам жили в верховьях р. Уль, не исключено, что термин мамшу в турецких источниках относился как к махошам, так и к мамхегам. Из авторов XVII в. махоши (м-х-с-ни, مخوشي) упомянуты также Кятибом Челеби [264, 403].

В источниках XVIII в. эта адыгская группа известна также крайне редко. Округ Мамшах (Mamschach) называет Гюльденштедт [240, 462]. Местоположение округа на карте Кавказа того же автора не дает возможности для отождествления термина *мамшах* с махошевцами или мамхегами. В форме mouchosti махошевцев упоминает Пейсонель [252, 317]. В русских источниках имя этого племени почти неизвестно. Так, махоши названы в документе 1788 г. как народ, живущий в горах за темиргоевцами [91, т. II, 369—371].

Из сведений, сообщаемых источниками XVIII в., особого внимания заслуживает сообщение Главани о том, что округ Темиргой прежде управлялся двумя беями, из которых один назывался по имени округа, а другой носил имя Мокосигилан (Mokosigilan). «Ныне имеется только один бей, который носит оба названные титула и управляет двумя тысячами жилищ» [65, 154]. Первая часть имени Мокосигилан близка к названию *мохосни* Кятиба Челеби и, видимо, связывается с термином мамшух Эвлии Челеби, а также с поздними махошевцами. Судя по данным Главани, до XVIII в. махошевцы хотя и входили в округ Темиргой, но управлялись собственным князем. К 1724 г., т. е. времени путешествия Главани, махошевцы потеряли политическую независимость и стали управляться темиргоевскими князьями. Источники последней четверти XVIII и XIX вв. не знают князей у махошевцев.

Если сообщения Эвлии Челеби и Гюльденштедта об округе Мамшух (Мамшах) отнести к махошевцам, то сведения о мамхегах как самостоятельной локальной группе в источниках до начала XIX в. отсутствуют. Для выяснения этнической специфики мамхегов существенно, что язык последних — это особый говор темиргоевского диалекта адыгейского языка. Историографы XIX в. (К. Сталь, Ф. Щербина и др.) относят мамхегов к темиргоевцам [208, 84; 225, 11; 13, 305]. Видимо, неупоминание мамхегов в русских источниках XVII—XVIII вв. может означать, что они этнически и политически были едины с темиргоевцами. Отделение мамхегов

от Болотоковых и последующее передвижение племени к абадзехам произошло уже в середине XIX столетия [27, 25]. Таким образом, мамхеги, как и егерукаевцы, адамиевцы, махоши, видимо, не были самостоятельными этническими группами адыгов. Все они, говоря на темиргоевском диалекте адыгейского языка, составляли с темиргоевцами этнически единое целое и существовали как небольшие феодальные владения, находившиеся в зависимости от своего сюзерена — княжеской фамилии Болотоковых.

Самым восточным в кругу западноадыгских племен и ближайшим к Кабарде было племя *бесленей (бэслъыный)*. Наиболее ранним известием о бесленеевцах, опираясь на свидетельства Е. Н. Кушевой, вероятно, можно считать документ 1552 г. [120, 140, 141; 91, т. I, 3, 389]. Источник называет в составе посольства «черкасских князей» к царю Ивану Грозному имя князя Машука. В документе 1559 г. в списке прибывших в составе того же посольства назван Машука Кануков, «абеслинский князь»,— по мнению Е. Н. Кушевой, бесленеевский князь [120, 141][33]. В дальнейшем имя бесленеевцы встречается уже в источниках XVII в., которые называют «владение Бысленей», «бесленейские кабаки», «безленейских черкас» [91, т. I, 89, 93, 97].

Связи бесленеевцев с Русским государством, установившиеся еще в XVI столетии, были причиной сравнительно частого упоминания этой части адыгов в русских источниках XVI и особенно XVII—XVIII вв. Что касается западноевропейских источников, то бесленеевцы упоминаются лишь двумя авторами — Жаном де Лукка и Гильомом Сансоном. Первый сообщает местоположение Бесленея (Besinada), находившегося в восьми днях пути от Болетокоя и в стольких же от Кабарды [172, 489]. В такой же форме название племени приведено и на карте Гильома Сансона [109, вып. I, карта XVI]. Контакты с Крымом в форме аталычества и брачные связи вплоть до середины XVIII в. сделали племя бесленеевцев известным в турецко-крымской историографии. Эвлия Челеби называет край *Бесни, Беснаи* (بسنای, بسنی) [263, т. VII, 753; т. II, 292]. В форме *бестени* (بستنی)

[33] Л. И. Лавров в форме «абеслинский» предлагает видеть старорусское *обес(абез)ский* и считать Канукова абазинским князем [см. 121, 12].

бесленеевцы упомянуты также в «Джахāн-нумā» [264, карта; 37, 101]. Помимо Эвлии Челеби и Кятиба Челеби бесленеевцев (беслени) называет также турецкий историк второй половины того же столетия Гезар-Фенн [206, 348]. В источниках XVIII в. бесленеевцы хорошо известны. Они упоминаются Главани (округ Бесней или Бессини), Пейсонелем (Besteneï), Гюльденштедтом (Beslen), который фиксирует их на своей карте, Палласом (Beslene) [65, 155; 240, 469; 251, 355]. В различных формах название этого адыгского племени известно в русских официальных документах того же столетия [91, т. II, 24, 282]. Бесленеевцы указываются также на карте Северного Кавказа 1719 г., в Российском атласе 1745 г. и на карте 1799 г.

На востоке этнической территории адыгов обитали *кабардинцы (къэбэрдэй, къэбэртай)*. Об этом термине в специальной литературе писалось немало [131]. Однако считаю нужным напомнить некоторые моменты. Судя по доступным источникам, имя кабардинцы в форме cevertei впервые упомянуто Барбаро (1436 г.) [30, 45]. Отделение этой части адыгов от адыгского этноса, как известно из последних исследований, начавшись, видимо, еще до XII в., закончилось в основном во второй половине XIII в. [130, 24, 26]. Однако в персидских и арабских источниках XIII—XIV вв. термин кабардинцы неизвестен и появляется, как уже отмечалось, лишь в первой половине XV в. в сочинении Барбаро. Л. И. Лавров предполагает наличие в слове къэбэрдэй частицы *берды*, взятой из тюркских языков [130, 20]. «Термин „къэбэрдэй",— пишет далее тот же исследователь,— оформлен окончанием „эй", являющимся показателем принадлежности. „Къэбэрдэй"— это то, что принадлежит Кабердыю. Поэтому народное толкование термина „къэбэрдэй" как производного от личного имени является более реальным, нежели предположения историков» [130, 20, 21].

В русских источниках имя кабардинцы широко известно в документах XVI в.— периода установления тесных политических связей Кабарды и Русского государства. Таковы документы 1557, 1560, 1570, 1588 гг., где названы кабартанские черкасы, Кабардинская (Черкасская) земля, Кабардинское княжество и т. п. [91, т. I, 5, 8, 23].

В XVII в. помимо русских источников в форме *кабартай, карбатай* кабардинцы упоминаются в сочинении

Жана де Лукка (Carbatei), Эвлии Челеби и Кятиба Челеби (قبرطای) [172, 489; 263, т. VII, 703, 704; 37, 101; 264, 403, карта]. В грузинской историографии XVII—XVIII вв. название Кабарда известно сравнительно редко. Значительно чаще в грузинских хрониках и документах официального характера упоминается область Черкесия, которая территориально совпадала с Кабардой [212, 152].

* * *

В источниках XVII в. встречаются племенные названия, сопоставляемые некоторыми исследователями с адыгскими этнонимами первой половины XIX в. Таковы, например, названия народов в титулатуре крымского хана в грамотах XVII в., русский перевод которых сделан Ф. Лашковым: «Великие орды и великого юрта кипчатцкие степи и бесчисленные многие рати и неисчетных нагататцкие и тавкецкие и межгорских черкас, правые и левые руки от великого царя Багатырь Гирея» [138, 90]. С некоторыми различиями в деталях приведенный текст содержится в большинстве документов переписки крымских ханов с русскими царями на протяжении всего XVII столетия [138, 99, 106, 145, 152]. Упоминание в титулатуре крымского хана рядом с «межгорскими черкасами» (т. е. адыгами) «татцких и тавкецких» народов дало основание некоторым современным исследователям связать два последних термина с адыгскими племенными названиями. Примером подобного толкования может служить комментарий Е. П. Алексеевой в ее книге «Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI—XVII вв.», повторенный позднее в «Очерках истории Карачаево-Черкесии» [16, 27; 175, 150]. По мнению Е. П. Алексеевой, «татцкие» и «тавкецкие» народы — это племенные группы адыгов, жившие на Черноморском побережье, причем оба термина, по мнению того же автора [16, 27], согласуются с двумя названиями — *ткаку,* упоминаемым Эвлией Челеби, и *татгагус,* известным в сочинении Дюбуа де Монпере. Два последних названия будут подробно объяснены далее.

Для понимания реального содержания названий «татцкий» и «тавкецкий» существенное значение имеет знакомство с текстами документов архива крымских ханов, изданных в 1864 г. В. Вельяминовым-Зерновым

[259, 34]. Небольшая часть этих документов была переведена на русский язык и опубликована Ф. Лашковым в конце прошлого столетия. Не буду приводить довольно большой перечень земель и народов, даваемый в титулатуре крымского хана, отмечу лишь интересующие нас названия: و نوغای‌نیك و طات میلا طاوكاچ نیك و طاغ ارا چركاچنك т. е. «и ногайцев, и татов вместе с таукач и межгорными черкасами...».

Определение слова *тат* (татцкий у Ф. Лашкова) не представляет особых трудностей. По сообщению В. Радлова, это название встречалось в западной части Южного берега Крыма. «Я слышал,— пишет автор словаря,— что татары, живущие к северу от Судака, назывались татами» [199, 899]. По свидетельству Л. З. Будагова, жители Южного берега Крыма, видимо потомки генуэзских поселенцев, назывались татами [42, 329]. На это же указывают и некоторые другие источники. Во времена путешествия И. Шильтбергера (1394—1427 гг.) часть Крыма, заселенную нетатарским и христианским населением, татары называли словом тат [224, 58]. В середине XVII столетия о татах Крыма писал Эвлия Челеби, называя этим именем не только прибрежное население, но и жителей горной части Крыма под Судаком [263, т. VII, 606]. Со временем, по определению Ф. Бруна, термин тат стал обозначать все покоренное нетатарское население Крыма [41, 236, 241]. В турецких документах второй половины XVIII столетия население Крыма разделяется на две группы — татар и татов [260, 31]. Таким образом, приведенные материалы не дают никаких оснований связывать имя тат (татцкий — по Ф. Лашкову) с адыгскими племенными названиями.

Более сложным представляется анализ другого термина — *тавкецкий* (по Ф. Лашкову), *таукāч, таукāдж* (по В. Вельяминову-Зернову). Этимология этого слова неясна. Первую часть его возможно читать как *тāу* (=tah) «гора», вторую — *кāч, кāдж* как частицу, встречавшуюся в старой турецко-татарской литературе в словах, обозначавших народ. Например, в той же титулатуре крымского хана имеется *черкāч* вместо *черкас*, у Эвлии Челеби приводится название бибердовцев *бибердкач* и т. п. [259, 297; 263, т. VII, 764]. Таким образом, можно предложить следующее чтение слова тау-

кач — «горец», «горцы». Однако вне зависимости от этимологии этого термина связь его с названием тат, а также выделение в титулатуре народа под названием «межгорные черкасы», т. е. адыги, дает больше оснований отнести этноним таукач к населению горной части Крыма, жившему рядом с татами, и не связывать его с адыгскими племенами.

Несколько слов о названиях небольших групп адыгов в сочинении Эвлии Челеби. В крае хатукаевских черкесов, на горе Уюз, по сообщению путешественника, между Черкесией и Абазой, находился кабак П-диси (قباق پديسی) [263, т. VII, 733]. Название это явно связывается с фамилией хатукаевских узденей Падисовых, о которых в 90-х годах XVIII в. писал Паллас [251, 359].

Среди адыгских племен, перечисляемых Эвлией Челеби, имеется вилайет Т-каку (تقاقو), насчитывавший всего лишь 80 человек [263, т. VII, 746]. Ткаку жили в горах, в южной части которых располагалась область Садша. Многие ткаку, по свидетельству автора, не имели оружия и одевались как черкесы. Эвлия Челеби пишет, что в селениях края Мамшу находилось по одному ткаку, считавшихся священниками [263, т. VII, 752]. В научной литературе известно несколько точек зрения об адыгах-ткаку. Как уже отмечалось, Е. П. Алексеева сопоставляет это название с терминами тавкецкий и татцкий, а также с татгагус Дюбуа де Монпере [16, 27]. Исследователь исходит, видимо, из некоторого звукового сходства приведенных терминов. Л. И. Лавров, основываясь на сообщении Эвлии Челеби о том, что ткаку были священниками, считает их особым жреческим сословием [123, 199]. Последнему предположению, по-видимому, не противоречит и звуковая близость названия ткаку с адыгскими терминами *тхьэ* — «бог» и *къо* — «сын», т. е. «сыны бога». Имя ткаку в других источниках XVII—XIX вв. не встречается. Лишь у Кятиба Челеби в «Джахан-нума» приводится термин *дакук* (داقوق), обозначавший, по его мнению, какие-то религиозные представления адыгов [260, 403]. Это свидетельство также подтверждает то, что словом ткаку Эвлия Челеби, возможно, называл какую-то социальную группу адыгского населения, связанную с религиозными культами.

Как уже отмечалось, Е. П. Алексеева тот же термин ткаку сопоставляет с названием татгагус, приводимым Дюбуа де Монпере, побывавшим на Кавказе в 40-х годах прошлого столетия. Действительно, в первом томе сочинения французского путешественника встречается название Tatchagus, однако речь идет лишь о горе (le mont Tatchagus) Маркотхского хребта между Суджуккале и Геленджиком[34]. Имя Tatchagus как название одной из прибрежных групп адыгов Дюбуа де Монпере в своем сочинении нигде не употребляет.

Остановлюсь еще на нескольких этнонимах, встречающихся в источниках XV—XVII вв. и в современной исторической литературе также связываемых с адыгами. Иосафат Барбаро, путешествуя в 1436 г. из Таны по берегу Забакского (Азовского) моря, после трехдневного пути прибыл в страну Кремук (Chremuch) [30, 44]. Более чем через 40 лет проезжая по этим же местам, Георгий Интериано упомянул небольшую область Кромук (Cromuc), которая, по сообщению путешественника, граничила со Скифией, или Татарией [242, 122]. На карте Гастальди (1548 г.) сравнительно недалеко от устья Кубани по границе с Татарией также обозначена область Cremuch [109, вып. I, карта IV]. Расположение области Кремук на этой карте совпадает с рассказами Барбаро и Интериано. Указание последнего о расположении области Кремук на границе Зихии, т. е. Черкесии, и Татарии, где жили ногайцы, татарское имя владетеля местности Кремух Биберди заставляют предполагать, что население Кремука, видимо, было ногайским. Этот факт в какой-то мере подтверждает и сообщение Жана де Лукка, который в 1625 г. писал, что «черкесы соседят с ногайскими татарами корнуками (cornuchi)» [172, 488]. Это название весьма напоминает *кремук* Барбаро и *кромук* Интериано (chremuch — cromuc — cornuchi).

За областью Кремук, по свидетельству Барбаро, жили *киппики* (Chippiche), *татакозцы* (Tatacosia), *собайцы* (Sobai), *кевертеи* (Chevertei) и *ас* (As), или *алани* (Alani) [30, 45]. Неясными в этом списке представляются

---

[34] «На небольшом расстоянии к югу от входа в целебные источники Суджук-кале,— пишет автор,— выделяется группа уединенных холмов Tatchagus, которая выдвигается и закрывает часть... целебных источников, отделяя их от Геленджика» [248, 11, 12].

лишь два названия — киппики и татакозцы. Понять их помогают картографические материалы XVI—XVII вв. На карте Гастальди вся территория к северу от Кубани названа Tatarcosia [109, 1-я сер., вып. I, карта IV]. На карте Юго-Восточной России Мюнстера (1559 г.) область между устьями Дона, Волгой и Кубанью обозначена Tarcosia olim Scithia [109, 1-я сер., вып. I, карта X]. На многих западноевропейских картах XVII в. эта же территория именовалась Tatarcosia, Tarcosia, Tatacosia. Таким образом, название татакозцы Барбаро представляет собой несколько измененную форму имени Tatarcosia (Татария), т. е. население области, располагавшейся к северу от Кубани. Этнически татакозцев, вероятнее всего, следует связывать с ногайцами.

К северо-востоку от страны Tatarcosia на карте 1548 г. находилась область Chippich. На некоторых западноевропейских картах XVI—XVII вв. между устьями Дона и Волги показаны горы Hippice. Возможно, что название гор и области Chippich (Hippic) вошло в литературу XVI—XVII вв. из источников предшествующих периодов. Так, Птолемей называет Иппийские горы; Гиппийские горы упоминаются в «Армянской географии VII в.», причем их местоположение совпадает с местоположением гор Hippice карт XVI—XVII вв. [180, XVII]. М. И. Артамоновым высказано предположение, что Гиппийские горы — это Приволжская и Ставропольская возвышенности [26, 172]. Вполне допустимо, что название народа киппик произошло от Киппийских (Гиппийских) гор. Этническая принадлежность киппиков неясна. Однако их местоположение свидетельствует, видимо, о том, что киппики не связаны с северокавказскими, в том числе адыгскими, народами.

Еще два этнонима, известных в тексте «Книги Большому Чертежу», составление которой относится к концу XVI в., представляют для нас интерес. «А в тех горах по Терку и по рекам по иным пятигорские черкасы, и кабарда, и окохи, и осоки, и кугени, и мичкизы» [103, 88]. В приведенном отрывке дано несколько названий народов, из которых черкасы и кабардинцы этнически связаны с адыгами, а *мичкизы* и *окохи* — с вайнахами. Неразгаданными остаются два этнонима — *осоки* и *кугени*. Понять первый из них помогают источники начала XIX в. Ю. Клапрот в пределах Малой Кабарды назы-

вает ряд мелких ручьев, впадающих в Терек, в том числе Ассокай, на котором в то время находились три малокабардинских селения [244, 636]. Представляется вполне вероятным, что именем осоки «Книга Большому Чертежу» называет жителей населенных пунктов по Ассокаю, видимо кабардинцев, к XVII в. уже обитавших в этих местах.

Абазинские и убыхские этнонимы

В источниках до XIX в. широко известен этноним *абаза,* который употреблялся в литературе, во-первых, для обозначения области и отдельных населенных пунктов, во-вторых, для наименования группы этнически родственных народов или одного народа, т. е. в собирательном и узкоэтническом значении. Термин абаза служил также для обозначения групп зависимого населения. Этноним абаза прослеживается в сочинениях античных авторов со II в. н. э., впервые появляясь в труде Арриана [137, т. I, 222]. Последний локализует племя абазк (Αβασκοι) между апсилами и санигами, «в земле которых лежит Севастополис». В VI в. абазгов называет Прокопий Кесарийский, помещающий их, как и Арриан, северо-западнее апсилов по берегу Черного моря [192, 383, 384]. Анна Комнина (XI в.) упоминает авасгов в своей «Алексиаде» [19, 627]. Все свидетельства античных и раннесредневековых авторов показывают, что они этнически отделяли абазгов (авасгов) от апсилов, ахеев и зихов. В арабских и персидских исторических сочинениях упоминания имени абаза крайне редки. Так, местность Абаза называет персидский автор начала XV в. Низам ад-Дин Шами в связи с походом Тимура по Северному Кавказу в 1395—1396 гг. [211, т. II, 123]. Однако остается неясным местоположение области, находившейся на северных или южных склонах хребта.

В форме *обез* тот же термин известен в русских летописях XII—XV вв., где он обозначает как северокавказских абазин, так и в целом абхазов и западных грузин [190, т. I, 341, 474; т. IX, 198; т. XI, 152, 159]. Этой же традиции следуют русские источники XVI—XVIII вв., которые неоднократно упоминают имя обез

(абаза) в основном применительно к абазинам Северного Кавказа. «... Июля в 30-й день,— сообщается в документе 1570 г.,— Офонасью, и Федору, и Ивану, и Никифору сказал Петр Ибаков, да Собаня Резанов, да Нагай Сеундюков, да Бигилдей Разгозин. Приехали деи из Черкас Алди-Гирей царевич, а воевал деи черкасы Баазытцкие. И Темрюк деи князь з детьми Баязытцким черкасом приходил помогати...» [91, т. I, 22]. Видимо, в документе речь идет о северокавказских абазинах, которые в XVI в. находились в вассальной зависимости от кабардинских князей. Подобные сообщения о «баазытцких», абазинских черкасах нередки и в русских источниках XVII в. «Покочевали-де Алегук и Ходождук мурзы Казыевы со своими людьми с старых своих кочевных мест в сход к Малому Нагаю за Кубань-реку под Абазы»,— рассказывается в документе 1642 г. [91, т. I, 208, 209]. Западноевропейские авторы до XVII в., в известной мере следуя традициям античных историков, разделяют территорию по Черноморскому побережью до Мегрелии на три области — Зихию, Абазгию и Авгазию [35].

В источниках XVII столетия этноним абаза употребляется как в собирательном, так и в узкоэтническом значении. Жан де Лукка считал абазами все население, жившее за черкесами [172, 488, 492]. Д'Асколи употребляет это название (Abassa) при обозначении одного из восьми языков, распространенных на Черном море; при этом автор подчеркивает, что абазский и черкесский языки различны по происхождению и их носители не понимают друг друга [234, 14]. Под именем Абаза у д'Аскоди известны также два больших приморских торговых пункта: один — на границе Мегрелии и Абазии, другой — в 50 милях к юго-востоку от Маматала, от которого до Геленджика насчитывалось 150 миль [234, 8, 12]. Арканджело Ламберти (середина XVII в.), длительное время живший в Мегрелии, не называет термина абаза, а различает по Черноморскому побережью *абхазов* (abcassi) и *джиков* (gichi) [136, 12], т. е. приводит грузинское название абазин Причерноморья. Оба этнонима — *абказ* (abcas) и *джики* (giques) — упоминает Жан Шарден, побывавший в Закавказье в 1671 г. [238,

[35] Например, генуэзские карты XIII—XV вв., Георгий Интериано, Матвей Меховский и др.

54, 55], обозначая ими народы между Мегрелией и Черкесией. Термина абаза путешественник не знает. Западноевропейские карты XVI—XVII столетий употребляют разнообразную этническую терминологию. Карты XVI в. называют Черкесию (Circassia), Абхазию (Augiasia) и Зихию (Zichia) [36], на картах XVII в. помимо Черкесии обозначены Абхазия и Абазия или только Абазия (Abasia) [37]. В этом случае последняя включала абхазские и абазинские земли. Грузинские источники XVII в., как и предшествующих эпох, не знают термина абаза, а четко разделяют соседние им с северо-запада народы на абхазов и джиков. Появление этих этнонимов в грузинских источниках уходит в глубь веков. Во всяком случае, грузинские хроники XI в. упоминают оба этих этнических имени в качестве названия областей Абхазети и Джикети, из которых первое представляет, видимо, грузинскую форму термина абаза [147, 697].

Турецкая историография XVII столетия знает имя абаза (ابازه) лишь как собирательное. Эвлия Челеби все население Северо-Западного Кавказа разделяет на две группы: черкесов, занимавших территории к северу от Туапсе, Прикубанье, Кабарду, и абазу, к которым относилось население побережья и горной полосы к юго-востоку от Туапсе вплоть до Мегрелии [263, т. II, 292] [38]. Автор перечисляет 15 абазских обществ, анализ названий и местоположения которых показывает, что эти общества были абхазскими, абазинскими и убыхскими [263, т. II, 102—107] [39]. Замечу, что Эвлия Челеби обозначает термином абаза лишь население южных склонов Кавказского хребта, тогда как северокавказские абазины в его сочинении представлены под именами локальных групп (бибердовцы, дударуковцы и др.). Кятиб Челеби употребляет этноним абаза также в собирательном значении. Область под этим названием он помещает между Суджук-кале и Сухум-кале [264, карта].

---

[36] Например, карты Гастальди (1548 и 1561 гг.).

[37] Карта Массы (1633 г.), карта Европейской Татарии (1684 г.), карта Сансона (1688 г.) и др.

[38] Эвлия Челеби называет границей абазов и черкесов Анапу [см. 263, т. VII, 714].

[39] Подробный анализ названий абазских обществ из сочинения Эвлии Челеби сделан в работе А. Н. Генко «О языке убыхов», значение которой выходит за пределы поставленных автором лингвистических задач, а также в книге З. В. Анчабадзе [21].

Объединение в средневековых (турецких, частично западноевропейских) источниках под одним названием разных народов, населявших Черноморское побережье (абазин, частично абхазов, убыхов), можно объяснить не незнанием авторами конкретной этнической обстановки этих районов Кавказа, а скорее языковой и культурной близостью живших здесь народов. В связи с этим представляет интерес следующее высказывание А. Н. Генко. Вся группа абазоязычных племен, по мнению исследователя, составляла в языковом отношении довольно единый коллектив, «взаимопонимание в пределах которого в прошлом было гораздо более достижимо, чем в настоящее время» [61, 7]. Как уже отмечалось, в состав абазы, по свидетельству Эвлии Челеби, входили абхазы, абазины, убыхи, этническое родство которых в средневековье проявлялось более четко. Со временем особенности исторического развития каждого из этих народов усилили процесс обособления (прежде всего языковой дифференциации), нельзя забывать также и о процессе этнической ассимиляции абазин адыгами, а возможно, и абхазами. Абазины, переселявшиеся несколькими волнами на Северный Кавказ, испытывали также сильное влияние кабардинского языка и культуры.

Несмотря на большую языково-культурную близость абазской этнической общности, составлявшие ее группы всегда имели отличительные особенности, которые давали право окружающим абазу народам выделять в ней несколько этносов. Это нашло отражение в грузинских источниках (абхази и джики). Адыги различали по побережью абазин (*абазэ*), убыхов (*уббух*) и абхазов (*азыгъэ*). Сами абхазы выделяли из общей массы абазоязычного населения Причерноморья своих северо-западных соседей — абазин и убыхов, называя первых *асадзуа*. Впоследствии этим термином абхазы обозначали также адыгоязычное прибрежное население Шапсугии, а нередко и убыхов.

Русские источники употребляли термин абаза преимущественно в узкоэтническом значении. Это относится как к упомянутым документам XVII в., так и к источникам XVIII столетия, в которых Абазой называли и территорию северокавказских абазин — Малая Абаза,— и южных абазин — Большая Абаза [91, т. II, 188, 194, 225]. В этом же плане термин абаза используется и в

трудах западноевропейских авторов. Так, Главани пишет об округе Бескесек-абаза на Северном Кавказе и области Абаза — территории обитания южных абазин. «Бескесек-абаза,— сообщает путешественник,— уподобляются черкесам, но по языку и происхождению они абазы» [65, 154]. Тем самым Главани подчеркивает генетическую связь северокавказских и южных абазин. По мнению Гюльденштедта, в область Абазы входили территории в горах и на южных склонах хребта против Черного моря до Рабанта, находившегося к югу от Анапы. Помимо тапанта и шкарауа путешественник относил к абазе общества Аше, Шахе, Туби (т. е. шапсугские и абадзехские) и убыхов [240, 463, 465, 466]. Однако в конце XVIII в. подобное представление уже не соответствовало реальным этническим границам абазин. Паллас в состав Большой Абазы включал башилбаевцев, баракаевцев, а также абадзехское общество Туби, шапсугов, натухайцев и убыхов, что в известной мере подтверждает генетическую связь этой части адыгов с абазинами. Малая Абаза, по сведениям того же автора, была областью расселения абазин-тапанта [251, 328—333].

Грузинским источникам XVIII в. термин абаза неизвестен. Соседние с Грузией причерноморские области в них разделяются на Абхазию и Джикетию (т. е. земли южных абазин) [45, 235]. Однако соответствие этнонима джики южным абазинам не всегда было характерно для грузинских источников, и в раннесредневековых грузинских хрониках джиками обычно назывались адыги[40]. В документах XVII в. термин джики обозначал уже население другого этнического корня, а именно северо-западных соседей Абхазии, т. е. южных абазин. Так же трактует этноним джики (Джикети) Вахушти и грузинские официальные источники XVIII в. Так, документ 1754 г. сообщает об участии джикских войск наряду с другими войсками северокавказских горцев в военных мероприятиях грузинского царя Ираклия II. Текст документа вполне четко отделяет черкесов (кабардинцев), абхазов и джиков (южных абазин) [212, 152]. В форме джикеты этот термин известен в русской кар-

[40] Грузинский летописец XI в. Джуаншер в книге «Жизнь Вахтанга Горгасали» (V в.) называет джиков рядом с Овсети и Пачаникети и помещает их на северных склонах Кавказского хребта.

тографии конца XVIII в., а впоследствии и в кавказоведческой литературе XIX в. как этническое имя южных абазин.

На основе самоназвания народа абаза в русских документах XVIII столетия образуется этноним абазины [91, т. II, 46, 152, 188], употреблявшийся в этнографической литературе последующего времени для обозначения северокавказской группы абазы. Однако первоначально термин абазины прилагался только к группе тапанта (алтыкесек). Лишь в литературе XIX в. абазинами стали называть также группу абазы, говорившую на диалекте шкарауа.

Значительно реже в источниках XVIII в. термин абаза имеет собирательный смысл. Приведу лишь два примера. Пейсонель пишет, что абаза — это народы, живущие между черкесами и грузинами и разделяющиеся, как и черкесы, на множество племен [252, 1]. Однако тот же автор употребляет термин абаза и в узкоэтническом смысле, называя им абазин-тапанта [252, 317]. На западноевропейской карте Татарии 1730 г. все приморское население от Геленджика до Мегрелии названо абазой, а жители гор — джиками [109, вып. I, карта XXIII]. Таким образом, в данном примере в состав абазы вошли адыги, абазины и абхазы.

В литературе XIX в. термин абаза встречается крайне редко. Так называет жителей, обитающих между Анапой и Сухуми, упомянутый выше Минас Бжишкян [159, 172]. Однако употребление термина абаза для обозначения приморского населения не отражало реальной картины расселения абазы, т. е. абазин, а скорее было результатом традиционных представлений об этническом составе населения этой части Причерноморья в далеком прошлом. Из текста сочинения Минаса Бжишкяна видно, что под абазой автор имел в виду адыгов.

Краткий обзор источников показывает, что реальное содержание термина абаза на протяжении веков менялось. Для источников XVI—XVII вв. характерно употребление его в качестве собирательного (за исключением русских источников). В литературе XVIII—XIX вв. термин абаза применялся большей частью в узкоэтническом смысле, обозначая абазиноязычное население Северного Кавказа или южных склонов Кавказского хребта.

* * *

Как уже отмечалось, северокавказские абазины[41] включали две группы—*тапанта (тIапIанта)* и *шкарауа (шхъарауа)*, делившиеся в свою очередь на несколько локальных подразделений[42].

Абазины-тапанта в пределах Северного Кавказа известны уже в источниках середины XVII в. Эвлия Челеби упоминает кабак Дудуркаи (دودورقای قباق) и вилайет рода Бердикадж (قوم بیبردقاج) как владения, зависимые от кабардинских князей [263, т. VII, 756, 764]. Кроме того, в числе абазских племен Черноморского побережья путешественник называет племя *качилер* (کچیلر), т. е. кячевцев [263, т. II, 103]. Означало ли это сообщение, что кячевцы еще не переселились на Северный Кавказ или за хребет перешла только часть народа, сказать трудно, так как в литературе XVII в. сведения о локальных группах северокавказских абазин крайне редки. Русские документы того же столетия упоминают некоторые подразделения абазин-тапанта. Так, в документе 1634 г. назван Мурза Кумургука Отлепшукин Ловов [120, 157], а в документе 1643 г., рассказывающем о принесении присяги (шерти) русскому правительству северокавказскими феодалами, названы представители лоовцев, дударуковцев, бибердовцев [120, 157].

Источники XVIII в. сравнительно подробно и часто описывают абазин. Среди них наиболее ранние сведения содержатся в сочинении Главани, который включает в Бескесек-абазу (т. е. «пятидольную абазу») группы Дударух, Лауказ (Лоу), Биберди, Кимлик (Клыч?), Трам [65, 154, 155; 121, 14]. Имена Лауказ и Кимлик Л. И. Лавров связывает с лоовцами и клычевцами [121, 14]. В сочинении Пейсонеля, относящемся к середине XVIII сто-

---

[41] Истории северокавказских абазин посвящены работа Л. И. Лаврова [121], главы из книги Е. Н. Кушевой [120] и монографии Е. П. Алексеевой [15, 16].

[42] В состав группы тапанта входили бибердовцы (бибард), дударуковцы (дударыкъва), трамовцы (трам), джантемировцы (джәнтымыр), клычевцы (кълыч), кячевцы (кIьачв), лоовцы (лəу). Группу шкарауа составляли: баговцы (багъ), баракаевцы (баракъай), башилбаевцы или мысылбай (бысылбай, мысылбай), кизилбековцы (къызылбəк), шахгиреевцы, или чаграй (чэгърэй), тамовцы (там).

летия, известны имена дударуковцев (Doudarouk), бибердовцев (Biber-Doukouadje), лоовцев (Ilou-kouadje) [252, 317]. В составе тапанта (алтыкесек), по сведениям Палласа, было шесть подразделений: Лоу (Lou), Биберд (Bibert), Дударук (Dudaruk), Клыч (Klitsch), Кяч (Ketschega), Джантемир (Schentemir) [43]. Кроме того, выделялась группа абазин Трамовых [251, 329, 330].

В русских источниках XVIII в. имя абазин-тапанта и его отдельных подразделений упоминается довольно часто. В объяснении к карте Кабарды 1744 г. алтыкесек-абаза разделена на Нижнюю, Среднюю и Екепцокскую Абазу [97, т. II, 114]. Последняя группа называлась по имени речки Екепцоко. В Нижнюю Абазу входили лоовцы, дударуковцы, кячевцы, клычевцы. Верхнюю Абазу составляла часть средних абазин, переселенных на р. Зеленчук [91, т. II, 194]. В приведенном списке названо также абазинское селение Бабуковское, известное уже в русских документах XVII столетия [120, 157]. На той же карте 1744 г. есть еще одно наименование, связываемое с абазинами. «В них (Нижняя Абаза.— *Н. В.*) деревень с пятнадцать, называются обще Танбиюкай» [91, т. II, 194]. Это название встречается также в документе 1768 г., который сообщает, что «между рек Кумы и Кобан (Кубань.— *Н. В.*) живут алтикасек-абаза, против вышепоказанного Бургусанта в урочище Танбуха, до 300 с небольшим» [91, т. II, 281]. Видимо, имя тамбукаевских абазин, известных по карте Кабарды 1744 г., следует связывать с названием урочища и озера Тамбукай. Имена старшин тамбукаевских абазин Али Лоова и Алыпгирей Бибердыева, упомянутых в документе 1753 г., говорят о том, что в состав этой группы абазин входили тапантовцы, а именно часть лоовцев и бибердовцев. Источники, по сообщению Л. И. Лаврова, упоминают также абазин махоковцев и абуковцев, которые в XIX в. в значительной мере слились с кабардинцами [121, 27].

Группа абазин-шкарауа включала шесть локальных подразделений, из которых *башилбаевцы* (بسنی بای), *чаграй* (چغری), *баговцы* (باغرس) и, возможно, *баракаевцы* (برکیجه) известны уже в источниках се-

[43] Трамовы (Трамраа) — фамилия амыстаду (крупные дворяне) у Лоовых.

редины XVII столетия[44]. Во времена Эвлии Челеби часть этих племен, видимо, обитала на Северном Кавказе, часть — на южных склонах хребта [263, т. II, 105; т. VII, 753, 754]. Кроме названных племен в составе абазы турецкий путешественник называет горную страну Садша, принадлежавшую Сиди Ахмет-паше [40, 176]. Пейсонель, перечисляя адыгские и абазинские племена, вслед за башилбаевцами упоминает племя сейди (Seidi) [252, 317]. В этом названии можно усмотреть фамилию Сиди, о которой пишет Эвлия Челеби,— в середине XVII в. владетелей страны Садша, а в поздних источниках известных как башилбаевские князья Сидовы (Сидаа). Так, в литературе XIX в. встречается название башилбаевского аула Магомет-Гирея Сидова [226, 162]. Таким образом, в прошлом столетии Сидаа были абазинами-шкарауа (башилбаевцами). Однако сведения Эвлии Челеби дают возможность предполагать другую этническую принадлежность фамилии Сидаа двумя столетиями ранее. Судя по записям слов языка Садша, сделанным турецким путешественником, жители этого общества были убыхами, т. е. в течение XVII—XVIII вв. среди части убыхов, видимо, имел место процесс смены убыхского языка абазинским.

В XVIII в. особенно часты упоминания шкарауа в западноевропейских источниках: Главани называет башилбаевцев, баговцев и баракаевцев [65, 154, 155], Пейсонель — башилбаевцев (Beselbaï), шахгиреевцев (Chegherai), баракаевцев (Berakaï) и баговцев (Bagh) [252, 317]. Все шесть подразделений шкарауа названы Гюльденштедтом, из которых три (башилбай, баг, баракай) обозначены им на карте Кавказа [240, 466]. В русских источниках XVIII в. группа шкарауа почти неизвестна. Так, документ 1753 г. называет владения Кизылбек и Чигрей, т. е. шахгиреевцев [91, 180], в документе 1788 г. сообщается о взятии аманатов у башилбаевцев [91, 369].

* * *

Абазины, жившие на южных склонах Кавказского хребта, в начале XIX в. включали медовеевцев (мудавэй, мдажъуи) [45], в состав которых входили горные об-

[44] Ср. имя баракаевцев (Braki) в сочинении Белля [235, 360].
[45] Адыгское название горных обществ южных абазин.

щества Псху, Ахчипсы, Аибга, а также прибрежное население от Гагры до Сочи, т. е. общества Цандрипш (Шъандрыпш), Кечба (КячIэ), Аредба (Ардыкъуэдж), Баг (Багъ) и др. Известия о них еще более скудны, чем о северокавказских абазинах. Вплоть до XVIII в. западноевропейские и турецкие авторы называли их собирательным именем абаза, а грузинские источники — джиками.

Более подробно о южноабазинских обществах пишет лишь Эвлия Челеби, участник похода турецких войск 1641 г. против донских казаков, захвативших Азов, проплывший на лодках с турецкими отрядами от Фазиса в направлении Анапы. Из южноабазских горных обществ Эвлия Челеби называет медовеевцев (ماجای), в числе которых он различает Псху (پوسحو), Ахчипсы (احچپسی), Беслеб (بسلب), Мункеллебе, Чаграй, Ала-Корейш, Убых, Чичакорес, Мача, Панчареш. «Они никогда,— замечает Эвлия Челеби в отношении горных абазов,— не смешиваются с приморскими абазами» [263, т. II, 180, 181].

Далее описаны приморские общества Кечилер (كچيلر), Баг (باغرس), Арлан (آرلان), Арт (آرت), Камыш (قامش) [263, т. II, 102—106; 40, 181]. Последнее общество в первой половине XIX в. входило в состав округа Ясхрипш [195, 415]. Названия обществ Кечилер и Баг указывают на связь с северокавказскими абазинами-шкарауа (баговцы) и тапанта (кячевцы). Комментируя некоторые названия, приводимые Эвлией Челеби, А. Н. Генко считает, что племя Арлан занимало территорию позднейшего Цандрипша [63, 235]. С последним тот же автор связывает и общество Чандалер (چاندالر) [63, 234; 263, т. II, 102, 103]. Более вероятной кажется связь Цандрипша с обществом Чандов, тогда как общество Арлан, судя по данным 30-х годов прошлого столетия, занимало прибрежную территорию между реками Соча-пста и Хамыш [100].

Помимо перечисленных абазских обществ Эвлия Челеби называет по побережью и в горах следующие племена [46]: *сучэлер* (سوچەلر) *джамбэ* (جمبه), *боздук* (بوذودوق),

[46] Точнее, отдельные сельские общества и фамильные поселения, многие названия которых отражали географическую номенклатуру того времени.

усувиш (اوسوويش), *ашегели* (اشغيلى), *суук-су* (صوق‌صو) и *кутаси* (قوتاسى) [263, т. II, 105—107]. Эти племена, по свидетельству путешественника, также были абазскими. О боздуках уже писалось выше. Сопоставление остальных приведенных названий с более поздними убедительно сделано А. Н. Генко, который связывает Сучэлер с местностью Соча, общество Усувиш с населением окрестностей р. Шахе, Кутаси помещает в районе Туапсе [63, 236]. Общество Ашегели, естественно, сопоставляется с современным Аше. Эти названия известны и в XIX в. (например, общество Аше), однако этнический состав этих обществ изменился, поскольку на этой территории длительное время происходил процесс смены абазинского языка адыгским и в XVIII в. местное население стало считаться черкесским.

Последующие очень суммарные сведения о южной абазе относятся к XVIII столетию. По свидетельству Главани, в первой четверти XVIII в. по побережью Черного моря жили 24 независимых абазских бея [65, 163].

Пейсонель пишет о нескольких абазских населенных пунктах, названия которых совпадают с данными Эвлии Челеби. Это Эрделер (Артлер), Кетшилер (Качилер) и др. [252, 4]. В северо-западной части Абхазии, по сведениям Гюльденштедта, располагались округа Хирпыт, Аибга и пять абхазских фамилий Мудавей [240, 465]. В русских источниках до XIX в. названия обществ южных абазин почти не упоминаются. Мне известен лишь один документ середины XVIII в., в котором при описании дороги с Кубани в Грузию названо имя медовеевцев [91, 180]. Авторы прошлого столетия южных абазин называли садзами (от абхазского *асадзуа*) и джигетами. Были известны также названия отдельных южноабазинских обществ, употреблявшиеся часто в значении этнонимов.

* * *

Имя *убыхи* встречается в письменных источниках крайне редко. Только в прошлом столетии о них писали многие авторы, так как убыхи играли значительную

роль в период Кавказской войны на Северо-Западном Кавказе[47].

Самоназвание убыхов *пёх (бёк)* не зафиксировано ни в одном письменном источнике. Однако А. Дирр и А. Н. Генко предполагают, что этот термин в форме *брухи* (Βρουχοι) упоминается Прокопием Кесарийским, автором VI в. [137, 383; 63, 229], а еще ранее в «Перипле» безыменного автора V в. в названии р. Брухонта, «ныне называемой Мизигом». Византийский историк помещает брухов в горах Восточного Причерноморья между авасгами и аланами. Подобная локализация также может говорить в пользу сопоставления А. Дирра и А. Н. Генко имени брухов с термином пёх. В описании Эвлии Челеби приводится имя народа *вайяпиһа* (وای پیغا), живущего на побережье [263, т. II, 102]. Вторую часть названного этнонима А. Н. Генко удачно сопоставляет с самоназванием убыхов пёх. Первая часть слова вайяпиһа — *вайя* — легко сопоставима с адыгской фамилией *гуайе*, в XIX в. считавшейся шапсугской [63, 237].

Кроме приведенных свидетельств имя убыхи в источниках до XVIII в. неизвестно. Однако некоторые косвенные данные, сообщаемые Эвлией Челеби, позволяют дополнить эти скупые известия. Среди горных абазских обществ Эвлия Челеби называет вилайет Садша (صدشه) [263, т. II, 104]. Изучение содержащихся в труде Эвлии Челеби слов и выражений языка Садша (по его определению абазов), сопоставление этих данных середины XVII в. с более поздними источниками позволили А. Н. Генко показать, что население названного абазского общества говорило по-убыхски [63, 241]. Тем самым имя *садша* следует связывать с убыхами.

В источниках XVIII в. этот народ упоминается значительно чаще, но всегда в форме адыгского названия народа *убых*. С именем убых, видимо, следует связывать два названия, приводимые Пейсонелем —

---

[47] См., например, труды Дж. Белля, А. Дирра, П. Услара и др. [235; 74; 75; 237; 215]. В советской исторической литературе помимо работы А. Н. Генко [63] убыхам посвящены исследования А. Фадеева [216], Л. И. Лаврова [134, 133, 147—151] и монография Ш. Д. Инал-Ипа [84, 257—310]. Язык убыхов был предметом длительных исследований А. Дирра, Ж. Дюмезиля, А. Н. Генко, Х. Фогта [237; 238; 63; 257].

Onbech и Chachi [252, 317]. Последнее весьма близко по звучанию к Садша и не зря помещено этим автором рядом с убыхами. Имя убыхи (Oubouch) зафиксировано также Гюльденштедтом [240, 465], который в местах расселения убыхов называет общество Sachi; название этого общества можно также сопоставить с Садша. По свидетельству Палласа, убыхи (Ubouch) входили в состав Большой Абазы [251, 465]. Известия об убыхах в русских источниках редки. Например, один из немногих документов 40-х годов XVIII в., описывающий политическую ситуацию в Черкесии, в списке адыгских племен, отложившихся от Крыма, называет убыхов [91, т. II, 143].

Исходя из скупых материалов по убыхскому языку, имеющихся в нашем распоряжении благодаря трудам П. К. Услара, можно установить, что абхазы называли убыхов *апчjох,* черкесы — *уббух* [215, т. I, 72, 73]. Сами себя убыхи, по свидетельству того же П. К. Услара, именовали *апёх (anjox)* или *njox.* Х. Фогт помимо термина *убых (аубых)* указывает термин *туахы,* который, судя по источникам первой четверти прошлого столетия, был абхазским названием страны убыхов Туахы [257, 195]. Как отмечает А. Дирр, в начале XX столетия абхазы не знали названия убых и использовали для обозначения этого народа имя *садзуа,* а также фамилии двух известных убыхских родов — Агухоуа (Агвхаа) и Аублаа [75, 269; 84, 269].

Этнографические свидетельства

Таково развитие этнических названий адыгов, абазин и убыхов, прослеживаемое по письменным свидетельствам. Этнографические материалы, собранные в последние годы в результате непосредственного общения с адыгами и абазинами, дополняют и уточняют некоторые моменты в этнонимии этих народов.

Следует сказать, что адыгейцы, кабардинцы и черкесы вполне четко осознают свое этническое единство. В понимании адыгейцев к адыгам относится та часть населения Кубани, Кабарды и Карачаево-Черкесии, которая называет себя адыге. Житель Кабарды считает адыгами население Кабарды, которую он разделяет на Малую, Среднюю и Большую, а также жителей Куба-

ни и черкесов, живущих по Большому и Малому Зеленчуку. При общении представители этих групп назовут себя адыге, однако кабардинец, житель Кабарды, подчеркнет, что он из Кабарды, адыгеец уточнит, что он с Кубани, а черкес из Карачаево-Черкесии, разговаривая с кабардинцем, назовет себя *хьэжрэт* («абрек», «отступник»), показав тем самым, что он потомок адыга, ушедшего из Кабарды. Хьэжрэт — название черкесов, известное также и среди малокабардинцев.

Несколько иначе обстоит дело в отношении языка. По мнению адыгов, адыгейцы, кабардинцы и черкесы понимают друг друга, однако адыгейцам менее понятен язык кабардинцев, тогда как черкесов хорошо понимают кабардинцы Карачаево-Черкесии. Этот факт вполне объясним. Как известно, часть адыгского населения Карачаево-Черкесии составили переселенцы из Кабарды, ушедшие оттуда в начале XIX в. и известные в литературе под названием «беглые кабардинцы». Этническое единство адыгов подтверждает также сохранившееся среди них представление о единой прародине. Кабардинцы из сел. Зеюко в Карачаево-Черкесии говорили мне, что «все мы от адыгейцев и прежде жили в тех же краях». По образному выражению 80-летнего жителя того же селения Адами Кенчешаова, «адыгейцы — корень всех адыгов».

Кроме разделения адыгов на три народа (адыгейцев, кабардинцев, черкесов), как известно, в источниках зафиксировано также множество адыгских локальных групп, прослеживаемых по этнографическим материалам и в настоящее время. Самой западной группой адыгов до начала XIX в. были жанеевцы. В наши дни среди адыгейцев представление о жанеевцах как о племени или группе адыгов почти не сохранилось. Известна лишь фамилия Жане, живущая в нескольких селах Адыгеи (Старый Бжегокай, Эдепсукай, а также в сел. Эрсакон Карачаево-Черкесии). Высказывания о Жане как об адыгской (точнее, адыгейской) фамилии приходилось слышать среди бжедугов, шапсугов, бесленеевцев, кабардинцев Карачаево-Черкесии. Причерноморские шапсуги знают имя Жане только как фамилию кубанских шапсугов. Действительно, среди последних, в частности в сел. Афипсип, живет много представителей этой фамилии. В этом же селении удалось записать рассказ местного жителя Хасана Мусовича Ока

(78 лет) о том, что жане это не только адыгейская фамилия, но и народ, некогда живший на берегах Кубани.

Более четкие представления сохранились среди адыгейцев об абадзехах [48]. Кубанские шапсуги знают их под именем *абдзах* и считают адыгами. По мнению этой части шапсугов, абдзах, жившие в горах за Майкопом, этнически ближе всего к шапсугам. В рассказах информаторов особенно подчеркивалась разница между абадзехами и бжедугами. У последних, по утверждению кубанских шапсугов, были пши, т. е. князья, тогда как абдзах князей не имели. Та же точка зрения высказывалась и причерноморскими шапсугами, которые считают абадзехов (абдзах) самым близким к шапсугам племенем. Бжедуги и кабардинцы, по мнению тех же причерноморских шапсугов, отличались от шапсугов и абадзехов, поскольку они имели князей. Некоторые адыгейцы (в частности, бжедуги сел. Гатлукай и Пчегатлукай) считают, что в наши дни народа абдзах, известного в прошлом своей храбростью, не существует. Это племя не имеет своей территории, и лишь отдельные абадзехские фамилии живут во многих адыгейских селах.

Однако бжедугами в отношении абадзехов высказывалась и другая точка зрения: они относили к ним жителей адыгских селений около Туапсе и Лазаревской, т. е. современных причерноморских шапсугов. Среди приморских шапсугов до сих пор сохранились воспоминания о тесных контактах, существовавших в прошлом между ними и абадзехами. Один из путей, по которому осуществлялось общение этих племен, проходил от верховьев р. Шахе, где жили шапсуги, через Черкесский перевал в долину р. Сщагуаще (Белая) — область обитания абадзехов. В приморских шапсугских селениях и в наши дни живут потомки абадзехов. Так, в сел. 2-е Красноалександровское известно несколько фамилий, предки которых были абадзехами (Ту, Хут, Шагуджевы). Потомки абадзехов, переселившихся не позднее середины прошлого столетия, живут также в кабардинских селах Карачаево-Черкесии — Зеюко (Заубидовы-Абидоковы), Хабезе (Тлисовы, Коховы-Брсей) и др.

---

[48] В настоящее время они компактно живут в сел. Хакуринохабль Адыгейской автономной области.

Говоря о современных шапсугах, следует подчеркнуть значительную территориальную оторванность кубанской и причерноморской групп народа. Однако этот факт не означает утраты этнических связей между ними. Более того, среди кубанских шапсугов и в наши дни сохранилось представление о Черноморском побережье как о своей прародине, откуда часть шапсугов ушла на Кубань. С точки зрения причерноморских шапсугов, их этническая территория в прошлом простиралась от р. Шахе за Новороссийск. Далее, вокруг Анапы жили уже не шапсуги, а какие-то другие группы адыгов. К приморским шапсугским селениям относились: Шахечю (Шахэчъэю) [49], Субешх (ШIубэшх) [50], Кичмай (Кишмай), Хакуч (Хьакъучу), Чекоз (ШэкIожъ) [51], Божьи Воды (Тхаахъэпшъ), Чуэкику (ШъуэкIэкъу), Лыготх (Лыгъотх) [52], Союку (ШIоикъу), Кодэшахпе (КуэдэшъахьпI) [53], Туапсе (TIуапсэ), Агуй, Псыб. Приведенные названия имеют различный характер: одни означают отдельные селения (Кичмай), другие — территорию нескольких сел (Лыготх), третьи — целые общества, занимавшие долины рек (Туапсе).

Причерноморские шапсуги и в настоящее время выделяют из своей среды шапсугов-хакучей. В языковом отношении между хакучами и остальными (нижними) приморскими шапсугами разница весьма незначительна, хотя, по мнению последних, хакучинский говор ближе к говору кубанских шапсугов. Шапсугские исторические предания помещают хакучей высоко в горах, в верховьях Псезуапсе, в ауле Хакуч (Хьакъучу), жители которого лишь по окончании Кавказской войны поселились в долинах рек. В настоящее время в ауле Хакуч никто не живет. В наши дни хакучи составляют значительную

---

[49] Шахечю — шапсугское название Большого Кичмая, расположенного выше современного Кичмая по р. Шахе. В настоящее время не заселено. Шахечю означает также долину р. Шахе.

[50] Общество, известное в литературе под названием Субеше. В наши дни его территория не заселена.

[51] Чекоз — селение в 20 *км* выше 2-го Красноалександровского по р. Аше. В XIX в. в Чекоз жила одна фамилия Нибо. Сейчас в селении не живут.

[52] Т. е. в целом территория трех Красноалександровских селений: 1-го Красноалександровского (Хьаджыкъу), 2-го Красноалександровского (Къэлэжъ), 3-го Красноалександровского (Шэоджэик).

[53] Л. И. Лавров переводит это название как место приношения (богу) Кодешю (на р. Кодош) [124, 123].

часть населения Большого Кичмая, живут в 1-м Красноалександровском и Куйбышевском селах (бывшая Карповка), а также в некоторых селах Адыгеи (например, в бжедугском селении Пчегатлукай). Хакучи известны и среди кубанских адыгов. Бжедуги относят хакучей не к шапсугам, а к абадзехам. С точки зрения кубанского шапсуга, хакучи — это самостоятельное адыгское племя, жившее прежде высоко в горах, в ауле Хакуч, язык которого, хотя и понятный шапсугам, отличался от шапсугского.

Как уже отмечалось, в письменных свидетельствах XIX в. часто упоминается адыгское племя *гуайе (гъуае)*. Имя гуайе в наши дни хорошо известно причерноморским шапсугам, однако мнения о характере этого названия расходятся. Некоторые из расспрашиваемых высказывались, что гуайе — немногочисленная шапсугская фамилия, в прошлом жившая в семи километрах от Лазаревской, в сел. Гуайе, на месте которого сейчас находится пос. Алексеевка. Некоторые шапсуги (например, жители сел. 2-го Красноалександровского) считают, что гуайе были многочисленным народом, занимавшим территорию выше Лазаревской в местности Мамедова Щель и населявшим в основном побережье. Рассказывают, что в прошлом столетии гуайе соединились с шапсугской фамилией Коблевых и впоследствии стали называться Коблевыми. Этот факт способствовал укреплению и усилению влияния этой фамилии среди шапсугов.

Весьма смутные представления имеют адыгейцы о племени натухайцев. Так, бжедуги считают, что натухайцы когда-то жили рядом с абадзехами. Кубанским шапсугам имя натухайцев известно лишь как название сел. Натухай, созданного в 30-х годах XX в. около Краснодара переселенцами-шапсугами из местности Хатрамтук под Анапой. Несколько иного характера сведения были собраны среди причерноморских шапсугов. Последние сближают натухайцев с абадзехами, шапсугами и убыхами. О территории обитания натухайцев расспрашиваемые жители приморских шапсугских селений имели довольно неопределенные представления и помещали ее где-то за Новороссийском. В настоящее время натухайского племени, по мнению шапсугов из Красноалександровских, не существует. Однако имя этой группы адыгов до сих пор сохранилось в фамилии Натхо (Натхъо). Последние живут в ряде селений Крас-

нодарского края: в бжедугском селении Пчегатлукай, где считают себя бжедугами, в шапсугских селениях Малое Псеушхо и Куйбышевка (около Туапсе), где причисляют себя к шапсугам, и др.

Среди западных адыгов хорошо известны бжедуги. В представлении самих бжедугов, их территория располагается между реками Псекупс и Афипс. На запад от Афипса живут шапсуги; на восток от бжедугов находятся темиргоевцы. И в настоящее время бжедуги признают известное по литературным свидетельствам прошлого деление племени на хамышеевцев (хъымщэй) и черченеевцев (чэчэнай). Территория названных групп располагается так, что р. Псекупс представляет собой естественный рубеж между ними. Разделение бжедугов на хамышеевцев и черченеевцев известно также соседним группам адыгов. Кубанские шапсуги в группу чэчэнай включают население между аулами Шенджий и Понежукай (т. е. Лакшукай, Вочепший и др.). Среди темиргоевцев, территориальных соседей бжедугов, называющих последних *бжъэдыгъу,* до сих пор сохранилось еще одно название этой группы адыгов — *хаджирет.* Вполне вероятно, что возникновение этого второго имени бжедугов связано с известной в истории западных адыгов Бзиюкской битвой. Когда шапсуги отказались повиноваться владетельным дворянам Шеретлуковым, то именно бжедуги-хамышеевцы и черноморские казаки помогли Шеретлуковым выиграть в урочище Бзиюко сражение, происходившее между ними, с одной стороны, и шапсугами и абадзехами — с другой.

Достаточно широко среди адыгейцев известно имя еще одного крупного подразделения народа — темиргоевцев. Их территория обитания, по представлению адыгов, начинается от Усть-Лабы и простирается до р. Пшиш. Из темиргоевцев адыгейцы выделяют аул Адами, жители которого, по их мнению, говорят на языке, несколько отличающемся от темиргоевского. К *кIемгуй,* с точки зрения адыгейцев, относятся также *егерукаевцы (джыракой).* Этим именем бжедуги, кубанские и причерноморские шапсуги называют небольшую группу адыгов, давно переселившуюся с гор на равнину и образовавшую там поселение Джыракой. Мамхеги и махоши, известные среди адыгейцев, также сближаются последними с темиргоевцами. Кубанским и причерноморским шапсугам известно Мамхо-чиле (т. е. сел. Мамхо), от-

носимое ими к кIемгуй. Мамхо-чиле связывается бжедугами с адыгейской фамилией Мамхо. Эта фамилия живет, в частности, в шапсугском селении Панахес, где ее носители составляют почти половину жителей селения. Фамилию Мамхо как жителей Кубани знают также приморские шапсуги. Еще более смутны у адыгейцев представления о махошах. Среди кубанских шапсугов встречается мнение о них как о народе, некогда жившем в районе Сочи. С точки зрения бжедугов, народ махош исчез, но их потомки живут, в частности, в сел. Козет. Приморские шапсуги, которым известно имя махошей, рассказывают, что это племя в прошлом имело князей и жило на Кубани.

Предельно скупые сведения дают полевые этнографические материалы об убыхах, переселившихся с Кавказа в Турцию в мае 1864 г. Имя *убыхи* в настоящее время известно немногим адыгейцам. Прежде всего это относится к жителям кубанских селений, которые, считая убыхов адыгами, указывают на территорию их обитания в горах по р. Кунепс[54]. По мнению бжедугов, убыхи в прошлом населяли куадж, т. е. сельскую общину, Убых и относились к группе абдзах. Причерноморские шапсуги признают убыхов частью шапсугского народа. С их точки зрения, область обитания убыхов включала территорию от р. Шахе вплоть до Гагры. В нее входили местности Хаший (Хьашъй), Буап (Буапэ), Вордане, Лэу (Лэу), Лэшу (Лэшъу), Сачэ (Шъачэ), Мзымта. От Бзыби начиналась территория абхазов. В качестве убыхского центра указывалась местность Сачэ. До сих пор среди жителей приморских шапсугских селений существует мнение, что убыхский и шапсугский языки были взаимопонимаемы[55] и между этими народами существовали тесные контакты, в том числе брачные связи. По рассказу шапсуга, жителя аула Большой Кичмай, Канамета Гвашева (70 лет), его дед со стороны матери, родившийся в Вордане, был убыхом. Свое убыхское происхождение помнят также некоторые шапсугские фамилии. Например, фамилия Чёрен (Шӧрен), жи-

[54] В XIX в. территория шапсугов.

[55] Тесные связи убыхов с шапсугами и знание первыми шапсугского языка отмечает Ж. Дюмезиль в своем исследовании «О языке убыхов». Бывая в 30-х годах XX в. в убыхских селах Турции недалеко от Измира, он встречал стариков убыхов, знавших убыхский, шапсугский и абхазский языки [238, 21].

вущая в сел. 1-е Красноалександровское и осознающая себя в наши дни шапсугской, помнит, что ее предки были убыхи.

Адыги в своей среде выделяют еще одну группу — *бесленеевцев*. Последние, естественно, хуже известны адыгам, территориально живущим дальше от бесленеевцев. Так, кубанские шапсуги называли мне лишь адыгскую фамилию Басленей — жителей селений Панахес, Тахтамукай, Бжегокай и др. Не знают бесленеевцев и причерноморские шапсуги. В наши дни бесленеевцы живут в двух селениях Карачаево-Черкесии (Бесленее, Вако-Жиле), а также составляют часть населения сел. Блечепсын и Уляп Адыгейской автономной области. С точки зрения бесленеевцев, в названных аулах Карачаево-Черкесии живут черкесы (т. е. адыгейцы), тогда как в Зеюко, Хабезе, Жако, Кошхабле, Али-Бердуковском живут кабардинцы. Примерно с такими представлениями приходилось встречаться и среди абазин. Согласно этой точке зрения к черкесским селениям относятся Бесленей (Тазартуковский), Инджчиг-Чишхуа (Береславский) и Вако-Жиле (Дохчуковский). Жители названных селений — черкесы-бесленеевцы. В остальных адыгских селах Карачаево-Черкесии живут кабардинцы, которым бесленеевцы, как территориальные соседи, хорошо известны. Считая их адыгами, кабардинцы отмечают лишь небольшие отличия в языке, которые не мешают, однако, свободному языковому общению с бесленеевцами.

Если кабардинцы хорошо знают бесленеевцев, то представления о других группах западных адыгов среди кабардинского населения довольно смутны. Например, в сел. Хабез Карачаево-Черкесии автору данной работы называли абадзехов, шапсугов, бжедугов, темиргоевцев и егерукаевцев. Все названные группы считаются адыгами, однако представления о них крайне неопределенны. Так, о темиргоевцах известно лишь, что они имели князей, о шапсугах — что места их поселения находились вблизи Черного моря, и т. п. Более других групп адыгейцев известны абадзехи, которые в прошлом, по рассказам хабезцев, часто совершали набеги и уводили в плен. За исключением абадзехов (абэзэхэ), считавшихся жителями Кубани, подразделения западных адыгов совсем неизвестны кабардинцам Малой Кабарды. Не знают ни одной локальной группы западных

адыгов также абазины, которым знакомы лишь названия черкес, басленей и къэбэрдэй.

Самая восточная часть территории, занимаемой адыгами,— Кабарда. С точки зрения кабардинца, последняя делится на Большую (Къэбэрдэй), Среднюю (Тлостаней) и Малую (Джыластэней). Большая Кабарда занимает территории по левобережью Терека, Средняя Кабарда — от правого берега Терека до местности Уашхэтлых, Малая Кабарда располагается от Верхнего Акбаша к северу до Курпа. По рассказам кабардинцев, Малую Кабарду составляли селения Астэмырей (Верхний Акбаш), ИнарыкъуеицIыкIу (Нижний Акбаш), Инарыкъуей (Средний Курп), Ислъэмей (Верхний Курп), Къанщэуей (Нижний Курп), ХьэпцIей (Хамидие), Болэтей (Терекское), Абикъуажэ (Урожайное); Алъхъоэ (Ахлово). В Среднюю Кабарду входили следующие населенные пункты: Борыкъуей (Арик), Мэртэзей (Дейское), Ботэщей (Плановское), Къугъуэлъкъуей (Урух), Хьэтуей (Старый Урух), Елъхьуэтей Къуэхъужьей[56]. Кроме Большой, Средней и Малой Кабарды кабардинцы населяют также несколько аулов Карачаево-Черкесии: Старо- и Ново-Хумаринский, Инджчиг-Чкун (Малый Зеленчук), Кошхабль, Зеюк, Хабез, Али-Бердуковский, Жако и Адыге-хабль. В настоящее время аул Псаучье-Дахе (Клычевское) следует отнести также к кабардинским, хотя одно-два поколения назад бóльшую часть его населения составляли абазины, которые впоследствии слились с черкесами. То же можно сказать и в отношении абазинского селения Абазакт, где основной язык общения черкесский, хотя наряду с ним знают абазинский.

В среде соседнего адыгам кавказского населения названия локальных адыгских групп неизвестны. Незнакомо также и самоназвание этой этнической общности — адыге. Большинству северокавказских народов адыги известны лишь под двумя именами — черкес и кабардинец. Ногайцы зовут адыгов *шеркеш,* карачаевцы и балкарцы — *черкес* и *кубан-черкес,* вайнахи — *черси* и *черказо.* Имя *черкес (шарджэс)* знают также кабардинцы. Не менее известно на Северном Кавказе имя кабардинец. Адыги Карачаево-Черкесии и адыгейцы называ-

[56] В настоящее время Елъхьуэтей и Кхъуэхъужьей составляют кварталы сел. Дейское.

ют кабардинцев къэбэртай, къэрбэтэй. Абазинское название кабардинцев — *къабардэй*, у карачаевцев и балкарцев — *къабарты*, у вайнахов — *гIаьбарто*, *гIеберто*. Однако среди различных групп вайнахов имя кабардинцев известно далеко не одинаково. Если ингушам, даже жителям гор, оно хорошо знакомо, то среди чеченцев дело обстоит несколько иначе. Кабардинцы известны жителям плоскостных селений, тогда как чеченцам горной полосы (например, Аргунское ущелье) они незнакомы. Осетины и в наши дни сохранили древнее имя адыгов *кœсœг*, *кœсгон*, которым сейчас называются только кабардинцы.

Несколько слов об абазинской этнонимии. В настоящее время абазинское население, называющее себя абаза, живет лишь на северных склонах Кавказского хребта в пределах Карачаево-Черкесской автономной области. Многие из них (прежде всего абазины-шкарауа) до сих пор сохранили представление о своей прародине, находившейся около Абхазии или даже в самой Абхазии. Неоднократно в Карачаево-Черкесии приходилось слышать мнение, что шкарауа — переселенцы из Абхазии. По утверждению абазин-тапанта, шкарауа почти свободно поймут говорящего по-абхазски, тогда как абазины-тапанта абхазского языка не понимают.

Среди абазин и в наши дни четко сохраняется представление о наличии в составе народа двух групп — тапанта и шкарауа. В настоящее время тапанта живут в следующих населенных пунктах Карачаево-Черкесии: Псыж (Дударуковский), Кубина (Лоовско-Кубанский), Инджчиг-Чкун (Лоовско-Зеленчукский), Эльбурган (Бибердовский), Тапанта, Абаза-хабль, Карапаго, Красно-Восточное (Лоовско-Кумский), Койдан. В недавнем прошлом к абазинам-тапанта относились также жители сел. Псаучье-Дахе и Абазакт (Егибоковское). Шкарауа населяют три аула: Старо-Кувинское, Ново-Кувинское и Апсуа (Шахгиреевское). Помимо групп тапанта и шкарауа, среди абазин до настоящего времени хорошо известны старые названия абазинских населенных пунктов, соответствующие прежним феодальным подразделениям народа (лоовцы, бибердовцы, дударуковцы и др.).

Среди соседних народов северокавказские абазины известны под именем абаза, т. е. под их самоназванием. Ногайцы зовут абазин *абаза, аваза,* кабардинцы — *аба-*

зэ, бесленеевцы — *абаза,* карачаевцы — *абазалы* и т. п. Абхазское название абазин — *ашəуа.* Осетинам и вайнахам имя абазин незнакомо. Неизвестен термин абаза и западным адыгам, среди которых представления об абазинском народе весьма неопределенны. Например, бжедуги помимо племени абдзах знают еще народ абадзе, который, по их мнению, живет под Черкесском и отличается от абадзехов. По утверждению жителей бжедугского селения Гатлукай, абадзе — «это самые корни черкесов». Термин абадзе известен также причерноморским шапсугам. По их мнению, народ под этим именем хотя и не относится к абхазам, но близок к ним, прежде он жил между абхазами и убыхами и назывался также *азух.* Таким образом, в представлении причерноморских шапсугов, названия абадзе и азух тождественны и в прошлом обозначали, видимо, южных абазин. Кубанским шапсугам известна лишь фамилия Абадзе, представители которой живут, в частности, в сел. Афипсип.

Абазины хорошо известны бесленеевцам, поскольку их селения в Карачаево-Черкесии территориально близки. С точки зрения бесленеевца, именно абаза-шкарауа — «чистые абаза», тогда как абаза-тапанта уже плохо знают абазинский язык. Тем самым информатор хотел подчеркнуть процесс слияния абазин-тапанта с адыгами, начавшийся еще до XIX в. и довольно интенсивно происходящий и в наши дни. Это видно на примере абазин сел. Псаучье-Дахе. Житель сел. Бесленей Исхак Дармилов рассказывал, что, когда он был ребенком, в Псаучье-Дахе говорили еще по-абазински, тогда как сейчас говорят по-черкесски. Действительно, лишь несколько семей в названном селении считают себя абазинами и старшее поколение их знает абазинский язык[57]. Несколько иначе, видимо, протекает процесс естественной ассимиляции среди абазин сел. Абазакт,

---

[57] В Псаучье-Дахе живут семьи, считающие себя по происхождению кабардинцами (например, Абдоковы, Кардановы, Акбашевы) или абазинами (Темировы, Гумжачевы, Кмузовы). Однако абазинского языка, за редким исключением, не знают и в семьях абазинских по происхождению. По мнению жителей селения, подобное явление — результат частых браков между абазинами и черкешенками (кабардинками). В этих случаях дети говорили на кабардинском языке. В семьях, где в жены брали абазинок, абазинский язык сохранялся в более чистом виде.

расположенного рядом с бесленеевцами. По мнению последних, когда абазины из Абазакта говорят по-черкесски, то их говор близок к бесленеевскому, и эту группу абазин нередко называют бесленеевцами[58].

Подразделения абазин известны кабардинцам Карачаево-Черкесии и бесленеевцам. Кабардинцы называют абазин-тапанта *абазэ* или *ашэуа,* а группу шкарауа — *ашкъэрэу,* что означает, по мнению информаторов, «горцы». Оба приведенных названия — абазинские и, видимо, заимствованы кабардинцами. Старые кабардинские названия абазин-тапанта — *басхегъ* и шкарауа — *къыщхьажанэ* зафиксировать не удалось[59].

---

[58] Исхак Дармилов (62 года) рассказывал мне, что его дед и бабушка со стороны отца были абаза. Отец женился на черкешенке из сел. Бесленей, и сейчас второе поколение их фамилии считает себя черкесами-бесленеевцами.

[59] На карте Кавказа в атласе 1745 г. названы басхерские народы и племя Кушхажане, в которых нетрудно узнать современные кабардинские названия абазин-тапанта и шкарауа — *басхегъ* и *къвыщхьажанэ*.

Глава вторая

НОГАЙЦЫ

Происхождение ногайцев и ногайской этнонимии[1] связано с татаро-монгольскими племенами Золотой Орды, территория обитания которых во второй половине XIII—XIV вв. включала Предкавказье и некоторые районы Северного Кавказа. Если учесть, что в составе татаро-монголов имелись племена, различные не только по своей этнической (тюркоязычные и монголоязычные)[2], но и по антропологической принадлежности (монголоиды и европеоиды), то станет понятной предельная сложность процесса формирования этнического облика ногайского народа. Ногайский этнос складывался на огромных, преимущественно степных, пространствах от Яика до Днепра. Корни племенных названий этого народа связаны не с кавказской средой, а со среднеазиатским и центральноазиатским этническим миром. Многопле-

[1] Этнографическая литература по ногайцам невелика. До революции было опубликовано несколько очерков, в частности А. Архипова, И. Бентковского, Г. Малявкина, Г. Ананьева, Ф. Капельгородского, С. Фарфаровского, в которых ногайские этнонимы не были предметом описания. В последние годы ногайцам посвящены две статьи Л. Н. Кужелевой, однако в них также не затронуты вопросы ногайской этнонимии. Некоторые данные по исследуемой проблеме содержатся в работе Н. А. Аристова [23], а также в монографии Н. А. Баскакова, побывавшего у ногайцев в 30-х годах [см. 31].

[2] Как известно, некоторые монголоязычные племена, входившие в состав татаро-монголов, судя по сообщениям восточных авторов, подверглись процессу тюркизации, в основном завершившемуся в конце XIII—начале XIV в. Об этом пишет, в частности, арабский автор XIV в. ал-Умари: «Они (татары) смешались и породнились с ними (кипчаками), и последние одержали верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кипчаки, как будто они одного [с ними] рода, оттого что монголы [и татары] поселились на земле кипчаков, вступали в браки с ними и оставались жить в земле их (кипчаков)» [см. 211, т. I, 235].

менность татаро-монголов отразилась и в многоплеменном составе ногайцев, среди которых имеются тюркоязычные канглы и кипчаки, монголоязычные в прошлом найманы и другие племена.

В развитии ногайской этнонимии выявляется несколько этапов, характеризующихся некоторыми историческими и этническими особенностями. Первый этап, исходя из сообщений письменных источников конца XIII — начала XIV в., связывается с улусом золотоордынского темника Ногая, население которого русские летописи называли *мангытами.* Видимо, это племя до какого-то момента было главным этническим компонентом формировавшегося ногайского народа. Для второго этапа характерен процесс выделения улуса Ногая из Золотой Орды как самостоятельной политической единицы, завершившийся в самом конце XIV в. Источники этого времени фиксируют название Ногайская Орда. По-видимому, с этого же периода и население Орды стало называться ногайцами, однако в источниках имя последних зафиксировано несколько позже, лишь в 80-х годах XV в. На третьем этапе этноним *ногай,* по данным письменных источников XV — первой половины XVIII в., обозначал народ, отдельные группы которого кочевали за Днепром, в северной части Крыма, между Доном и Кубанью, по берегам Азовского моря, в Пятигорье, по Тереку, в низовьях Волги, по Яику, Эмбе и доходили до Аральского моря. Группы ногайцев в середине XVII столетия жили оседло по р. Зеленчук, около Анапы, в некоторых местах Прикубанья [263, т. VII, 708, 732].

Исторические судьбы отдельных частей ногайского народа были весьма различны. Часть западных ногайцев с XV в. в политическом отношении оказалась связанной с возникшим Крымским ханством. Ранее других именно эти ногайцы в XV—XVII вв. заселяют отдельные территории Северного Кавказа и Предкавказья. Восточные ногайцы под владычеством Едиге, пользовавшегося в начале XV в. таким же влиянием, как в свое время Ногай, кочевали около Урала. Однако в XVII в. под давлением пришедших с юга калмыков часть этих ногайцев передвинулась на запад, а другая часть заняла земли Северо-Восточного Предкавказья. В XVIII в. различные причины вызвали дальнейшее сокращение территории кочевания ногайцев, имя которых стало приложимо лишь к определенной тюркоязычной группе населения

Предкавказья и Северного Кавказа. В XIX в., как показывают источники, этноним ногай обозначал не только народ на Северном Кавказе, но и некоторые тюркоязычные группы населения Средней Азии. Узбеки и казахи называли ногаями волжских татар.

Таков в общих чертах процесс исторического развития термина ногай, который подробнее будет прослежен ниже по сведениям письменных источников.

* * *

Темник Ногай, с именем которого принято связывать не только название возникшей в конце XIV в. Ногайской Орды, но и этническое имя ногайского народа, — реальное историческое лицо, упоминаемое арабскими и персидскими авторами, а также русскими летописями уже в 60-х годах XIII в. [211, т. II; 200, т. I, кн. I, 190]. Ногай — родственник Берке-хана, главный его военачальник, в конце XIII столетия объединивший под своей властью несколько сильных родов и при их помощи возводивший и низвергавший ханов Золотой Орды[3]. Родственные связи с ханским домом дали Ногаю не только титул военачальника, но и возможность быть правителем всей территории между Доном и Днепром, к которой при хане Тохте был присоединен Крым.

Письменные источники XIV в. рисуют подробную картину постепенного распада Золотой Орды на отдельные ханства: в конце столетия возникает Крымское ханство, примерно в 1392—1396 гг. обособляется Ногайская Орда, которая в источниках до XVI в. называлась Мангытским юртом, а его население — мангытами [200, т. I, кн. I, 37, 78]. Восточные авторы XIII—XVII вв., не знающие ногайцев, упоминают племя *мангутов*. Так его называют Рашид ад-Дин (منغوت) и монгольская хроника «Сокровенное сказание» *(мангхут)* [200, т. II, кн. II, 29, 123]. Следует, однако, отметить, что в названных источниках мангыты — монгольское племя, территориально еще не связанное с Северным Кавказом. В отличие от свидетельств XIII—XV вв. восточный автор XVII в. Абу-л-Гази связывает мангытов уже с Северным

[3] Рукн ад-Дин Бейбарс, арабский автор XIV в., рассказывает, что в 690 г. х. на престол Золотой Орды вступил хан Тохта, которому Ногай вручил царство и утвердил его на нем [211, т. I, 108].

Кавказом. После смерти Джучи-хана, рассказывает он в своей хронике, Кыпчакский юрт достался его сыну Саин-хану (Бату), а потом мангытам [107, 44]. С приходом в этот край калмыков (первая половина XVII в.), пишет тот же автор, этот юрт стал называться калмыкским [107, 45].

В русских летописях этноним ногай появляется не ранее 80-х годов XV в., когда летописцы начинают называть мангытов ногайцами. «И приидоша Нагай,— сообщает летописец в „Истории о Казанском Царстве",— преже реченные мангиты» [190, т. XIX, 1908, 8]. Русские документальные источники XV—XVII вв. неоднократно упоминают Ногайскую Орду и ногайцев[4]. Подобный политический интерес к ногайцам в этот период вполне понятен. Общеизвестна роль ногайских племенных объединений, которую они играли в Южной России и на Северном Кавказе на протяжении нескольких столетий вплоть до последней четверти XVIII в.

В отличие от арабских и персидских источников XV—XVII вв. источники XVI—XVIII вв. крымско-турецкого происхождения насыщены упоминаниями имени ногайцев (نوغای) и фактами истории этого народа. Этноним мангут (мангыт) этим источникам неизвестен. Имя ногайцы названо в титулатуре крымского хана (XVII столетие) в числе народов, подвластных Крыму [259, 712, 790]. Эвлия Челеби описывает несколько групп ногайцев, в том числе живущих около Азовского моря, Анапы, по Зеленчукам и др. [263, т. VII, 708].

В XVI—XVII вв. этноним ногай появляется в сочинениях западноевропейских авторов. Одним из первых упоминает ногайских татар польский летописец начала XVI в. Матвей Меховский, а столетием позже — Жан де Лукка и Тавернье, побывавшие на Северном Кавказе. По сведениям последнего, ногаи (nogaïes) — магометане, жившие не в домах, а под навесом или в повозках [255, 65]. Жан де Лукка упоминает ногайских татар-корнухов (cornuchi), которые соседят с черкесами [172, 488]. Армянским средневековым источникам, создававшимся в пределах исторической Армении, т. е. в областях, территориально довольно удаленных от Се-

[4] См., например, документы: [179; 33, 81, 82]. Много сведений о территории ногайцев приводится в «Книге Большому Чертежу» [103, 50, 51].

верного Кавказа, этноним ногай неизвестен[5]. Армянские авторы, жившие территориально ближе к Северному Кавказу (например, в Крыму), хорошо знали ногайцев. Так, хроника первой половины XVII в. Хачатура Кафаеци, жившего в Крыму, упоминает татар, чагатайцев и ногайцев [231, 222, 223].

Источники XVIII в. не менее часто упоминают ногайцев. Так, в начале столетия их описывает Ферран, участвовавший в 1702 г. в походе крымского хана на черкесов. Очевидец и участник событий приводит следующее описание. «После 20-дневного пути через Ногайские страны мы достигли Черкесии. Татары ногайские платят хану (крымскому.— *Н. В.*) ежегодную дань 2000 баранов, представляя их в три различных срока в году» [194, 42, 43]. Ферран называет также черных ногайцев (караногайцев), населявших область Адда, которая простиралась от побережья Азовского моря до Кара-Кубани [194, 48].

В грузинских источниках имя ногайцы появляется довольно поздно. Во всяком случае, по доступным мне переводам лишь документы XVIII в. упоминают ногайцев. Один из таких документов, относящийся к 1754 г., называет ногайские отряды, сражавшиеся в объединенном войске различных северокавказских народов (кабардинцев, ингушей, осетин) на стороне грузинских царей Теймураза и Ираклия против напавших на Грузию дагестанцев [212, 152]. Русским источникам XVIII в., как и предшествующего столетия, известны две основные группы ногайцев. Жившие между Доном и Кубанью составляли Малую Ногайскую Орду — по документам XVII в. Казыев улус — и назывались также караногаями, или черными татарами. Некоторые источники именовали их кубанцами. Восточнее Малой Ногайской Орды находилась Большая Ногайская Орда. По данным источников середины XIX в., ногайцы разделялись на закубанских и кумыкских, названия которых определялись их местоположением по Кубани и ее притокам, а также между Сулаком и Тереком по Кумыкским степям [38, 295].

Таково отражение в источниках имени ногай — са-

[5] Например, в «Хронике» Закарии Канакерци (XVII в.), создававшейся в монастыре Овашаванк, из тюркских народов упоминаются кипчаки, чагатаи, татары и турки.

моназвания тюркоязычного населения степей и предгорий Северного Кавказа. Под своим самоназванием (*ногайлар*) этот народ известен всем народам Северного Кавказа. Так, адыгейцы называют их *нэгъой,* кабардинцы (в Кабарде и Карачаево-Черкесии) — *нэгъуей,* карачаевцы и балкарцы — *ногъой,* абазины — *нагIвай,* осетины — *ногъай,* вайнахи — *ногIо(й)*. Самоназвание ногайцев было хорошо известно не только народам, жившим на плоскости или в предгорьях, но и жителям некоторых высокогорных областей Северного Кавказа[6].

Такая известность ногайцев в значительной мере объясняется тем, что вплоть до начала XIX в. последние занимали многие равнинные и предгорные районы Северного Кавказа. Это нашло отражение в преданиях народов Северного Кавказа, в частности абазин, кабардинцев, осетин. Так, ногайские поселения имелись в Хусу-Фараке, Кета в Дигории, в местности около Зеюко в Карачаево-Черкесии. В том же Зеюко жители рассказывали, что в прошлом от Кубани до Черного моря жили ногайцы, часть территории которых позднее заняли кабардинцы. Однако известность ногайцев среди различных северокавказских народов можно объяснить и другими причинами. Ногайцы составляли население плоскости, а экономическое общение с плоскостными районами делало необходимым знание горцами ногайского языка. Этот язык длительное время, даже в первой половине XIX в., в некоторых районах Северного Кавказа выполнял функции лингва франка [52, 28, 30].

* * *

Выше уже отмечалось, что в состав ногайцев помимо мангытов вошли другие тюркоязычные и монголоязычные племена. Это отразилось в родовых и племенных названиях ногайского народа, в известной мере сохранившихся до настоящего времени.

Племенное название ногайцев мангыт, под которым они встречались в источниках вплоть до XV столетия, не исчезло и длительное время сохранялось как наименование одной ветви ногайского народа. Как уже отмечалось, русским летописям XV в., а также восточным ав-

[6] В Восточной Чечне (например, по Аргуну) ногайцы неизвестны.

торам XIII—XVII вв. хорошо известно имя мангыты, которое, однако, крайне редко встречается в русских и западноевропейских источниках XVI — первой половины XIX в. Имя «мангытского карачея Касыма» названо в русском документе 1604 г. [33, 102]. Мангытских ногайцев упоминает в своем сочинении Паллас [251, 364]. Русские документы первого десятилетия XIX в. среди ногайцев Кавказской области называют 215 семей (860 душ обоего пола) ногайцев «мангытовской фамилии» [14, т. V, 877]. Позднее, в литературе середины XIX в., название мангыты не встречается. Не зафиксировано это имя и Н. А. Баскаковым, который в связи с изучением ногайского языка побывал среди ногайцев в 30-е годы XX столетия.

В русских документах начала XVII в. известны другие племенные названия ногайского народа. Например, в нескольких документах, датируемых 1604 г., назван «найманский род», связываемый с ногайским князем Иштереком; в Казыевом улусе отмечены «люди кипчакского рода, чебалакчейского (джембойлукского.— *Н. В.*) и канклыкцкого (канглы.—*Н. В.*) родов» [33, 91, 102].

Множество названий племенных подразделений ногайцев содержится в турецких документах и трудах турецких историков XVIII в.[7]. С этой точки зрения большой интерес представляет турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья, составленный до 1711 г., в тексте которого приведены названия нескольких племенных групп ногайского народа. Источник перечисляет племена *бурлак* (بورلق), *джедисан* (جدصان), *иштерек-оглу* (اشتراك), *кипчак* (قپچاق), *кытай* (قطای), из которых племена бурлак и кытай по другим источникам неизвестны. По сведениям турецкого трактата, племя джедисан находилось на земле черкесов, кипчак и кытай располагались на берегах Кубани, поблизости от крепости Ачу. Недалеко от последней на п-ве Минтана обитало племя иштерек-оглу [47, 106, 124, 127]. Турецкие историки XVIII столетия называют Еди-

[7] В турецких источниках XVII в. лишь у Эвлии Челеби встречается название новрузовских ногайцев (نغای نوروز), которых путешественник помещает в степи, в краю хатукаевцев [263, т. VII, 732].

санскую и Джембойлукскую Орды, позже других вытесненные калмыками с Волги и поселившиеся на Кубани [207, 46, 47]. Ссылаясь на данные турецких историков XVIII в., В. Д. Смирнов в отличие от автора турецкого трактата называет не кипчаков и кытай, а мятежный род кытай-кыпчаков, который в 20-х годах XVIII в. получил разрешение переселиться в Крым [207, 47].

Западноевропейские авторы XVIII в. племенные названия ногайцев приводят редко. В этом отношении сведения Пейсонеля и Палласа представляют ценный источник по ногайской этнонимии середины и конца XVIII столетия. По данным Пейсонеля, страну ногайцев между Дунаем и Кубанью заселяли следующие орды: Буджакская — между Дунаем и Днестром, Едисанская — между Днестром и Днепром, Джембойлукская — между Днепром и Азовом, Кубанская — между Азовским морем и Кубанью. Каждая орда делилась на племена, а последние — на аулы [252]. Пейсонель перечисляет племена только одной, а именно Кубанской, орды, состоявшей из племен *иштерек* (Ischterec), *каплу* (Kaplu), *лобата* (Lobata), *джиган* (Gigan). В трех последних нетрудно узнать наименования г. Каплу[8] и рек Лабы и Джигонаса, что соответствовало, видимо, местам кочевания и поселения ногайцев в середине XVIII в. Название иштерек близко к встречающемуся в русских документах имени ногайского князя XVII в. Иштерека, происходившего из племени найманов. Локальная группа иштерек уже известна из турецкого трактата начала XVIII в.

По сведениям Палласа, северокавказские ногайцы включали новрузовцев (Nowrus), касаевцев (Kassai), каспулатовцев (Kaspolat), кипчаков (Kapschak), мангутов (Mangut), осамбойлуков (Osamboluk), едисан (Edisan) и едишкул (Edischkul) [251, 364, 365]. Перечисленные группы занимали области по рекам Кубани, Куме, по Кавказской линии, территории между Лабой и Урупом и др. Обращает на себя внимание различный характер племенных названий, приводимых Палласом: одни (кипчак, мангут) соответствовали племенным груп-

[8] Пейсонель называет гор. Каплу (Копыл) резиденцией турецкого сераскера и крупным торгово-складочным пунктом, куда приезжали купцы и откуда распространялись товары среди соседних ногайцев и черкесов.

нам, известным в источниках до XVIII в., под другими (касаевцы, каспулатовцы) скрывались феодальные образования, третьи (джембойлук, едисан, едишкул) являлись названиями территориальных объединений, включавших разные племенные группы.

Те же группы имеются и в источниках начала XIX в. В Кавказской области кочевали каспулатовские, новрузовские, кипчакские, мангытовские, джембойлукские, едисанские и едишкульские ногайцы; в составе караногайцев насчитывалось пять *куп,* или фамилий, а именно: найман, кипчак, ас-Костамгасыев, терк и едишкул [14, т. V, 877]. В середине прошлого столетия в состав закубанских ногайцев включались тохтамышевские[9], мансуровские, карамурзинские[10], кипчакские и новрузовские. Кочевавшие в Ставропольской губернии ногайцы объединяли Калаусо-Джембойлукских, Калаусо-Саблинских, Ачикулак-Едисано-Джембойлукских и караногайцев. Отдельные группы ногайцев расселялись в Дагестане рядом с кумыками.

Зафиксированные Н. А. Баскаковым в 30-х годах XX в. подразделения ногайцев дают интересный материал для изучения ногайской этнонимии [31, 132—141]. Ногайцы в этот период жили несколькими большими территориальными подразделениями: ставропольские, условно называемые в литературе *акъногъай-халк* (это наименование самим ногайцам неизвестно), кубанские ногайцы — *ногъай,* восточные ногайцы — *караногъай.* Названные объединения делились на родовые или территориальные группы. Так, акъногъай включало роды *найман, орак, къанлы (канлы), туьркпен, къумукъ, къазак (казак)* [31, 132—135]. В состав караногайцев входили *джембойлук-халк, джетисан-халк* и *джетишкул-халк,* которые в свою очередь делились на крупные родовые группы (*куп*), а те на мелкие близкородственные ячейки (*урув*). Например, в составе джембойлук-халк, т. е. «живущие по Эмбе», было три купа: *къанълы, месит, къара уьйирим.* В джетишкул-халк, т. е. «семь треугольников», насчитывалось семь купов, в том числе *сарай, найман, къыпшак* и др. [31, 138—140].

---

[9] Видимо, по названию сел. Тохтамыш (современное сел. Икон-халк).

[10] По названию сел. Карамурзинское (имя кабардинского князя), где жили новрузовские ногайцы.

Анализ приведенных племенных названий ногайцев показывает, что в большинстве случаев это наименования племен, вошедших в состав ногайского народа (найман, канлы, туркпен, кумук, казак, кипчак) и известных в средневековых источниках. Так, племя найман до XIII в. было самым могущественным монголоязычным племенем, родовой улус которого находился на Алтае; канлы (канглы) — тюркоязычный народ, родственный кипчакам. Этноним туркпен ведет к туркменам, казак — к казахам. Название рода кумук можно связывать с кумыками и т. п. Выявляется также различный характер ногайских племенных названий. Среди них наряду с наименованиями различных племен (канлы, найман, кипчак) зафиксированы названия и территориальных групп (джедисан, джегишкул), принявших, однако, характер этнических самоназваний. Названия некоторых локальных групп ногайцев связаны с именами исторических лиц. Помимо самоназвания народа ногай к числу таких, видимо, относятся касаевцы (Касай), каспулатовцы (Каспулат), мансуровцы (Мансур), новрузовцы (Новруз), тохтамышевцы (Тохтамыш), иштерек (Иштерек).

Изучение ногайской этнонимии дает возможность проследить наличие одних и тех же родовых групп в составе различных объединений ногайцев, называемых *халк*. Например, род найман имелся среди акногайцев и джетишкул, канлы были в составе акногайцев, джембойлук и кубанских ногайцев и т. п. Подобные ногайские племенные названия мы находим в Передней Азии, Средней Азии, в Якутии, на Алтае. Таковы роды кипчак, мангыт, канглы, найман в составе узбеков, род найман в составе Средней Киргизской Орды. Род сарай зафиксирован у ногайцев и узбеков. Племена кипчак и найман были известны в XIX в. среди среднеазиатских киргиз-казахов и т. д.

Таким образом, материалы письменных источников указывают на тюркско-монгольский характер ногайских племенных названий, что отражает исторические связи ногайского народа с Золотой Ордой и тюрками Центральной Азии. И в наши дни в ногайских фамилиях можно найти отголоски былых племенных подразделений народа. Таковы Туркменовы (аулы Кизил-юрт, Икон-халк), Кипчаковы, Найманов (Икон-халк), Канглиевы в Икон-халке и др. В настоящее время ногайский народ состоит из двух территориально разделенных

групп: ногайцев Ставропольского края и караногайцев Дагестана и Чечено-Ингушетии. Представления о караногайцах как о части ногайского народа среди западных ногайцев весьма смутны. По их мнению, караногайцы обитают в районе Кизляра и включают, в частности, группы джембойлук и джетисан, которые на Кубани неизвестны. Караногайцы, с точки зрения кубанского ногайца, отличаются языком, обычаями и хозяйственными традициями. Подобные представления верны, так как кубанские ногайцы по своим этнографическим особенностям за последние полтора столетия значительно сблизились с адыгами Карачаево-Черкесии. Примеров этому множество. Мужчины старшего поколения знают черкесский язык, что удалось наблюдать, в частности, среди ногайцев селений Кизил-юрт и Икон-халк. Население северной части аула Икон-халк свободно говорит по-черкесски. Среди кубанских ногайцев часты смешанные браки, особенно с черкесами. Так, черкесы сел. Абазакт женились на ногайках аула Икон-халк. Дети в этих семьях, как правило, знали черкесский язык. То же явление наблюдалось среди черкесов сел. Зеюко, а также среди ногайцев аула Кизил-юрт.

Глава третья

КАРАЧАЕВЦЫ И БАЛКАРЦЫ

В кавказоведческой литературе вопросы карачаево-балкарской этнонимии неоднократно затрагивались в исследованиях, посвященных проблеме этногенеза этих народов. Большой интерес к названной проблеме, вызванный необычным этническим обликом карачаевцев и балкарцев, породил в исторической науке немало гипотез о их происхождении, которым посвящены различного рода исследования[1]. Подобное внимание к этим народам вполне понятно. Карачаевцы и балкарцы — единственная группа горского населения Северного Кавказа, говорящая по-тюркски; их населенные пункты находятся более чем на 1500 *м* над уровнем моря, тогда как все остальные тюркоязычные народы на Кавказе расселены в основном на равнине и некоторые в предгорье. Культурно-хозяйственный облик карачаевцев и балкарцев, в целом горский, северокавказский, содержит отдельные элементы, привнесенные половецким и татаро-монгольским этносами[2]. Эта двуприродность[3] кара-

[1] Число гипотез по этногенезу карачаево-балкарцев более одиннадцати. Их обзор см.: [152; 126]. В современном кавказоведении наибольшее распространение получили две точки зрения — кипчако-аланская (Л. И. Лавров) и болгаро-кипчако-алано-кавказская (Е. П. Алексеева, А. Х. Соттаев и др.).

[2] Л. И. Лавров, исследующий проблемы этногенеза и этнической истории карачаево-балкарцев, выявил некоторые некавказские элементы в культуре этих народов. Так, в частности, в карачаево-балкарском пантеоне богов имеется бог Тейри (ср. тюркское Тенгри), не знакомый кавказским народам [130, 5]. Этот факт и другие важны для выяснения характера изучаемого этноса и связанных с ним этнонимов.

[3] Термин, введенный В. И. Абаевым для определения этнического своеобразия осетин — иранцев по языку и кавказцев по культуре. Мне кажется правомерным отнести это определение также к балкарцам и карачаевцам, в основу которых, видимо, легли два этнических компонента — аланский, несколько веков развивавшийся в кавказской среде, и тюркоязычный.

чаево-балкарцев и явилась причиной появления множества гипотез происхождения народа. Сравнительно позднее оформление карачаево-балкарского этноса обусловило и довольно позднее появление в письменных источниках комплекса этнических названий, связанных с этим народом. Круг исследуемых карачаево-балкарских этнонимов распадается на две группы: первая — этнонимы, известные как среди карачаевцев и балкарцев, так и среди некоторых северокавказских народов; вторая — этнические названия, бытующие лишь в языках соседних карачаево-балкарцам народов и не знакомые им самим. Большинство этнонимов обеих групп фиксируется не только этнографическими материалами, но и письменными источниками. Обзор начну с первой группы.

Единство происхождения карачаевцев и балкарцев, единый язык этих народов, общие исторические судьбы, общность их культуры позволяют и в настоящее время говорить о карачаевцах и балкарцах как о едином народе. Однако, несмотря на культурно-языковое единство, у этих народов отсутствует общее самоназвание. Общего самоназвания не имеет и население пяти ущелий Центрального Кавказа, известное в настоящее время под именем балкарцев, а в прошлом столетии как «горские татары», «горские общества Кабарды» и т. п. Отсутствие общего самоназвания у этих народов, вполне вероятно, связано с тем, что в этногенезе карачаево-балкарцев участвовали различные тюркоязычные родоплеменные группы, не имевшие общего самоназвания, последующая географическая изоляция и территориальная разобщенность которых не способствовали в дальнейшем оформлению единого карачаево-балкарского самосознания.

В настоящее время в качестве общего самоназвания среди карачаевцев и балкарцев употребляется имя *таулула*, т. е. «горцы»,— термин хотя и тюркский по своей природе, но явно воспринятый карачаево-балкарцами от равнинного населения. Помимо таулула среди карачаевцев и балкарцев существует несколько других этнических имен, выступающих как самоназвания отдельных групп народа. Это *къарачайлыла, малкъарлыла, бызынгылыла, холамлыла, чегемлелыла, уруспилыла.* В основе большинства этих терминов лежат топонимы — кавказские названия ущелий рек Малка, Бизинги, Холам, Чегем. Этноним уруспилыла образован от балкар-

ской фамилии Урусбиевых и обозначает жителей Баксанского ущелья. Этноним къарачай(лыла), видимо, не связан с топонимом, хотя в кавказоведческой литературе прошлого столетия это имя выводилось из тюркского *кара* — «черная» и *чай* — «река». Большая звуковая близость с тюркским термином карач(а) и (قراچی) приводит к другому предположению в отношении этимологии этого термина. В Крыму звание къарачи принадлежало бекам главнейших дворянских родов. Этим именем назывались также все лица, близкие к хану [42, т. II, 45]. И генетические предания карачаевцев связывают последних с неким Карчи, выведшим свой народ из Крыма или Золотой Орды и поселившим его сперва на Баксане, а затем в верховьях Кубани (легенды см. в работе Л. И. Лаврова) [126, 61].

* * *

Письменные источники по истории карачаевцев и балкарцев, в целом немногочисленные, позволяют выявить время появления этнических названий этих народов. Письменные свидетельства первой четверти XVII столетия сообщают о расселении в горах Северного Кавказа по крайней мере двух групп тюркоязычного населения, а именно карачаевцев и балкарцев, хотя название *балкарцы* обозначало в то время лишь жителей Балкарского ущелья.

Напомню те немногочисленные исторические факты, с которыми русские источники доносят до нас названия балкарцев и карачаевцев. Два таких свидетельства относятся к 1629 г. В одном из них сообщается о «месте Балкары», которым владеет кабардинский мурза Абшита Взреков; в другом — о походе ратных людей кумыкского князя Айдемира Эндерийского и кабардинских феодалов «в горы в Балкары» [91, т. 1, 120, 125]. В статейных списках русских послов Федота Елчина и Павла Захарьева (1639—1640 гг.) упоминаются Карачаи, «Карачаева Кабарда», карачайские мурзы [35, 302, 305, 318]. Еще одно сообщение о Балкарии относится к 1650—1652 гг.; когда посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию через полтора дня пути от владения кабардинского феодала Зозоруки, двигаясь по Череку, пришло в «местность Болхар» [189, 32, 33]. Исследователи этнической истории карачаево-балкарцев

справедливо подчеркивают, что название Балкары (Болхары) в русских документах XVII в., как и позднее, сначала лишь население одного Балкарского ущелья по р. Восточный Черек [120, 169; 126, 77].

Еще более скупы известия о карачаевцах и балкарцах в западноевропейской литературе XVII столетия. Арканджело Ламберти, сведения которого относятся ко времени его пребывания в Мегрелии (30—50-е годы XVII в.), среди народов, окружающих эту страну, первым из западноевропейских авторов называет карачаевцев (caraccioli) [136, 2; 253, 177]. Ламберти вполне определенно пишет об этнической принадлежности карачаевцев, «говоривших по-тюркски, но очень быстро». Самоназвание карачаевцев caraccioli упоминает также другой западноевропейский автор — Жан Шарден, побывавший в Мегрелии примерно в те же годы [236, 55]. Благодаря фиксации имени карачаевцев в трудах итальянских миссионеров этноним caraccioli становится известным и в официальных итальянских документах XVII столетия [174, 20, 22].

Таким образом, письменные свидетельства этого периода сообщают этническое имя одной тюркоязычной группы, обитавшей в горах Северного Кавказа, а именно карачаевцев. Название балкарцы, т. е. жители ущелья р. Восточный Черек, известно в источниках XVII в. лишь как название местности (Балкар, Болхар). Этнические названия других групп балкарцев в источниках этого же времени не упоминаются.

В литературе XVIII в. сведения об этих народах несколько обширнее. В источниках 40-х годов этого столетия термин *балкар* выступает в качестве этнонима. Так, в русском документе 1747 г. упоминается емчак[4] кабардинского князя Касая Атажукина балкарец Азамат Абаев [91, т. II, 141][5]. Подобный характер носят также сведения другого русского документа — 1743 г., сооб-

[4] В переводе это означает «молочный брат».

[5] Подобные факты отдачи детей на воспитание в семью другой национальности известны также по полевым этнографическим материалам. В Осетии в высокогорном обществе Уаллагком детей отдавали на воспитание не только в русские семьи, но и в Балкарию, чтобы они изучили балкарский язык. Последнее было необходимо для ведения торговых дел, главным образом для покупки балкарских пород скота, считавшихся лучшими. Среди балкарцев, хотя и реже, также были известны факты отдачи детей на воспитание в осетинские семьи.

ющего о народе *харачай,* живущем в Кубанских вершинах и имеющем «татарский язык» [153, 31]. О народе балкары, 50 дворов которого живут рядом с Караджау (осетины Каражаевы) и Дюгером (т. е. Дигорией), упоминает еще один русский документ, датируемый 1768 г. [91, т. II, 281]. Текст документа не допускает сомнения в том, что имеется в виду лишь население Балкарского ущелья по р. Восточный Черек, соседнее Стур-Дигории. Сведения о карачаевцах в западноевропейской литературе появляются уже в первой четверти XVIII столетия. В описании Готлиба Шобера 1718 г. упоминаются татары балкарские (Tartari Balkarsci) [126, 79]. Главани сообщает об округе Карачай (Karatschai), имеющем 200 жилищ и зависимом от Кабарды [65, 155]. Гюльденштедт и Паллас называют Карачай (Karatschai) и округ Балкар (Balkar, Malkar) [240, 461, 463; 251, 363].

В источниках XVIII в. появляются также названия других групп балкарского народа. В ранее упомянутом описании Готлиба Шобера названы «татары чегемские» (Tartari Cegemskei) [126, 81]. Округ Чегем, имеющий 500 жилищ и зависимый от Кабарды, упоминает также Главани [65, 155]. Русский документ 1743 г. сообщает об обществах Чегем, Бизинги, Холам [153, 31]. Эти же общества описывают и Гюльденштедт и Паллас (Tschegem, Besinga, Cholam) [240, 460; 251, 370].

Несколько подробнее остановлюсь на содержании документа 1743 г., текст которого содержит показания кабардинских владельцев Магомета Атажукина, Алдигирея Гиляксанова и кумыкского феодала Хамзина, данные ими в Коллегии иностранных дел о северокавказских народах, соседних Кабарде. «Пятый народ,— сообщается в документе,— состоит в разных пяти волостях и оным звание свое имеет. А общего всему народу звания нет. Из оных 1-я волость Чегем... 2-я волость Безенге, 3-я волость Хулам, 4-я волость Хусыр, 5-я волость Малкар...» [153, 31, 32]. Обращает на себя внимание следующее. Во-первых, сообщение источника об отсутствии среди населения пяти волостей общего самоназвания. Во-вторых, свидетельство этого же источника — одно из самых ранних упоминаний в русской литературе бизингийцев и холамцев. Из балкарских обществ, известных по источникам XIX в., в документе не упомянуто лишь Урусбиевское общество, находившееся в Баксанском ущелье.

После перечисления пяти обществ и их местоположения текст источника сообщает следующее: «А язык у них особливый, они ж употребляют и татарский язык. Издревле они были христианского закона, который и ныне многие из них содержат» [153, 32]. О владельцах в документе сказано, что они мусульмане. К сожалению, остается неясным, относятся ли сообщенные сведения к населению всех пяти обществ или лишь к волости Малкар (Балкарское общество), упоминаемой в списке последней.

В этой связи напомню некоторые свидетельства, имеющиеся в источниках начала XIX в. Клапрот, описывая балкарские общества, сообщает, что «деревня Хулам населена сванской фамилией (suanischen familien), которая еще одевается совсем по-имеретински и называет себя сванами. Они (сванские фамилии.— *Н. В.*) живут не только здесь, а также разбросанно в соседнем Кашкатау («Bloß Berg», т. е. «голая гора».— *Н. В.*) и подчиняются кабардинцам» [244, 536, 537]. Это сообщение Клапрота делает возможным предположение о том, что и в Балкарском обществе, располагавшемся в «Кашкатовских вершинах» [91, т. II, 199], в середине XVIII столетия жили, видимо, сванские фамилии. Таким образом, население балкарских обществ в основном было тюркоязычным, но среди них жили отдельные сванские фамилии, со временем ассимилированные балкарцами. Известны также и обратные факты миграций балкарских фамилий в Сванетию и естественной этнической ассимиляции их сванским населением [6].

---

[6] В докладе на сессии по происхождению карачаевского и балкарского народов был приведен этнографический материал, характеризующий длительные этнокультурные связи карачаевцев и балкарцев со сванами, а также взаимные эпизодические миграции этих народов.

Так, среди балкарцев известна фамилия Шванлары, сохранившая в тюркском оформлении самоназвание сванов *шван.* В карачаевской фамилии Эбзелер (от карачаево-балкарского названия сванов *эбзе)* также отразился сванский этнический элемент, видимо вошедший в состав тюркоязычных карачаево-балкарцев. Некоторые сванские фамилии (например, фамилия Отарлары — ветвь сванских Дадишкилиани, владевшая в Балкарии Жабоевской башней), жившие в Балкарии в течение трех-четырех поколений, считали себя сванами, хотя и говорили по-тюркски. Известны также случаи ухода балкарцев в Сванетию. Например, в Местиа фамилия Гоштелиани считает себя по происхождению из Чегема [201, 137, 140].

Напомню также о тесных экономических связях между карачаево-балкарцами и сванами[7], смешанных браках и других моментах, связывавших эти народы. «Полутатарское общество Бечо (Сванетия.— *Н. В.*),— писал Г. Радде,— принадлежит трем сыновьям Отара Дадишкилиани: Левану, Циоху и Бекерби... Отец их, Отар, женившись на баксанской татарке Мират, сделался магометанином. Со свитой жены Отара в Бечо прибыло несколько мусульман, которые впоследствии обзавелись семьями» [197, 148]. В свете всех приведенных данных становится понятным свидетельство документа 1743 г. о двуязычии части населения балкарских обществ, в середине XVIII в., видимо, сохранявших еще сванский язык.

Карачаевцы и балкарцы в настоящее время называют сванов *эбзе, тау-эбзе* или *шари-эбзе*[8]. Жителей горного рачинского селения Чиора, которое составляют 300 дворов фамилии Рехвиашвили[9], происходящих, по преданию, из местности Штулу (ср. дигорское название перевала в Балкарию Стулиафцег), балкарцы называют *малкар-эбзе* (балкарские сваны?). К малкар-эбзе балкарцами относятся также жители селений Гезе и Шари в Верхней Сванетии, по преданию тоже перешедшие из Штулу. Среди тех же балкарцев некоторые группы чегемцев и жителей Мулахского общества Сванетии известны под именем *чегем-эбзе* [1, д. 31, л. 27].

Существование в тюркских языках имени эбзе, в настоящее время обозначающего сванов и переселенцев с территории Балкарии, возможно, свидетельствует не только о миграционных движениях сванского населения, но и о наличии какого-то древнего населения эбзе, говорившего на сванском или близкородственном ему языке.

В списке народов, сообщаемом русским документом 1743 г., говорится о народе *соны,* занимавшем вершины

---

[7] «Осетины и баксанские татары,— писал в 60-х годах XIX в. Г. Радде,— перекочевывают сюда (в Сванетию.— *Н. В.*) осенью, через глетчер Тюбер в верховья Ингура, именно на земли Мулахского и Мужальского обществ Вольной Сванетии...» [197, 3].

[8] Ср. осетинское название *сари.*

[9] Соседние им дигорцы называют это селение Рехвата. Кроме фамилии Рехвиашвили там живут Чагелишвили из Сванетии и Гобеджишвили из Дигории.

Баксана [153, 31][10]. Данное свидетельство дает возможность сделать некоторые предположения. Л. И. Лавров выдвинул гипотезу, что в верховьях Баксана временно, в 40-е годы XVIII в., жили сваны, тогда как балкарцы-урусбиевцы в этот момент занимали другую территорию — возможно, упоминаемую тем же документом волость Хусыр [126, 82].

Другое предположение, исходя из сообщения того же источника, говорит о том, что кабардинскими князьями, дававшими показания в Коллегии иностранных дел, были названы сваны — жители Сванетии, жившие за перевалом Донгуз-Орун от верховьев Баксана. Это подтверждает и дальнейший текст документа. Если первоначально местом пребывания сонов названы вершины Баксана, то в дальнейшем сообщается, что «дорога к ним (сонам. — *Н. В.*) простирается *через Баксан* (курсив мой. — *Н. В.*), где живут Большой Кабарды владельцы Магомет Кургокин с братьями и надобно ехать три дня» [153, 31]. Небезынтересно упоминание о том, что соны — христиане и носят длинные волосы [153, 31].

В Баксанском ущелье, а точнее, в его верхней части, судя по документу, находились только поселения кабардинских князей. Этот факт находит подтверждение в сообщении другого документального источника. В 1746 г. глава Кашкатавской партии Арсланбек Кайтукин, уже не живший на Баксане, обращаясь к царской администрации, просил разрешения вновь поселиться «на вершине Баксана, где искони вплоть до 1724 или 1725 гг.» жили его отцы и деды [150, 140]. После ухода Кайтукина с Баксана между 1724 и 1746 гг. верховья этой реки занимали кабардинские князья Кургокины. Видимо, этим обстоятельством и объясняется тот факт, что среди балкарских обществ не упоминается Баксанское ущелье — впоследствии место поселения урусбиевцев.

Таким образом, неясным в документе остается местоположение и этнический характер «волости Хусыр». Это название, видимо, следует связывать с осетинским

---

[10] Среди кабардинцев до сих пор распространено этническое имя соно, которое чаще всего относится к сванам, а в иных случаях к населению в целом к югу от Кавказского хребта — грузинам, сванам, мегрелам и др.

словом *хуссар* — «юг», «южный склон»[11]. Однако имеющиеся в нашем распоряжении материалы не дают возможности решить вопрос об этнической принадлежности жителей «волости Хусыр» и установить, были ли это тюрки по языку или соседние им осетины и сваны, среди которых могли жить отдельные балкарские фамилии, что и дало право кабардинским князьям в своих показаниях отнести Хусыр к балкарским волостям.

* * *

Еще одну группу карачаево-балкарской этнонимии составляют этнические названия, не известные карачаевцам и балкарцам и распространенные лишь среди соседних им народов. Это грузинское *басиани,* мегрельское *алани,* осетинское *асиаг* и *æссон*, сванское *мусâв* (мн. ч. *савиар*). Эти имена известны как в этнографической действительности, так и в письменных источниках. Однако в некоторые исторические периоды этническое содержание упомянутых этнонимов не всегда соответствовало современному. Так, осетинское название балкарцев асиаг (иронское), æссон (дигорское) — пример переноса этнического наименования дотюркского населения на новый этнос, появившийся на той же территории. Сваны называют балкарцев мусâв (савиар), что также представляет собой пример использования древнего этнического имени для обозначения позднейшего населения, этническая сущность которого изменилась. То же относится и к мегрельскому названию карачаевцев алани[12]. В основе всех перечисленных названий лежат древние этнонимы, упоминаемые в античных и раннесредневековых источниках. Однако в позднее средневековье реальное содержание этих наименований уже не соответствовало их прежнему этническому характеру.

Вполне понятно, что при исследовании терминов *ас, алан, савиар* важно определить не столько время появления их в источниках, сколько время изменения их этнического содержания. Видимо, этот процесс имел ме-

[11] Слово хуссар среди осетин нередко известно как составная часть некоторых топонимов: Хусар в Уаллагкоме, Хусар-Ламар-дон и Хусар-Хинцаг в Даргавском ущелье и т. п.

[12] О термине алан в письменных источниках см. данную монографию, стр. 100—107.

сто не только в период между серединой XIII столетия, когда происходила миграция кипчаков в горы Центрального Кавказа, и серединой XVII столетия, когда Ламберти упомянул народ карачиоли, говорящий по-тюркски, но и позднее, если вспомнить сведения источников середины XVIII и начала XIX в. о двуязычии местного населения.

Как уже упоминалось, сведения о балкарцах и карачаевцах в источниках до XVII в. крайне скупы. В связи с этим следует упомянуть предположение В. И. Абаева о том, что сообщение арабского географа Абу-л-Фиды (1273—1331 гг.) о христианах-аланах и асах, живущих по соседству с абхазами и говорящих на тюркском языке,— первое упоминание о существовании на территории исторической Алании, в горах, тюркоязычного населения — предков современных карачаево-балкарцев [9, 131]. Источниковедческий анализ сочинения Абу-л-Фиды, сделанный в 60-х годах советским востоковедом Б. Н. Заходером, показал, что труд этого арабского географа представляет компиляцию сведений, извлеченных главным образом из летописи Ибн ал-Асира— автора XIII столетия [79, 61]. Последний, как известно, описывает лишь бегство части кипчаков в горы, происходившее в момент монгольских походов на Северный Кавказ. Возможно, что Абу-л-Фида, включивший сведения Ибн ал-Асира в свое повествование, имел в виду алан и кипчаков, но, не очень четко представляя себе этнические различия и географическое расположение этих народов, назвал алан, живших в верховьях Кубани в момент монгольского нашествия, тюркоязычным народом.

К 40—60-м годам XVII в. относятся уже названные выше упоминания имени алан в сочинениях Ламберти и Шардена. Свидетельства этих авторов об имени алан могут расцениваться, во-первых, как использование в средневековой литературе этнонимов предшествующей эпохи, во-вторых, как одна из первых фиксаций мегрельского наименования карачаевцев алани. Последнее вполне возможно, так как Ламберти и Шарден долгое время жили в Мегрелии и, видимо, знали мегрельский язык, в связи с чем им могли быть известны мегрельские этнические названия соседних народов. Поскольку Ламберти пишет о карачиоли как о тюрках, видимо, следует считать, что народ алани, который он помещает поч-

ти в местах поселения карачаевцев, к этому времени представлял собой не ираноязычных алан, а новый, тюркоязычный этнос.

Наиболее раннее упоминание названия *басиани* мы находим в грузинских эпиграфических памятниках XIV—XV вв. Это известная надпись на кресте из церкви сел. Цховати (ущелье р. Ксани), опубликованная в 1915 г. Е. С. Такайшвили [209, 106] и связываемая Л. И. Лавровым с Балкарским ущельем, в эпоху Цховатской надписи, по его мнению, населенным тюркоязычным народом [132, 78, 79]. Казалось, об этом свидетельствует и особое этническое имя басиани, данное грузинскими источниками новому этносу в отличие от осетин, которые в них назывались *овсами — осами*. Письменные источники и этнографические материалы показывают, что, как правило, третье поколение переселенцев в инонациональную среду забывает родной язык и начинает говорить на языке окружающего его населения. Поэтому возможно предполагать, что те 150 лет, которые отделяли переселение группы кипчаков в горы от сообщения Цховатской надписи, и были периодом, необходимым для завершения языковой ассимиляции части алан пришлыми кипчаками. Однако если связывать термин басиани с родовым именем Басиат [126, 78]. по утверждению Вахушти, «овсским родом», то нельзя с полной уверенностью утверждать тюркоязычную принадлежность басиан в XIV—XV вв. О басиатах как овсах-осетинах писал также Клапрот.

Вполне определенно о существовании тюркского этноса можно говорить в 40-е годы XVII в. (карачиоли Ламберти). Однако завершился ли процесс тюркизации к этому времени в балкарских обществах, сказать трудно. Грузинские источники конца XVII—XVIII вв. приводят ряд факторов, связываемых с Басиани — территорией, соседней Дигории [90, 69, 70; 45]. На карте «Положение мест между Черным и Каспийским морями» в Российском атласе 1745 г. в верховьях р. Черек назван народ *басеян,* соседями которого показаны осетины и грузины-лечхумцы. Дистрикт Basiania упоминает Гюльденштедт [240, 66]. Паллас, описывая Чегем и Балкар (или Малкар), указывает, что старое название последнего — Басиан (Bassian) [251, 460]. Название басиани известно также в русских документах первой четверти XIX в., исходящих от лиц осетинского и грузинского про-

исхождения. Такова, например, «Записка дигорских князей Алии и Яамуша Чирклидзеевых, Заурбека и Давидуха Баделидзеевых» главнокомандующему войсками на Кавказе от 1815 г. с просьбой о вводе войск для защиты от «Бисиани, Тагаура и Двилети».

* * *

Современные этнографические данные уточняют некоторые моменты, связанные с карачаево-балкарской этнонимией. Выясняется, например, что среди соседних народов карачаевцы известны под их самоназванием. Таковы абхазское *акарач,* кабардинское *къэрэшей,* в Карачаево-Черкесии — *къэрэ шей*, абазинское — *къэрчэ*, *къарачай*, ногайское *къарашай*, осетинское *хъœрœсейаг*, сванское *мукрчай* (мн. ч. *карачай*). Несмотря на то что балкарцы не имели общего самоназвания, в представлении окружающих их народов — это единый этнический коллектив. На это указывают названия, принятые для балкарцев среди осетин (*асиаг, œссон*), сванов (*мусáв*) и др. Имя балкарцы, бытующее в русском языке и обозначающее тюркоязычное население всех пяти ущелий, заимствовано из кабардинского языка, где оно известно в форме бэлкъэр(хэр), а не из балкарского, в котором существует форма *малкъар(лыла*) [126, 55]. С этой формой, видимо, связано вайнахское название сванов *малхаро(й)*. Кабардинцы Большой Кабарды зовут балкарцев *бэлъкъэр* или *къущхьэ,* т. е. «горцы».

Значение термина бэлъкъэр за последнее время изменилось. Если раньше он означал лишь жителей одного Балкарского ущелья, то в настоящее время, по утверждению кабардинцев, это имя означает все тюркоязычное население Кабардино-Балкарии. Помимо бэлъкъэр и къущхьэ кабардинцам известны и другие наименования — Бахъсэн къущхьэ, Шэджэм къущхьэ, что означает «горцы Баксана» и «горцы Чегема». Кабардинцам, жителям Малой Кабарды, называющим всех балкарцев бэлъкъэр (хэр), незнакомы названия балкарских обществ Чегемского, Урусбиевского, Холамского, Бизингиевского. В настоящее время осетины-иронцы, жители плоскости, балкарцев называют балхъайраг, тогда как термин асиаг известен им довольно плохо и его этническая принадлежность в большинстве случаев

представляется весьма нечетко (т. е. он соотносится и с балкарцами, и с кабардинцами и др.).

Дигорцам, плоскостным и горным, имена Аси (Балкария) и асиаг, œссон (балкарцы) хорошо знакомы, и они вполне четко связываются ими с тюркоязычным населением, живущим за перевалом Стулиафцег. Дигорское название Карачая — Устур-Аси, т. е. «Большая Балкария» (Большая Алания?). Карачаевцы часть балкарцев, а именно население Балкарского ущелья, знают под именем *малкъарлы.* Карачаевские названия других групп балкарцев соответствуют их балкарской форме. Балкарские общества хорошо известны соседней горной Раче, жители которой балкарцев зовут *малкани,* бизингиевцев — *абзанга*[13], чегемцев — *чегемелеби,* баксанцев — *баксанелеби.*

* * *

Исследование этногенетического развития карачаево-балкарского народа показывает, что в его формировании приняли участие различные этнические элементы: тюркские, ираноязычные, кавказские. Тюркские дали этому народу язык — главный определитель этноса. Однако в отличие от некоторых народов, например ногайцев, названия тюркских племенных групп, принимавших участие в этногенезе карачаево-балкарцев, не отразились в наименовании их родо-племенных подразделений. Попытки некоторых исследователей (В. Ф. Миллер, Н. А. Караулов, З. Н. Ванеев и др.) связать этноним балкар с наименованием древних болгар явно неудачны, так как основаны лишь на чисто внешнем созвучии термина бэлъкъэр в его кабардинской форме [163; 130; 44, 68; 126, 68].

Приведу примеры, которые указывают на связи карачаево-балкарцев с кипчаками. В сочинении Ламберти помимо имени карачиоли упоминаются еще два этнических названия, связываемых автором с карачаевцами,— karakirques и karacherkes [136, 2]. Если последний этноним мог возникнуть в результате распространения в этот период имени черкес на народы неадыгской группы, часть которых была политически зависима от

[13] Ср. осетинское название Бизинги — Абзанга, зафиксированное в сел. Лескен.

Кабарды[14], то наличие имени karakirques на первый взгляд кажется странным. Этнонимия карачаево-балкарского народа, известная нам по литературным и этнографическим материалам и не сохранившая тюркских этнонимов, вот уже несколько веков связана лишь с кавказским этническим миром, а некоторые названия, перенесенные на карачаево-балкарцев осетинами и мегрелами,— с иранской этнической средой. Возможно, что термин karakirques, приводимый Ламберти наряду с именем cagaccioli, показывает «вторую», тюркскую природу этого народа, в середине XVII в. выражавшуюся, в частности, в сохранении имени karakirques.

[14] Слово *кара* нередко употреблялось именно в значении «простой», «зависимый», т. е. в данном случае — «простой, зависимый черкес».

Глава четвертая

ОСЕТИНЫ

Вопросы истории и этнографии осетинского народа, генетически связанного с северокавказскими аланами, уже в течение почти полутора веков предмет пристального внимания и изучения ученых многих стран и различных специальностей. Подобный факт вполне объяснним. Осетины — единственный на Северном Кавказе народ—носитель иранского языка. Эта особенность определила не только большой интерес к проблеме происхождения осетин, но и явилась причиной возникновения в исторической науке различных точек зрения на эту проблему, а в связи с этим и обширной литературы.

По этногенезу осетин опубликовано значительное число работ как в отечественной науке, так и за рубежом [1]. Большинство этих исследований в связи с этногенетической проблемой затрагивают и вопросы осетинской этнонимии. Однако последнее касается лишь античного и раннесредневекового периодов, но не последующих эпох. В названных работах вопросы осетинской этнонимии как подчиненные проблеме этногенеза исследуются в следующих аспектах: генетической связи этнических терми-

[1] Из исследований прошлого столетия наиболее важен труд В. Ф. Миллера [163], который вслед за Клапротом генетически связывает северокавказских алан и осетин. Из работ советских исследователей прежде всего следует назвать труды известного иранист а и осетиноведа В. И. Абаева [10; 8; 11]. Большой вклад в осетиноведение сделан историками, археологами, этнографами — З. Н. Ванеевым [44], В. Н. Гамрекели [57], В. А. Кузнецовым [116], Ю. С. Гаглойти [55], Б. А. Калоевым [95]. Различные точки зрения на происхождение осетин получили отражение в материалах научной сессии, проходившей в 1968 г. в г. Орджоникидзе. Наиболее подробная сводка литературы по этногенезу осетинского народа дана в работе Ю. С. Гаглойти.

нов *алан, ас, яс, овси* (*оси*) и *осетины*; собирательного или узкоэтнического характера этих терминов. Подход исследователей к решению этих вопросов, естественно, определяется их позицией в вопросе этногенеза осетинского народа, на который в науке существует несколько точек зрения[2].

Расхождения в вопросе этногенеза осетин не мешают, однако, современным исследователям генетически связывать древние этнические названия аланы, асы, ясы, овси (оси) с современными осетинами. Но, признавая этот факт, ученые расходятся в оценке характера терминов алан и ас как узкоэтнического имени или как собирательного термина. Мнение о том, что аланы это имя одного народа, подробно аргументировано в исследованиях В. И. Абаева, Ю. С. Гаглойти, Б. А. Калоева. Точка зрения, рассматривающая термин алан как собирательный, наиболее полно отражена в книге В. А. Кузнецова [116].

Сведения по этому вопросу, сообщаемые античными и раннесредневековыми авторами, дают основание считать, что аланы — это конкретный этнос. При этом, однако, не исключено, что в отдельные исторические моменты, в частности в период, последующий за проникновением алан в горы, т. е. не ранее VI—VII вв., их имя в течение какого-то времени могло относиться не только к собственно аланам, но и к местному населе-

---

[2] Все исследователи, признавая двуприродность осетинского народа, в этногенезе которого участвовали аланский и кавказский компоненты, расходятся, однако, в оценке ведущей роли одного из названных компонентов — кавказского (Е. Н. Крупнов, В. А. Кузнецов) или аланского (В. И. Абаев, Ю. С. Гаглойти, Б. А. Калоев). В этом, видимо, сказывается различный подход к решению и изучению явлений этногенеза, а именно признание главным этногенетическим признаком в одном случае языка, в другом — культуры народа. Ю. С. Гаглойти, с одной стороны, признавая значительную роль кавказского субстрата, с другой — определяет этногенез осетин как процесс «внутреннего развития скифо-сарматоаланских племен Северного Кавказа» [55, 241], сводя тем самым на нет роль кавказской основы. Осетинский лингвист К. Е. Гагкаев, предполагая возможность вытеснения местного населения аланами при их движении в горы, выразил сомнение в участии кавказского субстрата в процессе формирования осетинского народа [191, 193—206]. Действительно, ряд явлений в языке и культуре осетин, связываемых с кавказским миром, возможно, не субстратные явления, а результат многовековых исторических контактов осетин и кавказцев.

нию, если только последнее не было вытеснено аланами[3].

Как известно, имя *аланы* (Αλανοί) появляется в сочинениях авторов I в. н. э. Плиния Секунда и Дионисия [137, т. I, 181; т. II, вып. 1, 171]. Дионисий помещает алан на территории от Рейна в сторону Тавра. Иосиф Флавий (конец I в. н. э.) называет алан как часть скифов, но помещает их вокруг Меотиды и Танаида [137, т. I, 484]. Тем самым уже в I в. н. э. часть алан связывалась с территорией Северного Кавказа. Географ II в. н. э. Птолемей, называя *алан* и *язигов* (Ιαζυγες), располагает последних близ Меотиды, что совпадало с территорией алан, очерчиваемой предшествующими авторами. Видимо, в представлении Птолемея, язиги и аланы — один народ, но обозначенный им различными именами [137, т. I, 231]. По данным римского историка IV в. Аммиана Марцеллина, *язиги* (Iazyges), *яксаматы* (Iaxamatae), *аланы* (Halani) обитали около Меотиды [137, т. II, 327; 18, 240]. Помимо письменных свидетельств в античную эпоху термин алан встречается в припонтийских эпиграфических памятниках первых годов нашей эры [111, 614]. Это же имя известно в сасанидских надписях III в. н. э., в частности в надписи Картира на «Каабе Зороастра», где в описании границ Ираншахра, доходивших на севере до Кавказского хребта и Аланских ворот, названы аланы [143, 9, 13].

Таковы вариации этнического имени, обозначавшего в I—IV вв. н. э. на широкой территории от междуречья Дуная и Тиссы на западе до Приаралья на востоке ираноязычную этнолингвистическую общность, языковые и этнические различия отдельных групп которой, видимо, были незначительны[4].

Термин алан отчетливо прослеживается во всех раннесредневековых источниках. Он неоднократно упоминается армянскими авторами V в. (Егишэ, Фавстос Бузанд, Мовсес Хоренаци) при описании политических со-

---

[3] Подробный анализ сочинений античных и раннесредневековых авторов детально сделан в ряде названных выше трудов, и особенно в монографии Ю. С. Гаглойти «Аланы и вопросы этногенеза осетин».

[4] Аналогичные процессы были характерны для славян, этническое развитие которых до определенного момента происходило на огромном пространстве. Со временем славянская этнолингвистическая общность дала начало нескольким этносам.

бытий до V в. [76, 33, 215; 87, 16; 86, 121, 124]. «Армянская география VII в.» — единственный раннесредневековый источник, называющий помимо алан дигорцев и ашдигорцев. Подробнее на материалах «Географии» остановлюсь далее. Тесные контакты Византии с Аланией привели к тому, что уже с VI в. н. э. название аланского народа становится известным в византийских источниках[5]. То же касается византийской историографии последующих эпох (X—XII вв.) [19, 13, 36, 353, 462; 92, 174].

В арабских и персидских источниках название народа алан (العلان), появившись на рубеже VIII—XI вв., сохраняется вплоть до XV в. [99, вып. XXIX, 3; вып. XXXI, 33; вып. XXXVII, 81; 265, 44, 116; 262, 24, 30; 211, т. I, 116, 234, 306, 502; т. II, 15, 21, 24; 162, 199]. Грузинские хроники полны упоминаний северокавказских алан, известных в них под именем овси (оси)[6]. Подобный интерес к аланам-овсам в грузинских источниках вполне понятен: политическая жизнь Грузинского государства уже с момента появления алан на Северном Кавказе была тесно связана с этим народом[7]. С XIII в. этнонимы алан и ас появляются в западноевропейских источниках, которые используют оба названия применительно к одному народу [184, 57].

Таким образом, краткий обзор источников до XV в. подтверждает узкоэтнический характер терминов алан и ас, служивших названием не союза племен, а одного аланского (осетинского) народа, процесс формирования

---

[5] «Всю эту страну, которая простирается от пределов Кавказа до Каспийских ворот,— писал Прокопий Кесарийский,— занимают аланы» [192, 381; 160, 321, 383]. О значительной роли алан при византийском дворе свидетельствует следующий факт. Анна Комнина в младенчестве была обручена со своим дальним родственником Константином Дукой, сыном императора Михаила VII и Марии Аланской, и воспитывались, по обычаю, у матери жениха [19, 13].

[6] Известия грузинских хроник XI—XVIII вв. об осетинах сведены в книге «История Осетии в документах и материалах (с древнейших времен до конца XVIII в.)».

[7] С Осетией связано множество политических событий Грузинского царства первых веков нашей эры, описываемых в «Картлис Цховреба»: набеги овсов на Грузию в 182—186, 453, 458 гг.; участие овсских войск в войне против персов (VI в.); связи Давида Строителя с осетинами и договор 1118 г. о пропуске через Дарьяльский проход в Грузию кипчаков; династические браки грузинских и овсских царских домов и т. п.

которого в районах горной полосы Северного Кавказа начался не позднее VI в.

Имя асы применительно к той же территории Северного Кавказа в исторических источниках фиксируется редко. Упоминаемый Стефаном Византийским народ Ἀσσατοί как жители деревни Асса в Скифии локализован этим автором крайне неопределенно [137, т. I, 255]. Однако в письменных источниках вплоть до VI в. известны язиги, язаматы, яксаматы, обозначаемые древними авторами в тех же местах, что и аланы. В частности, территория, занимаемая язигами, язаматами и яксаматами, включала Меотиду и Танаид. Не исключено, что язиги, язаматы, яксаматы и аланы обозначали одну этнолингвистическую общность, причем элемент *яз* первых трех названий можно сопоставить со средневековым *ас — яс*[8].

В начале XII столетия имя ас в форме ясы появляется в русских летописях[9]. В славянские языки термин ас, по предположению Ю. Немета являющийся тюркским эквивалентом названия алан [167, 4], проник из тюркских языков и принял форму яс[10]. В славянской форме это слово было воспринято, в частности, венграми, называющими алан ják-ok[11]. Монгольская хроника 40-х годов XIII в. «Сокровенное сказание» знает только *асов*

---

[8] Скимн Хиосский (II—I вв. до н. э.) называет меотийское племя язаматов. По данным Страбона (I в. н. э.), язиги жили по Борисфену (Днепру). Тацит (I в. н. э.) помещает их по Тиссе и Дунаю, Птолемей (II в. н. э.) — около Меотиды. Юниан Юстин в III в. н. э. писал о яксаматах как о народе, живущем ближе других народов к устью Танаида [см. 137, т. I, 90; т. II, 125].

[9] В связи с этим напомню некоторые факты, известные в русской истории и связанные с ясами. Это поход князя Святослава в 965 г. на хазар, о котором летописец сообщает: «...и ясы победи и касогы»; указание летописи от 1116 г. о походе Ярополка на половцев «к реце, зомовей Дон, и ту взя полон мног, и городы взя Половьчскые... и приведе с собою ясы, и жену половни ясыню»; рассказ летописца об участии русских князей в походе монголов 1277 г. на ясский город Дедяков и взятии его монголами и др. [190, т. I, 1928, 65, 291, 446].

[10] В словаре тюркских языков Л. Будагова слово алан отсутствует и имеется лишь термин ас (آص آس). Этот факт, видимо, отражал реальное положение в тюркских языках, которым имя алан не было известно.

[11] Венгерское название алан ják-ok вполне сопоставимо с античным этнонимом язиг. В Венгрии аланы, появившиеся вместе с половцами в 1238 г., почти до конца XVII столетия именовались язигами, позднее — ják-ok [135, 294, 295].

(асут) [200, т. I, 66, 68; т. II, 36—38, 129]. Среди тюркоязычных племен, судя по данным Рашид ад-Дина, аланы были известны под именем ас.

Суммируя данные источников до V в. и сопоставляя их с последующими свидетельствами, выявляем следующее. Во-первых, термины алан, язиг, язамат, яксамат были распространены на обширной территории (эти термины зафиксированы и в Западном Предкавказье). Во-вторых, названные этнические имена обозначали, видимо, одну этнолингвистическую общность. Наконец, в-третьих, язык этой общности, относившийся к иранским, четко фиксирует генетическую связь этой общности со средневековыми аланами Северного Кавказа и современными осетинами. Однако между этими тремя этническими коллективами нельзя поставить знака равенства. Аланы после гуннского нашествия оказались в других историко-географических и культурно-хозяйственных условиях по сравнению с аланами античного времени. Начало процесса формирования аланского народа на кавказской почве следует отнести к IV—VI вв. Именно с этого времени северокавказских алан следует считать прямыми предками современных осетин. Большие изменения в этническом облике алан, занимавших в раннее средневековье часть горной полосы Северного Кавказа, отразили письменные источники и археологические материалы. Если до V в. об аланах писалось как о кочевниках, то с VII в., судя по археологическим материалам, в культуре кавказских алан появляются черты, которые связывают их с кавказским этнокультурным миром. Тем самым с этого момента следует говорить об отрыве алан Северного Кавказа, сохранивших родной язык, от остальной аланской этнической общности.

Эти отличия в культуре и политической жизни алан IV и VI—VII вв. особенно четко прослеживаются при сопоставлении данных античных и византийских источников. Стоит хотя бы сравнить описания римского автора IV в. Аммиана Марцеллина и данные об аланах VI в., сообщаемые византийскими авторами. У Аммиана Марцеллина аланы — обитатели скифских степей, наряду с гуннами жившие в кибитках и не знавшие хлебопашества. Сведения, относящиеся к VI в., рисуют уже иную картину. Аланы на Северном Кавказе в этот период граничат с абхазами, т. е. занимают горную полосу по вер-

ховьям Кубани. Это оседлый, а не кочевой народ, имеющий политические связи с Византией, и их правитель Саросий принимает византийских послов. Еще более явственно выступают эти моменты в описаниях VIII—X вв., где Алания предстает сильным политическим объединением, имеющим города. Таким образом, отмечая этногенетическую связь античного и раннесредневекового этнонима алан, не изменившего реального содержания, нельзя не учитывать, однако, известной трансформации этого имени в северокавказских условиях. В период раннего средневековья с IV в. н. э. аланский народ начинает свое историческое существование на кавказской почве и быстро теряет некоторые этнокультурные особенности, связывавшие его с античными аланами.

Политические события XIII—XIV вв. коренным образом повлияли на исторические судьбы северокавказских алан. Походы монголов привели к упадку Алании, разрушению аланских городов, физическому истреблению части народа и переселению отдельных групп алан в горы Центрального Кавказа и на южные склоны Главного Кавказского хребта. Это в основном определило этническую территорию алан-осетин в ее современных границах. Этнонимы алан и ас постепенно исчезают в позднесредневековое время и почти неизвестны в источниках XV, а тем более XVI—XVII вв. Употребление терминов алан и ас в литературе этого периода скорее всего дань традициям исторической литературы домонгольского времени [12].

В форме оси имя аланы-асы, упоминаемое в грузинских источниках начиная с XI в., сохранилось и в позднесредневековых хрониках, а в грузинском языке и до настоящего времени. Та же форма (осинцы) зафиксирована в русских документах XVII столетия [62, 702]. Однако для русских источников XVI—XVII вв. это не единственное название средневековых осетин. В документах той же эпохи известно другое этническое имя этого народа — *сони, сонские кабаки, сонские земли* [13]. Так, статейные списки русских послов того времени неоднократно упоминают Сонскую землю и Сонские щели за Лар-

[12] Таково, например, упоминание алан-асов Барбаро, на карте России 1548 г., в труде Вахушти и др.

[13] В некоторых документах XVII в. сонами называли сванов; см., например: [35, 304, 339].

совым кабаком [91, т. I, 11]. Здесь начиналась территория «Аристопа (Эристави) Сонского», земли которого, видимо, включали осетин, мохевцев, пшавов и др. Можно предположить, что термин сони проник в русские источники из кабардинского языка, в котором и в настоящее время известно имя сонэ, означающее преимущественно сванов.

В XVIII столетии в русской литературе этноним оси трансформируется в термин осетины, приняв в качестве окончания грузинское слово *ети,* т. е. «страна». Один из наиболее ранних документов, называющих имя народа в форме осетины,— документ 1744 г., упоминающий их в связи с посылкой в Осетию православной миссии во главе с архимандритом Пахомием [154, 43]. В XVIII в. термин осетины появляется и в западноевропейской литературе, в которой нередко встречаются обе формы этнического имени — грузинская оси и русская осетины [14].

Таково по историческим источникам развитие общего названия осетинского народа. Этническая сущность этого имени в пределах Северного Кавказа на протяжении почти двух тысяч лет оставалась неизменной — ираноязычной. Даже предполагаемое включение в аланскую лингвистическую общность кавказских элементов в виде субстрата или заимствований не изменило реального содержания этнонима. Неясным остается, было ли имя алан-ас самоназванием народа или именем, данным ему соседним населением. В наши дни этнические наименования алан-ас среди осетин не сохранились ни в качестве общего самоназвания, ни для обозначения отдельных групп народа.

Опираясь на доказательства Г. С. Ахвледиани, можно предположить, что античное ас сохранилось в грузинском оси и абхазском названии осетин *ауапс* [29, 212]. Этнонимы алан и ас отразились в современном осетинском названии балкарцев (*асиаг, æссон*) и мегрельском имени карачаевцев *(алани),* которые обозначают, однако, тюркоязычные народы, в языковом отношении не связанные с древним населением этой территории. В Верхнем Чегеме в названии сторожевой башни Ассыкала, возможно, также отразился древний этноним ас [221, 84]. Термин алан присутствует в топониме Север-

[14] См., например, труды Гюльденштедта, Штедера, Палласа.

ной Осетии — Аланбоз, т. е. «Аланский склон» [220, 181]. В балкарском языке зафиксировано обращение: «Эй алан! Эй, алани!» (ср. «Эй, эбзе!» в балкарском и карачаевском языках) [1, д. 31, л. 30; 151, 128][15]. Этноним алан известен также как личное имя среди жителей южноабазинского общества Псху, до 1864 г. обитавшего в верховьях р. Бзыбь. После ухода большинства псхувцев в Турцию часть их перешла жить на северные склоны хребта — в Кувинское ущелье по р. Зеленчук. Сохранившиеся в документах того времени посемейные списки этих переселенцев наряду с такими именами, как Маршани, Карабатырь Капо, Тлис, Тамбий, Хакучи Ашиба, Клочьбий Кечь, приводят несколько имен алан: Алан Ашибоко, Алан Ашиба и др. [7, ф. 545, оп. 1, д. 65, лл. 36—40 об.]. Естественно возникает вопрос, случайно ли наличие этнонима алан в качестве собственного имени группы южных абазин. В живой этнографической действительности известно немало примеров, когда личное имя, отражающее национальную принадлежность данного лица или родственной группы в прошлом, указывает на факт их переселения в другую этническую среду[16].

В связи с именем алан не менее интересно напомнить о втором названии южных абазин-медовеевцев — *аланеты,*—встречаемом в письменных источниках 30-х годов прошлого столетия[17]. Ф. А. Коленати называет аланетами часть абазин *(басхег),* занимавших горные долины южных склонов Кавказского хребта [246, 26]. На карте Кавказа, составленной в 1834 г., аланеты показаны между бибердовцами и карачаевцами. С юга это племя граничило с Цебельдой [3, ГО 2985].

Несмотря на отсутствие в среде осетин общего самоназвания, в представлении соседнего населения с древних времен осетины — единый народ. Так, карачаевцы называют осетин *тегъей(ли)*. Этот термин как на-

[15] Вполне вероятно, что имя асы можно проследить также в некоторых выражениях балкарского языка: *асыдан туугъан асы,* т. е. «сын асы» или «родившийся от асы»; *асы адам* — «проклятый человек». Асы, по мнению жителей Балкарского и Чегемского ущелий, в прошлом употреблялось в значении обращения к иноверцу [1, д. 31, л. 30].

[16] Например, балкарцы Чеченовы, кабардинцы Кушховы (т. е. выходцы из Осетии) и т. п.

[17] См., например, карту Кавказа 1830 г. [6, д. 1060, ч. I], а также [81, 83].

звание осетин в настоящее время сохранился лишь среди карачаевцев. Однако, как показывают записи этнонимов 30-х годов прошлого столетия, имя тегъей было известно среди кабардинцев и обозначало осетин-тагаурцев [4, ф. 169, к. 81, д. 3, л. 15; 244, 687]. В наши дни кабардинцам этот термин неизвестен. Отмечу также, что этноним тегъей незнаком даже соседнему с осетинами балкарскому населению. Остается пока неясным, почему этноним тегъей, почти 150 лет назад известный в кабардинском языке и обозначавший осетин-тагаурцев, исчез из этого языка, но сохранился в языке карачаевцев — народа, в наши дни территориально далекого от осетин-тагаурцев и кабардинцев.

Не меньший интерес представляет другое название осетин — *мусâв (савиар),* — сохранившееся в современном языке сванов. Можно предположить, что данный термин является отражением названия древних савиров — народа, упоминаемого на Северном Кавказе в сочинениях античных авторов III в. до н. э.— III в. н. э., которые помещают савиров (сапиров) Σαβειρες в «Понтийской области» [137, 265, 413]. В большинстве источников V в. савиры как одно из многочисленных кочевых племен локализуются в северо-западных частях Прикаспия, занимая прибрежные районы Дагестана. Определение этнической сущности савиров — задача в настоящее время невыполнимая ввиду отсутствия каких-либо сведений о языке этого народа. Ясно одно, что кроме прикаспийских савиров, появившихся, как считают исследователи, вместе с гуннами в IV в., в пределах Западного Кавказа еще ранее также отмечены савиры, имя которых, видимо, отложилось в сванском названии осетин.

В настоящее время среди осетин в качестве самоназваний распространены два этнических имени — *ирон* и *дыгорон,* — соответствующие восточной и западной группам народа. Осетины, жители Наро-Мамисонской котловины, называют себя ирон, хотя по названию местности именуются также *туалтæ.* По предположению В. И. Абаева, этнонимы дигор, ирон, туал, видимо, следует связывать не с иранской этнолингвистической средой, а с кавказским языковым субстратом, носители которого вошли в контакт с пришедшими в горы и предгорья Северного Кавказа аланами. «Племенные названия digor, iron, tual,— пишет В. И. Абаев,— не объясня-

ются из иранского, а восходят к этническим самоназваниям доосетинского населения, удержавшимся и после иранизации» [10, 79; 8, 380, 546].

Исходя из предположения В. И. Абаева о субстратном характере этнонимов дигор, ирон, туал, древность этих терминов очевидна. Однако фиксация этих названий в письменных источниках относится к различным историческим эпохам. В течение длительного времени изменялась также и этническая природа указанных терминов.

Самое раннее упоминание крупного племенного подразделения осетин-дигорцев, сохранившееся в источниках, имеется в «Армянской географии VII в.». К настоящему времени известно несколько изданий «Армянской географии», отличающихся в деталях. Из интересующих нас этнонимов в новом списке «Армянской географии» названы *ашдигор* (*Աշ-Դիգոր*), *дигор*, (*Դիգոր*), *аланы* (*Ալան(ք)*) и *двалы* (*Դուաշ(ք)*). Из них дигор и ашдигор — этнические названия, совсем неизвестные в античной, византийской, армянской историографии, в грузинских и русских источниках вплоть до XVII—XVIII вв. Текст «Географии», содержащий названные термины, в имеющихся переводах допускает несколько толкований. По «Новому списку» в переводе К. Патканова народы алан, дигор и ашдигор этнически, видимо, не связаны [181, 30]. В издании С. Т. Еремяна дигорцы, ашдигорцы и аланы в этническом отношении представлены как единое целое [229, 102].

В тексте «Географии» обращает на себя внимание еще одно название, тесно связанное с этнонимами алан, ашдигор и дигор. Это кавказская страна Ардоз (*Արդոզ*), где живут ашдигорские аланы (*Աշ-Դիգոր Ալանաց*), «южнее которых и с ними живут хебурк, кудетк, аргуелы» [229, 102]. Этимология термина *ардоз* объяснялась различно. По В. Ф. Миллеру, это «поляна среди лесов», местоположение которой соответствовало современной Владикавказской равнине [163, ч. III, 107]. К. Патканов сопоставляет Ардоз с местностью Артаз, упоминаемой Мовсесом Хоренаци и помещаемой им в Закавказье, название которой произошло от имени аланской области на Северном Кавказе [181, 30]. Приведенное средневековым армянским географом название местности Ардоз, действительно, вполне определенно увязывается с осетинским словом *æрдуз* (т. е. «лесная поляна»). Однако

в современной этнографической действительности ардуз (ардоз) означает не только любую лесную поляну. В рассказах и легендах дигорцев имя ардуз приложимо также к определенной местности, находящейся в плоскостной Дигории. Житель дигорского селения Чикола 100-летний Хакясса Цориев в 1969 г. рассказывал мне о местности Ардоз в связи с событиями середины XVIII в.; его сын, помогавший в беседе, перевел слово ардуз — «поляна Ардуз», т. е. как название определенной местности. В предании, рассказанном Х. Цориевым, повествуется о переселениях некоторых дигорских фамилий из сел. Комата в предгорье и на плоскость. Часть этих переселенцев ушла на поляну Ардуз, которая находилась в горах за Хазнидоном, недалеко от местности Кéта и осетинского селения Дидиной. Отсюда, с поляны Ардуз, осетины, избрав двух представителей, послали их в Петербург просить места для поселения около Моздока. Таким образом, Ардоз, в представлении дигорцев старшего поколения,— название местности, находившейся недалеко от сел. Дидиной на границе с горной Дигорией. В. А. Кузнецов и Ю. С. Гаглойти, определяя этническую принадлежность ардозиан, т. е. жителей области Ардоз, относят этот народ к восточной, иронской группе осетин [116, 115; 55, 163].

Как уже отмечалось, «Армянская география VII в.» — единственный раннесредневековый письменный источник, где известен этноним дигор. Этот термин появляется в грузинских, русских и западноевропейских источниках в XVII—XVIII вв. Мной уже приводился текст грузинского документа 1691 г., называющего рядом со страной Басиани (Балкарское ущелье) Дигорию. В русских и западноевропейских источниках XVII столетия Дигория и дигорцы неизвестны, а осетины как в целом, так и иронская группа народа именуются оси, сони, аланы.

В источниках XVIII в. сведения о дигорцах по сравнению с письменными свидетельствами предшествующих эпох несколько полнее. К первой четверти XVIII в. относится сообщение Главани об округе Дюгер, имеющем 500 жилищ и состоящем в зависимости от Кабарды [65, 155]. В 40-х годах того же столетия имя дигорского народа встречается в русских документах [153, 32; 91, II, 134, 281]. В частности, приводимый ранее документ 1743 г. содержит довольно полное в источниках этого времени описание народов *дюгор* и *сюрдюгор* (*стур-*

дигорцев), живущих по вершинам Уруха [153, 32]. Страна Дигори наряду с Осети известна в грузинской историографии и документальных материалах XVIII в. К числу относятся документы, исходящие от Вахтанга VI (20—30-е годы XVIII столетия), описание Дигории Вахушти Багратиони и др. [57, 105; 45]. Дигорцев и Дигорский округ (Dugor) наряду с Осетией называют Гюльденштедт, Штедер и Паллас [240, 87, 169; 174, 31 58; 251, 371].

Предельно скупы в источниках сведения об этнониме ирон — самоназвании восточной группы осетин. Непонятно, чем объяснить подобное обстоятельство, но источники вплоть до конца XVIII в. не знают этого имени. Известные в грузинских средневековых хрониках народ *ир* (hir) и страна Ерети (Hereti) этнически не связаны с осетинами, так как эти названия служили наименованием населения и территории восточной части Грузии. Во всяком случае, подобное положение зафиксировано для начала XIII столетия [89, 38, 81]. Едва ли не единственным упоминанием самоназвания иронцев является свидетельство Палласа, который пишет, что осетины называют себя ир или ирон (Ir, Iron), а свою страну — Иронистон (Ironiston) [251, 371]. Название ирон встречается на русской карте Кавказской линии 1799 г., где часть Осетии обозначена как Иронистон. Самоназвание осетин *ири* (hiri) приведено также в фирмане Фетх Али-шаха 1804 г., обращенном к осетинам, кабардинцам и чеченцам [14, т. II, 820]. В официальных русских документах первой половины XIX в. имя ирон встречается также крайне редко. Так, источник 1830 г. сообщает, что осетинские племена называют себя ирон [154, 195].

Значительный интерес представляет этноним *туал.* В современной осетинской этнонимии это наименование локальной группы осетин-иронцев, называющих себя также *туалта.* В кавказоведческой литературе имя туал трактуется весьма различно. Прежде всего это касается реального содержания этнонима в античное время, в раннее и позднее средневековье. Племя, известное под именем *валы (валлы)* (Θυάλοι, valli), в сочинениях Плиния Секунда и Птолемея (I—II вв. н. э.) локализуется этими авторами между Кераунскими горами (северные отроги Кавказского хребта) и р. Ра (Волга) [137, т. I, 239; т. II, вып. 1, 182]. Между теми же Ке-

равнскими горами и Кавказом, по сведениям Птолемея, жили *туски* и *дидуры*. Плиний располагает валлов за Кавказскими воротами (район Дарьяльского ущелья), в Гурдинских горах, рядом со сванами, т. е. в местах, где грузинская историческая традиция помещает историческую Двалетию. Характеризуя валлов и сванов, тот же Плиний Секунд отмечает, что они умеют добывать в рудниках золото. Двалы в форме Ivali обозначены на римской дорожной карте IV в. н. э. (Tabula Peutingeriana) [247, карта], причем составитель карты помещает народ под этим именем примерно на той же территории, что и предшествующие античные авторы, т. е. в центральной части Главного Кавказского хребта, несколько западнее Дарьяльского ущелья.

В раннесредневековых источниках валы в форме *дуалк* (Դուալք) упомянуты в «Армянской географии VII в.», автор которой локализует их в тех же местах, что и античные источники [229, 102]. «Армянская география» ничего не сообщает об этнической принадлежности двалов. Однако в пользу включения этого народа в круг кавказоязычных народов свидетельствует, по-видимому, то, что автор «Географии» называет двалов среди грузин-горцев, дагестанцев и четко отделяет двалов от алан. Подтверждение этому факту мы находим также в общей политической и этнической ситуации того времени, поскольку к VII в. нет оснований предполагать широкую языковую иранизацию населения высокогорных территорий центральной части Кавказского хребта. Дальнейшая историческая судьба двалов также неясна. Например, трудно хронологически определить момент завершения процесса ассимиляции двалов аланами и установить, совершилось ли это до монгольских походов или лишь в период XIII—XIV вв., а также выяснить, имело ли место вытеснение древнедвальского населения и перенесение имени двалов на вновь пришедших алан.

Грузинские источники начиная с XI в. (труд Джуаншера, источник начала XIII в., «Мученичество Николая Двали» XIV в.[18], документы XVII—XVIII вв., Вахушти

[18] Грузинская хроника «Мученичество Николая Двали», составленная не позднее 1314 г., описывает деятельность реального лица, жившего во второй половине XIII — начале XIV в.,— Николая Двали. Эта фамилия известна в грузинских источниках уже с XI в. Ее представители жили в грузинских монастырях Иерусалима

Багратиони и др.) помимо овсов и Овсети неоднократно упоминают двалов и Двалети. Упоминание с XI в. в источниках этнических названий овси и двали может, разумеется, как свидетельствовать о реальных этнолингвистических отличиях этих народов, так и отражать соотношение целого этноса (овси) и локальной группы народа (двали). Например, в грузинских хрониках нередки случаи раздельного упоминания грузин и цховатов, грузин и мохевцев, грузин и имеретин [89, 88], хотя в языковом отношении эти народы не различались. Выделение в грузинских источниках двалов и овсов еще не может служить доказательством их различной этнической принадлежности в средневековый период. Однако подобное разделение, возможно, и имело под собой какую-то реальную почву и могло отражать этническую ситуацию далекого прошлого, когда двалы действительно были народом иного, нежели осетины, этнического корня.

Позднесредневековые грузинские источники продолжали отделять двалов от овсов, хотя первые говорили уже по-осетински. Таковы сведения грузинского историка начала XIII столетия Басила Эзосмодзгвари, армянского историка XV в. Фомы Мецопского, упоминающих осетин и двалов [89, 88]. «История Тимур-Ленга» (XV в.) в числе восьми языков Картли называет двальский, осский, имеретинский, мегрельский, абхазский, сванский, грузинский, месхский [90, 70, 71], хотя осы и двалы в этот период этнически представляли единое целое. Грузинские источники XVII в. также называют двалов и осетин, Двалетию и Осетию[19], хотя в эту эпоху ираноязычность двалов не вызывает сомнения. Этот факт подтверждают грузинские историки первой половины XVIII в. В хронике Сехния Чхеидзе «Жизнь царей», относящейся к 1711 г., рассказывается о нападении войск царя Вахтанга VI на Двалетию, по сведениям

и Палестины. Среди них были известные художники-миниатюристы, литературные деятели. Родина Николая Двали — сел. Цей, расположенное в верховьях Ардона [102, 48—66]. Хроника представляет интерес с точки зрения не только взаимоотношений населения Центрального Кавказа с Грузией, но и отражения в фамилии этнического имени двалов.

[19] Например, сведения «Абхазской хроники» 1601 г. о походе имеретинского царя Ростома в Осетию и Двалетию; в Бичвинтской грамоте 1658 г. также раздельно упомянуты Осети и Двалети [90, 45].

источника, территорию, от Верхнего Нара до Нижнего Кударо населенную осетинами [90, 70, 71]. Грузинский документ начала того же столетия называет в Магран-Двалети (Белая Двалетия, по-осетински Урс-Туалта) осетинские дворы [90, 207]. Вахушти Багратиони, описывая Трусовское ущелье, подчеркивает, что его обитатели — осетины-двальцы [45, 71].

Приведенные материалы показывают, что наличие в грузинских источниках имени двалы и овсы (осы) в разные исторические периоды отражало различную этническую ситуацию. В эпоху позднего средневековья имя двалы соотносилось с осетиноязычным населением высокогорных территорий Центрального Кавказа, тогда как этническая сущность двалов в античное время, видимо, была иной.

В современной исторической науке по вопросу этнического характера двалов существуют две точки зрения. Согласно одной, двалы в античное время говорили на одном из кавказских языков. Эту точку зрения высказывали в своих исследованиях Г. А. Меликишвили, В. Н. Гамрекели, В. И. Абаев, В. А. Кузнецов и др. [157, 294; 57, 98; 116, 115][20]. В ряде работ представление об античных двалах как о кавказском народе конкретизировано и двалы отнесены к вайнахской языковой группе народов. Не останавливаясь подробно на доводах в кавказоведческой литературе в пользу этой гипотезы, отмечу, что наиболее полная аргументация вайнахского происхождения античных и раннесредневековых двалов содержится в работе В. Н. Гамрекели [57]. Мнение о вайнахской этнической принадлежности античных двалов было высказано также в трудах Ю. Д. Дешериева, В. Б. Виноградова, К. З. Чокаева [70; 51].

Другая точка зрения на древних двалов как на иранцев по языку получила распространение в исторической науке начиная с Клапрота [244, 77]. Признание античных двалов ираноязычным народом связано с проблемой иранизации населения высокогорных районов

---

[20] Взгляд на древних двалов как на вайнахоязычное племя высказывался также в кавказоведческой литературе прошлого столетия. Так, К. Кох писал, что «двалы, принадлежа осетинам и говоря по-осетински, возможно, не осетинского происхождения и походят немного на киштов и ингушей» [245, 85].

Центрального Кавказа в античное время. В современной исторической науке некоторые исследователи относят завершение этого процесса к I—II вв. [95, 49], и это дает основание считать античных двалов иранцами по языку. Однако в известных нам источниках не содержится ни прямых, ни косвенных свидетельств окончания процесса ассимиляции населения высокогорных районов Центрального Кавказа в I—II вв. Археологические материалы подтверждают появление алан в высокогорных районах Осетии не ранее VII—VIII вв. Видимо, к этому времени и следует относить начало процесса иранизации древнего двальского населения.

Таким образом, судя по письменным свидетельствам, этническая сущность имени двалов на протяжении примерно двух тысяч лет менялась: в античное время это кавказоязычный народ, в раннее средневековье подвергшийся процессу аланизации, хотя последнее верно лишь в том случае, если двалы не были оттеснены пришлыми аланами из этих районов. Нерешенным пока остается также вопрос, на каком из кавказских языков говорили двалы в античное время, хотя косвенные данные свидетельствуют в пользу нахских языков[21].

Не ранее XVIII столетия прослеживаются в источниках названия отдельных осетинских обществ. Вахушти в своей «Географии» описывает общества Трусо в верховьях Терека, Тагаури, Картаули (куртатинцы) и Валагири (алагирцы) [45]. Русские источники XVIII — начала XIX в. знают алагирцев, куртатинцев, туальцев, тагаурцев, трусовских осетин.

* * *

Отсутствие в настоящее время в современном осетинском языке единого для всего народа самоназвания не означает, однако, отсутствия у него общего самосознания. Это проявляется не столько в общении между собой представителей двух групп осетинского народа, называющих себя *ирон* и *дыгорон*, сколько в общении осетин с другими народами. Сами осетины утверждают, что, разговаривая с кабардинцем, они назовут себя *къущхьэ*, с ингушем — *хIири*, с русским — *осетинами*, т. е. именами, под которыми они известны среди

[21] См. главу «Вайнахи», стр. 124—125.

этих народов. В представлении кавказских народов, осетины — единый этнический коллектив, что и отражается в существовании у этих народов единого для осетин названия. Таково грузинское *оси,* сванское *осил,* карачаевское *тегъей,* абхазское *ауапс* и др. Однако нередко этническое название осетин, данное им соседним народом, отражает лишь имя ближайшей к ним группы осетин. Например, карачаево-балкарское *дюгер,* рачинское *дигорели,* вайнахское *хIири.* Кабардинцы Малой Кабарды называют осетин къущхьэ, т. е. «горцы», поскольку последние воспринимались малокабардинцами, живущими на плоскости, как жители горных областей. В Малой Кабарде мне приходилось встречать фамилии, отразившие кабардинское этническое название осетинского народа. Такова фамилия Кущховых, жителей сел. Плановское, давних переселенцев из Осетии, в настоящее время осознающих себя кабардинцами. Среди кабардинцев Большой Кабарды в наши дни большое распространение имеет термин осетин и реже — къущхьэ.

В своей среде осетины и в настоящее время четко различают две основные группы — иронцев и дигорцев,— территории которых известны под названием Ир и Дигора. Общее название для двух групп осетин, как и для всей территории Осетии, в осетинском языке отсутствует.

Иронцы, по представлению самих осетин, в Северной Осетии населяют Алагирское, Куртатинское, Кобанское, Санибанское, Даргавское, Цейское ущелья, Арвыком («небесное ущелье» — осетинское название Дарьяльского ущелья) и область Туалта. Самоназвание иронцев ирон известно дигорцам, а в форме хIири — ингушам, чеченцам, карабулакам, аккинцам и, по материалам Н. Я. Марра, некоторым группам аваро-андийцев [148, 33]. К иронцам, с точки зрения осетина, относятся также все южные осетины, которые в Северной Осетии называются *къудар* (значительно реже *хуссайраг,* что означает «южный»). Однако территорию, населяемую кударцами, осетины отдельных областей представляют весьма различно. Так, плоскостные осетины кударцами иногда называют осетинское население, живущее в горах за Буроном, т. е. туальцев, и за Рокским и Мамисонским перевалами. Туальцы считают кударцами осетин Южной Осетии и Трусовского ущелья. Население Урс-Туалта (Белая Туалта) называет кударцами лишь

жителей Кударского ущелья Южной Осетии. В своей среде кроме кударцев иронцы выделяют туальцев и трусовцев.

Однако это выделение основывается преимущественно на отличиях в местонахождении этих групп и менее — на их языковых различиях. С точки зрения иронца, например, язык алагирца и цейца не имеет отличий; от языка последних несколько отличается язык туальца и более ощутимо — язык кударца, речь которого, по выражению иронцев, более тяжеловесна. Под именем *кудайраг* южные осетины известны у дигорцев и трусовцев. Среди последних существует также другое название для осетин, живущих за Крестовым перевалом (по-осетински Бидарта), — *дзымыр*, — которое, с их точки зрения, является синонимом слова *кудайраг*. По сведениям Б. А. Калоева, дзымыр лишь часть южных осетин, а именно жителей верховьев р. Ксани [95, карта]. Сами себя кударцы именуют *ирон*, а при общении с иронцем — *кудайраг* и *туаллаг*.

Трусовцы, называющие себя ирон, занимают два ущелья: Терсиком в верховьях р. Терека и Мнаком по его левому притоку — р. Десхуа. Населенные пункты трусовцев располагаются по обоим берегам Терека. Это Суатис, Рес, Тъеб, Джимара, Дурмасиг, Абано, Верхнее и Нижнее Окрокано и др. Окружающие трусовцев осетины считают последних иронцами. Туальцы, живущие от трусовцев за перевалом Закиафцег, называют их *терсиком* и *кудайраг*, однако сами себя трусовцы к кударцам не причисляют.

Еще одна группа иронцев известна под именем туальцев (туаллаг). С точки зрения туальца, область их обитания (Туалта) составляют территории от Бурона по Касарскому проходу и ряд ущелий между Зарамагской котловиной и Рокским, Мамисонским и Закинским перевалами: Куркумтаком, Фаллагком, Закиком, Зругком, Цмиком, Тоборзаком, Уарцеком, Адайком, Нарком. Осетинские селения, находящиеся за перевалами, по словам туальцев, не входят в Туалту, а население, живущее за Зругским перевалом, они называют кударцами. Часть туальцев считает границей области Туалта святилище Макалгабарта, которое находится по правому берегу Арадона несколько ближе к Зарамагской котловине, чем Бурон. Реже территорию Туалты продолжают до Мизура.

Самоназвание туальцев — ирон. Еще одно название этой группы — туаллаг,— с точки зрения последних, отражает наименование области обитания туальцев. Представление о Туалте как особой местности в Алагирском ущелье распространено также среди жителей этого ущелья и среди цейцев. По мнению алагирцев, Туалта начинается от Бурона и занимает территорию вплоть до перевалов, население которой — иронцы-алагирцы, но называющие себя туаллаг по имени местности Туалта. Жители некоторых алагирских селений (Унал, Цей) говорили, что коренное население Южной Осетии, живущее за Рокским и Мамисонским перевалами, также туальцы, поскольку это преимущественно переселенцы из Туалты. С точки зрения иронца, жителя плоскости, Туалта начинается от Бурона и продолжается до Рокского и Мамисонского перевалов. Жители этой области — иронцы-туальцы. Весьма смутны представления о Туалте среди дигорцев. Они знают некоторые селения этой области (Нар, Заки, Зарамаг), однако ее территориальные границы им неизвестны. Жителей Туалты дигорцы относят к иронцам. Название этой части Осетии известно также трусовцам, связи которых с туальцами всегда осуществлялись через перевал Закиафцег.

Помимо Туалты в письменных источниках прошлого встречается название области Урс-Туалта, или Магран-Двалети (в грузинских хрониках). Название Урс-Туалта осетинам Северной Осетии в настоящее время неизвестно. Исключение составляют жители плоскости — недавние переселенцы из Южной Осетии, по мнению которых, территорию Урс-Туалты населяют иронцы и она находится в Джавском ущелье (верховья р. Большой Лиахви). Эту область не знают также туальцы Наро-Мамисонской котловины, и лишь трусовцам и осетинам, живущим около Крестового перевала, название Урс-Туалта хорошо знакомо. Этот факт вполне понятен, так как между трусовцами и жителями Урс-Туалты издавна были тесные связи, в том числе и брачные, осуществлявшиеся через перевал Урс-Туалта. В грузинских источниках Туалта, Урс-Туалта, а иногда и Трусовское ущелье в целом назывались Двалетией [45, 81]. Однако последнее название осетинам неизвестно. Это касается не только плоскостных осетин, но и туальцев, трусовцев, кобийцев, а также переселенцев из Южной Осетии, живущих в настоящее время в Северной Осетии.

Вторая крупная группа осетин — дигорцы — населяет Дигорию (Дигора), которая располагается по рекам Сарди-дон и Сонгути-дон, образующим около Мацуты р. Ираф. С точки зрения дигорца, Дигория начинается от Мацуты[22] и включает Стур-Дигорское, Махческое (от Мацуты до Фаснала), Гуларское, Донифарское, Задалесское ущелья. Дигора, по представлению самих дигорцев, делится на горную Дигорию и Тапан-Дигора (Нижняя Дигория), находящуюся в среднем течении р. Сонгути-дон. Тапан-Дигора начинается от сел. Задалеск, находящегося в горах по правобережью р. Сонгути-дон, и включает ряд селений: Мацута, Задалеск, два Нара, Фараскотта, Казахта, Махческ, Вакац, Фаснал. В горную Дигорию входят Стур-Дигорское, которое заканчивается селением Куссу, и Гуларское ущелья с боковыми ответвлениями по р. Сарди-дон. Самоназвание дигорцев — дыгорон. Под этим же именем они известны среди иронцев и некоторых кавказских народов (карачаевцев, балкарцев, сванов, рачинцев).

В своей среде осетины выделяют особую группу, территория расселения которых известна под именем Уаллагком. По мнению дигорцев, территория этого общества начинается выше Фаснала, располагается по р. Сонгути-дон и включает три селения — Камунту, Дунту и Галиат. Перевалами Уаллагком соединяется с Алагирским (Кион-хонх) и Гуларским (Козотиафцег) ущельями. Именно из Алагирского ущелья несколько поколений назад отдельные иронские фамилии переселились в верховья р. Сонгути-дон. В результате длительной территориальной близости с дигорцами в Уаллагкоме образовался особый говор осетинского языка, что нередко затрудняет для самих осетин определение племенной принадлежности уаллагкомцев. Так, часть горных дигорцев сближает уаллагкомцев с иронцами. Некоторые дигорцы считают жителей Уаллагкома дигорцами. Однако подобное представление преимущественно основывается на местоположении Уаллагкома в Дигорском ущелье. Плоскостные дигорцы признают население Уаллагкома за особую группу между иронцами и дигорцами. Боль-

[22] Начало Дигорского ущелья — от плоскости до Мацуты — известно среди дигорцев под названием Хуанхта, что означает «там, где начало гор». Часть ущелья за Хуанхта (между Мацутой и сел. Задалеск) называется Комыдумак (букв. «хвост ущелья»).

шинство жителей Камунты, Дунты и Галиата, помня происхождение своих предков, которые жили в Алагирском ущелье, причисляют себя к иронцам, хотя подчеркивают своеобразие языка уаллагкомцев, впитавшего некоторые особенности дигорского диалекта.

* * *

Приведенные материалы показывают, что сведения источников по некоторым осетинским этнонимам охватывают огромный хронологический период. Названия алан, ас (яс), овси (оси), появившись в источниках античного и раннесредневекового времени, за исключением имени оси, исчезают в XIII—XV вв. Однако до сих пор некоторые из этих терминов сохраняются в современных кавказских языках (алани, асиаг) как этнические названия карачаевцев и балкарцев, т. е. народов, в языковом отношении не связанных с ираноязычными аланами.

В грузинском и венгерском языках и в наши дни сохранились древние наименования осетин: оси — грузинское название осетин и jáz-ok — имя венгерских алан. Названия ирон и дыгорон — в настоящее время единственные самоназвания двух групп осетин, по своей лингвистической природе связанные с кавказской этнической средой.

Глава пятая

ВАЙНАХИ

Крайняя скупость сведений, сообщаемых источниками о чеченцах и ингушах вплоть до XVII в., предельно затрудняет разработку многих вопросов этнической истории этих народов, в том числе и этнонимии[1]. В отличие от адыгов, этнические названия которых зафиксированы еще античными авторами, вайнахские этнонимы в их современной форме в источниках до XVII в. почти неизвестны. Причин этого несколько. Далеко не последнюю роль, видимо, играет большая географическая изолированность вайнахских народов в древности. Не лишено основания также предположение некоторых современных исследователей, считающих, что письменным источникам, в частности античным, уделяется недостаточное внимание и упоминания чечено-ингушских народов еще, возможно, не выявлены [51, 44].

Известные в настоящее время этно-племенные названия античных и раннесредневековых источников, локализуемые ими в пределах Центрального и Восточного Кавказа, не согласуются с позднесредневековыми и современными чечено-ингушскими этнонимами. Однако последнее обстоятельство еще может и не означать, что античным авторам не были известны вайнахские народы. Вероятнее другое: этнические названия этих народов не имеют аналогий в современной чечено-ингушской этнической номенклатуре. Выше уже упоминались существующие в кавказоведении гипотезы о вайнахской этнической принадлежности античных *талов* и *валлов*. В ис-

[1] Вопросы вайнахской этнонимии в советские годы нашли отражение в трудах А. Н. Генко, Е. И. Крупнова, В. Н. Гамрекели, Е. Н. Кушевой, Ю. Д. Дешериева, В. Б. Виноградова, К. З. Чокаева, А. И. Шавхелишвили, Р. Л. Харадзе, А. И. Робакидзе, в коллективном труде «Очерки истории Чечено-Ингушской АССР».

торической литературе известна также версия вайнахского происхождения *санаров (цанаров)*, живших вокруг Дарьяльского ущелья, и т. п. Однако в настоящее время вайнахская принадлежность названных этнонимов не представляется достаточно убедительной. Более правомерным на данном этапе кажется отнесение этих племен (валлов, санаров) в целом к иберо-кавказскому языковому кругу.

Среди античных и раннесредневековых источников, не упоминающих вайнахские этнонимы, особняком стоит «Армянская география VII в.», в основе которой, как уже было отмечено, лежит труд Птолемея. Текст «Географии», по мнению ее многочисленных исследователей, содержит наиболее раннее и, в сущности, единственное в раннесредневековых источниках упоминание этнонимов, согласующихся с современными вайнахскими этническими названиями. Материалы этого источника будут подробно освещены далее. Большое значение для исследователя чечено-ингушской этнонимии имеют грузинские источники. Наконец, с XVI и особенно с XVII столетия названия локальных групп вайнахов фиксируют русские источники[2].

Исследуемая вайнахская этнонимия включает две группы: первую, этнонимы которой не имеют аналогий в современной вайнахской этнической номенклатуре, однако предположительно связываются с древним вайнахским этносом, и вторую, состоящую из этно-племенных названий, достоверно связываемых с вайнахами, т. е. с чеченцами, ингушами, бацбийцами, карабулаками, аккинцами.

Древние этнонимы

Поиски древних вайнахских этнических наименований в источниках упорно ведутся современными исследователями. В этом плане многое сделано Е. И. Крупновым, В. Н. Гамрекели, В. Б. Виноградовым, К. З. Чокаевым, по данным грузинских источников — Р. Л. Ха-

[2] Ряд чеченских и ингушских этнических названий для XVI—XVII вв. детально рассмотрены в книге Е. Н. Кушевой [120, 59—88].

радзе, А. И. Робакидзе и А. И. Шавхелишвили. Однако предположения авторов, в целом заслуживающие внимания, не всегда убеждают и оставляют немало возможностей для толкований. Так, остается неясным происхождение термина *дурзуки (дзурдзуки)* грузинских источников, нельзя считать полностью доказанной вайнахоязычную принадлежность античных и раннесредневековых двалов и тех же дзурдзуков. Еще более гипотетична этническая связь *хамекитов* и *исадиков* Страбона с названиями вайнахских обществ XIX в.— Хамхи и Садой. В данном случае авторы считают возможным установить терминологическую и этническую преемственность, исходя лишь из звукового совпадения терминов, что, однако, малоубедительно.

Как известно, античные авторы не сообщают никаких данных об этнической принадлежности исадиков и хамекитов. Предельно скупы в этих источниках также свидетельства о локализации названных племен — в предгорьях Северного Кавказа [137, т. I, 147][3].

Страбоновские троглодиты-пещерники, хамекиты и исадики впервые отнесены к вайнахской этнической общности В. Б. Виноградовым в его книге «Сарматы Северо-Восточного Кавказа» [49, 157, 158]. Еще более конкретизирована эта точка зрения в статье того же автора и К. З. Чокаева [51]. Авторы исходят из примерной локализации античными авторами троглодитов, хамекитов, исадиков в горах и предгорьях современной Чечено-Ингушетии. Однако, несмотря на большую заманчивость подобных сопоставлений, они требуют большей аргументации. В настоящее время ничего не известно о языковой принадлежности племен, живших в пределах горной и предгорной полосы современной Чечено-Ингушетии в античное время. Было ли это вайнахоязычное население, или последнее располагалось несколько южнее, неизвестно. Ведь высказываются же предположения, что вайнахские племена на рубеже нашей эры занимали территории южных склонов Центрального Кавказа (Двалетия, Тушетия, Пшав-Хевсуретия); оттуда часть их могла передвинуться за хребет, а часть,

[3] Плиний Секунд (I в. н. э.) помещает содов (sodi) в горах рядом с дидурами, за которыми находились Кавказские ворота, по утверждению Плиния ошибочно называемые Каспийскими [137, т. II, 182].

видимо, могла ассимилироваться другими народами (грузинами, осетинами) [4].

В связи с этим большой интерес представляет работа Ф. Утургаидзе, исследовавшего топонимию горных областей Восточной Грузии, которая, по мнению автора, имеет нахский слой [233]. Новые материалы, содержащиеся в докторской диссертации Т. А. Очиаури «Опыт изучения этнической истории горцев Восточной Грузии по мифологическим сказаниям», также говорят в пользу предположения о существовании в древности в горных районах Восточной Грузии нахского этнического элемента [177, 10, 19].

В группе древних этнонимов помимо талов (валлов) [5] определенный интерес представляет этноним санар (цанар), упоминаемый античными авторами, «Армянской географией», арабскими и персидскими средневековыми источниками. Идея вайнахского происхождения этого термина принадлежит В. Ф. Минорскому [164, 211]. По сообщению античных источников I в. н. э. (Плиний Секунд), санары (Σαναροί) занимали территорию Дарьяльского ущелья и далее к югу. Второе известие об этом же народе имеется в «Армянской географии VII в.», автор которой называет племя *цанар(к)* (*Ծանար(ք)*, в земле которого горные проходы Аланский и Целкан (*Ծիլքան*) [229, 102]. Соседями цанаров были *туши* и *двалы*. В последнем издании «Армянской географии VII в.» С. Т. Еремяна цанары расселены в центральной части Кавказского хребта, видимо в районе Казбека и вер-

---

[4] Мысль, что тушины и другие грузинские горцы — «грузинизированные племена чеченского народа», была высказана еще Н. Я. Марром в 1916 г. [149, 1395, 1396]. Ф. Утургаидзе, исследующий горские диалекты грузинского языка Восточной Грузии, отмечает глубокие связи этих диалектов с нахским языком, что вызвано, по его мнению, не процессом заимствования, а влиянием субстрата, т. е. нахского языка, вобравшего в себя многое из горских диалектов грузинского языка и не отождествляемого исследователем ни с одним из современных нахских языков — чеченским, ингушским и бацбийским [233, 114—116]. По сообщению Х. Д. Ошаева, в старовайнахском языке *туш* означало «усадьба», «двор», «владение». У бацбийцев туш — это три железные палки над костромочагом, на которые подвешивался на цепи котел. Термином туш у тех же бацбийцев иногда назывался и очаг. В современном чеченском языке слово туш, видимо, сохранилось в детской игре *туьшах ловзар*, т. е. игра в «туш».

[5] См. стр. 112—116 данной работы.

ховьев Терека, на территории около 945 *кв. км*[6]. По сведениям того же источника, аланы называли цанаров *целкан*. Это же имя известно в грузинской хронике «Обращение Грузии (в христианство)», которая называет целканцев наряду с пховельцами, мтиульцами, тчарталийцами (жившими по р. Чарталис-хеви, притоку Арагви) [210, 23].

В. Ф. Минорский переводит отрывок о санарах из сочинения Мас'уди следующим образом: «Между пограничной крепостью Тифлис и уже упомянутой крепостью Аланские ворота,— пишет арабский автор X в.,— лежит царство Санаров (ц'анар), царь которого называется корискус... Они христиане, но претендуют на происхождение от арабов... В этой стране они господствуют над многими местными народами. За царством Санар идет Шекки» [164, 210]. Комментируя этот текст, В. Ф. Минорский отмечает, что по-грузински слово цанар означает «мужественные горцы», жители Кавказского хребта и что цанары, вероятно, чеченского происхождения. Таким образом, в сочинении Мас'уди в сравнении с античными авторами приведены некоторые новые сведения, в основном касающиеся локализации санаров. Однако арабский географ, как и Птолемей, не приводит никаких данных о языковой принадлежности санаров. Имя санар (صنار) встречается также в источнике X в.,— анонимной персидской рукописи «Худуд ал-алам», автор которой называет санаров язычниками и помещает их, основываясь, видимо, на данных Мас'уди, между Тифлисом и Шекки [261, 33а]. По его сведениям, страна этого народа простиралась на 20 фарсахов[7] в длину. В. В. Бартольд в комментариях к этой рукописи высказал предположение о генетической связи санаров с народами Северного Дагестана [261].

Этноним санар известен в этнонимии и топонимии Центрального Кавказа. Осетины, по сообщению Клапрота, называли мохевцев *цона,* а весь район от Дарьяла до Коби Сона — Сена [244, 676]. В 1970 г. в осетинском селении Коби удалось записать древнее название горы

---

[6] Так как в основе «Армянской географии» лежит список народов Птолемея, некоторые этнонимы могли быть заимствованы автором «Географии» из античной историографии.

[7] Фарсах — мера длины, колеблющаяся в зависимости от местности от 6 до 8 *км*.

Казбег Сœна. Осетинам других районов Северной Осетии имя Сœна неизвестно. С этим именем, видимо, связано кабардинское *сонэ* — этническое название сванов, а иногда и всего населения южнее Крестового перевала. Вполне возможно, что сохранившиеся в настоящее время в осетинском и кабардинском языках названия сœна, сонэ сопоставимы с античным и раннесредневековым сан(ар) — цан(ар).

Однако если названия сœна и сонэ в XIX в. и в настоящее время соотносятся со сванами, осетинами и мохевцами, то древние санары могли и не обозначать эти народы, так как этническая сущность их в течение почти двух тысяч лет, естественно, могла измениться. Отсутствие прямых свидетельств о языковой принадлежности санаров не дает возможности связывать этот народ с предками вайнахов, дагестанцев или грузин. Исходя из этнической ситуации этой части Кавказа в античный и раннесредневековый периоды, можно лишь предположить, что санары говорили на одном из языков иберо-кавказской группы.

Помимо приведенных материалов в кавказоведческой литературе известно еще несколько примеров связи древних этнонимов с вайнахскими народами. Так, не лишено интереса сопоставление народа žiltij, по преданиям жившего в Мецхальском и Джерахском обществах, с *гелами* Страбона, который помещал их на Северном Кавказе рядом с *легами* [62, 707]. А. Н. Генко в статье «Из культурного прошлого ингушей» приводит ингушское предание о том, что Хамхинское общество в далеком прошлом населяли *дэвы* [62, 706]. Народ под этим именем известен также среди соседних *хевсур* и *пшавов*, исторические предания которых рассказывают о постепенном вытеснении ими дэвов с прежних мест обитания [177, 24—27][8]. То, что имя дэвы обозначало реальный народ, видимо, подтверждается следующим моментом. Горные ингуши именем дэва (мн. ч.— двий) называют двалов. Среди малхистинцев, жителей общества, соседнего шатильским хевсурам, те же двалы бы-

[8] Видимо, в этих преданиях отразились, в частности, факты миграции вайнахского населения из Архотского и Шатиль-Мигмахевского ущелий или ассимиляции его хевсурами. В пользу этого предположения свидетельствуют не только предания, но также и архитектурные памятники, характерные для ингушского строительного искусства, известные в северной Хевсуретии.

ли известны под именем дува. Заслуживает внимания точка зрения Н. С. Трубецкого, считающего античных легов (λεγοι) не только предками лакцев, но и чеченцев. Постоянные инфильтрации аваро-андийской и самурской групп дагестанских народов, потомков древних албанцев, на территорию легов постепенно разрушили этническое единство последних [256, 111].

Еще два термина можно предположительно связать с предками вайнахов. «Хона (Chona),— пишет Клапрот,— тушины называют Большой Аргун» [243, 72]. Судя по карте, помещенной в первом томе «Путешествий», Клапрот имеет в виду самые верховья р. Чанты-Аргуна, названные им на карте Хона. Такой же топоним встречается и на территории Хевсуретии, где известна гора Хони.

Термин *хон* как имя народа встречается в трудах раннесредневековых армянских авторов. Впервые хоны упоминаются Егишэ и Фавстосом Бузандом (V в.). Егишэ, называющий страну хонов и ворота хонов, показывает тесные связи правителей страны хонов с Арменией, отдельные моменты совместной борьбы с персами и т. п. [76, 52, 53, 116, 117, 127, 170]. Судя по тексту, Егишэ располагал страну хонов севернее Дербента, называемого им Чора, или ворота хонов, западный предел этой страны составляли Аланские ворота. Таким образом, страна хонов, исходя из современных представлений, видимо, включала часть Дагестана, горные территории Тушетии, Хевсуретии, Чечни и Ингушетии. В этническом отношении хоны не были едины. По свидетельству того же Егишэ, часть хонов была известна под именем *хайландуров* [76, 127, 170]. О том, что хоны раннесредневековых армянских источников это не гунны, а народ или народы кавказского происхождения, свидетельствует местоположение хонов и включение последних в круг кавказских народов [9].

Хонов упоминает также «Армянская география VII в.». К. Патканов помещает их в Азиатской Сарматии севернее Дербентской стены и переводит это название как гунны. Рядом с хонами (по Патканову — гун-

[9] «Армянские историки,— пишет К. В. Тревер,— начиная с Фавстоса Бузанда, говоря о хонах, никак не выделяют их, а называют в одной связи и наравне с племенами несомненно кавказского происхождения» [213, 192].

нами) «Армянская география» называет двалов и цанаров, т. е. племена, локализуемые в центральной части Кавказского хребта [181, 28]. С. Т. Еремян пишет, что область хонов (Հոնք), как и двалов, рачанов и цанаров, была населена горцами и каждая из этих областей была дверью в Аланию [229, 102]. Комментируя этот текст, тот же исследователь подчеркивает, что хоны представляли собой крупный племенной союз, иначе называвшийся савирами и подчинявшийся хазарам [229, 102]. В другой части своих комментариев С. Т. Еремян значительно расширяет понятие термина хон, указывая, что последний обозначал *народы Центральной части Кавказского хребта,* спускавшиеся в Армению[10] через Дербентский проход [229, 111]. Таким образом, по сведениям «Армянской географии», хоны занимали области к северу от Дербента, а на западе их соседями были рачаны, двалы и цанары. Однако на карте, составленной С. Т. Еремяном по данным того же источника, хоны локализуются им лишь в пределах Дагестана, в районе реки Аварское Койсу, сопоставляемой тем же автором с р. Сондас «Армянской географии».

Упомянуты хоны и в некоторых грузинских раннесредневековых источниках. Наиболее ранние сведения о них содержит хроника «Обращение Грузии (в христианство)», известная мне в переводе Е. С. Такайшвили. Самый древний список этой хроники, по мнению Г. А. Меликишвили, датируется IX в. [157, 25]. В хронике, описывающей события IV в. н. э., появление воинственных племен хонов связывается с изгнанием их халдейцами (т. е. урартийцами) — фактом, имевшим место, видимо, не в IV в., а значительно ранее,— и последующим поселением хонов где-то в верхнем течении Арагви [210, 5]. Локализация хонов в этих местах не противоречит представлениям о местоположении страны хонов в армянских средневековых хрониках, включавших в нее не только часть Дагестана, но и более западные горные районы, в том числе, видимо, и верховья Арагви. Упоминаемые тем же источником и другие народы:

[10] По замечанию С. Т. Еремяна, автор «Географии» не разделяет в своем сочинении территории армян, грузин и агванцев (т. е. албанцев) [229, 19]. Однако указание источника на то, что хоны спускались через Дербент в Армению, свидетельствует о том, что подразумевается прежде всего не собственно Армения, а Албания, в состав которой входила часть Дагестана.

пховцы, мтиулы, целканцы, тчарталийцы — составляли население Арагвского ущелья и притоков этой реки.

Этническая принадлежность хонов в современной кавказоведческой литературе определяется различно. Л. М. Меликсет-Бек и М. И. Артамонов считают их гуннами [158, 712; 26, 52]. К. В. Тревер, локализуя царство хонов между реками Самуром и Сулаком и севернее последнего, считает хонов кавказским народом и связывает их преимущественно с предками дагестанцев [213, 192]. Локализация хонов, занимавших горные территории и западнее Дагестана, по-видимому, дает возможность этнически связывать этот народ не только с предками дагестанцев, но и предками вайнахов, область расселения которых в далеком прошлом, возможно, входила в царство хонов. Имя этого народа до наших дней сохранилось в названиях верхнего течения Аргуна (Хона) и селений Шатильского общества Хевсуретии — Хонис-чала и Хоне [96, 66], т. е. области, в прошлом также населенной вайнахами.

Разумеется, нельзя устанавливать прямую преемственность древних хонов и современных вайнахов и дагестанцев, поскольку за прошедшие почти два тысячелетия на этой территории могли произойти коренные этнолингвистические изменения, как это нередко имело место в древности (например, процессы иранизации, тюркизации отдельных групп населения Кавказа и т. п.) и многочисленные примеры которых мы имеем в недавнее и настоящее время. Однако и предположение о каком-либо этническом родстве или связи хонов с широким кругом горных племен к востоку от Дарьяла заслуживает внимания. Ведь древние источники почти не дают нам прямых указаний об этнической принадлежности народов, населявших Северный Кавказ, особенно его горные территории, в далеком прошлом. Уже отмечено, что для этого времени не имеется прямых свидетельств о вайнахоязычной принадлежности дзурдзуков, которых, однако, в исторической литературе принято связывать с вайнахской этнической общностью. Кстати, хоны армянских источников занимали территории, где, по сведениям грузинских источников, жили пховцы, туши, дзурдзуки и дидуры.

Остановимся еще на одном древнем географическом названии, также локализуемом в пределах современной Чечено-Ингушетии. «А Тушетия...— пишет Вахушти Ба-

гратиони,— состоит из двух ущелий... и по ней течет ее же река и соединяется с рекою Сона, которая проходит по Чачану (Чечне.—*Н. В.*) и в Борагане впадает в Терек» [45, 132]. Приведенный текст содержит три географических названия: Терек, Бораган и Сона. Первое название не вызывает сомнений; второе, т. е. Бораган, в современной кавказоведческой литературе принято связывать с Сунжей. Однако текст «Географии» Вахушти предполагает и другое решение. Бораганом грузинский географ мог назвать часть Терека примерно от выхода последнего на равнину (до этого места Терек в грузинских источниках известен под именем Ломеки) и до впадения Сунжи в Терек, где находилось селение Брагуны. Представление о части Терека как о Брагунской реке дает также одна из западноевропейских карт середины XVII в., где Терек примерно в обрисованных границах назван Барагун (Baragun), а от устья р. Сунжи — Терка (Terca) [109, вып. I, карта XXIX].

О р. Сона Вахушти пишет, что она течет через Чечню и впадает в Бораган. Представление грузинского географа о том, что тушинская река (видимо, Пирикитская Алазань) соединяется с Соной, говорит о том, что истоки Соны наиболее близко подходят к истокам Пирикитской Алазани. Это позволяет связывать Сону с Аргуном. Неточность географических сведений начала XVIII столетия могла привести к тому, что Аргун (Сона) обозначен в «Географии» Вахушти как приток Терека. И очертания Соны, изображенной Вахушти на карте Кавказа, сближаются с Аргуном, а не соответствуют р. Сунже [173, карта], хотя название последней в вайнахских языках (Солжъ) близко к имени Сона. Река Сона изображена также на одной из карт XVIII столетия как приток Терека, причем очертания ее также похожи на очертания Аргуна [5, ф. 792, № 31].

Название Сона, возможно, также сопоставимо с р. Соаной, упоминаемой на Северном Кавказе Птолемеем (II в. н. э.) [137, т. I, 238]. Севернее устья р. Соаны находились устья рек Ра, Удона и Алонты, т. е. Волги, Кумы и, видимо, Терека. В современной кавказоведческой литературе известны попытки сопоставления Соаны Птолемея с р. Сулак [213, 38]. Однако если предположить, что Соана это Сона Вахушти, то сведения последнего о течении Соны через Чечню, естественно, не дают права сопоставлять Соану с Сулаком. То, что Соа-

на Птолемея впадает в Каспийское море, вполне объяснимо неточностью географических знаний античной эпохи. Кстати, тот же Птолемей помещает дидуров и тусков, которых принято связывать с тушинами и дидойцами, на северных отрогах Кавказских гор. В пользу сопоставления Аргуна с Соной-Соаной, видимо, говорит также еще один факт. Вверх по Шаро-Аргуну, называемому тушинами Шари-Арагвис, у самого перевала в Тушетию, находилось чеченское селение Соана-дукъой, т. е. хребет, или перевал, Соана. Касаясь племен, населяющих западное побережье Каспийского моря, Птолемей называет *удов* (от Удона), *олондов* (от Алонта), *исондов* (видимо, от Соаны) и *герров* [137, т. I, 239]. В последнем издании «Географии» названа р. Сондас (Тсондас), которую, как уже отмечалось, С. Т. Еремян связывает с Аварским Койсу [229, 102].

Определить этническую принадлежность племен, живших по Соане,— исондов — невозможно. Однако эти сведения, как и приведенные выше известия о хонах, дают возможность предполагать, что население по Аргуну было известно еще в античное и раннесредневековое время. Следует отметить, что существование двух названий Аргуна — Сона и Хона — вполне возможно. «Мы привыкли рассматривать название реки,— пишет В. П. Петров,— как единственное название реки от ее истоков до устья. Сообщения древних авторов показали, что первоначально в перспективе веков это было вовсе не так. Отдельные части рек носили свое собственное название. Обычно это явление в гидронимике объясняют гидрографическими условиями реки, изменениями в ее течении, слиянием с крупным притоком и т. п. Античные источники позволили внести известные уточнения. Согласно сообщениям древних авторов, название реки изменяется в зависимости от племенной территории, в границах которой она протекает» [183, 23].

Все приведенные предположения о связи некоторых древних этнонимов с вайнахской этнической общностью уводят в область древнейшего периода этногенеза кавказских народов, что представляет самостоятельную исследовательскую задачу. Более доступные, по данным письменных источников, вайнахские этнонимы, согласующиеся с литературными данными первой половины XIX в., связываются с чеченцами, ингушами, включая

бацбийцев, карабулаками и аккинцами. Рассмотрение этих этнонимов составит содержание дальнейших разделов этой главы.

Чеченские этнонимы

По данным источников первой половины прошлого столетия, в эту группу входили следующие этнические названия: самоназвание *нохчо (нохчи)*, собирательное имя *чеченцы, мичиковцы, кистины, качкалыковцы, ичкеринцы, чеберлоевцы (чарбилоевцы), шатоевцы, шароевцы, шубуты (шубузы), пешхойцы* и др.

Самоназвание перечисленных групп народа нохчо в источниках упоминается крайне редко. До XVIII в. имеется всего лишь два известия: в грузинском источнике XIV столетия и в «Армянской географии VII в.». Этническая номенклатура, сообщаемая грузинским источником, политическая ситуация, в которой упомянуто имя народа нохчо, убеждают в принадлежности его к вайнахам. Текст грузинского источника в виде приписки в Евангелии был опубликован М. Г. Джанашвили. «Когда блаженный патриарх наш Ефимий, обозревая свою паству, видел храмы в Антцухе, Цахуре, церковь народа Хундзи, народа нохче, Тушетии... то этот блаженный Ефимий приказал мне, архиепископу Курмуха[11] и пастырю всех горных земель, Кириллу Донаури распорядиться перепиской евангелий и разослать для каждой церкви... В кроникон 530-й, месяца мая 14 числа в год от сотворения мира 6914-й» [72, 50][12]. Таким образом, в самом тексте документа сообщается время описываемых событий, происходивших в начале XIV в. Цитируемый источник — первое убедительное и точно датируемое упоминание общечеченского самоназвания, возникновение которого следует отнести, естественно, к более раннему, чем начало XIV в., периоду.

Еще более ранним упоминанием этнонима нохчо

[11] Недалеко от Каха в XIX в. сохранилась старинная Курмухская церковь, рядом с которой, по преданиям, находился Курмухский монастырь. Отсюда до XVII столетия (период возникновения Елисуйского султаната) вьючные тропы связывали Грузию с Дагестаном и Северным Кавказом [59, 60, 61].

[12] Несколько отличающийся в деталях перевод этого документа приводится в статье А. Н. Генко [62, 728, 729].

принято считать свидетельство «Армянской географии», текст которой содержит имя *нахчаматьян(к)*. По мнению исследователей, это имя составилось из *нохчо* (самоназвание чеченцев), *мат (мотт)*, что означает по-вайнахски «язык», и суффикса армянского языка *-ян* [51, 71—73; 70, 25, 26; 176, 31; 180, 38][13]. Подобное объяснение начиная с К. Патканова получило в исторической литературе весьма широкое признание. Не изменилась эта точка зрения и в последнем издании «Армянской географии», осуществленном С. Т. Еремяном [229, 72].

Как уже отмечалось, в основе «Армянской географии» лежит труд Птолемея, дополненный армянским анонимным автором в части, касающейся Кавказа. Нахчаматьяны в тексте «Географии» названы вместо яксаматов Птолемея [137, т. I, 239] и локализованы в тех же местах, т. е. в устье Дона [180, 38]. Авторы «Очерков истории Чечено-Ингушской АССР» объясняют трансформацию яксаматов Птолемея в нахчаматьянов следующим образом: «По-видимому, локализация нахчаматьянов у устья Дона есть результат вольного использования сведений греческого географа II века новой эры Птолемея... Птолемей знал близ устья Танаиса сарматский народ яксаматов, греческое написание имени которого напомнило армянскому автору название *хорошо известного ему горского народа нахчаматьянов* (курсив мой.— *Н. В.*)» [176, 31]. Именно с последним утверждением трудно согласиться. Вряд ли армянам, историческое развитие которых было тесно связано с южнокавказским и переднеазиатским этническим миром, был столь хорошо знаком народ, живший в горах Северного Кавказа. Источники каждой эпохи отражают реальные исторические связи. Так и армянские раннесредневековые источники дают неоценимый материал по соседним с Арменией территориям: Грузии, Албании, некоторым областям Малой Азии. Армянским средневековым историкам известны аланы (в связи с походами последних в Закавказье), ряд горных племен Албании, но Северный Кавказ для них оставался terra incognita.

Стоит ознакомиться с сочинениями Егишэ (V в.), Фавстоса Бузанда (V в.), Мовсеса Хоренаци (V в.), Ма-

[13] В связи с этим напомню, что элемент *мат* как составная часть известен во многих древних этнонимах: сармат, савромат, яксамат, язамат, которые, однако, не считаются чеченскими.

теоса Урхаеци (XI в.) и др., чтобы убедиться в этом[14]. «Армянская география» занимает особое положение, поскольку ее текст содержит названия кавказских народов, не упоминаемых ни одним армянским автором, а также отсутствующих в «Географии» Птолемея. Многие из этих этнических имен приведены в грузинской форме (марголы, туши, дуал, леки, дидойцы, гудамакары, цхаваты). В тексте «Географии» содержится, как уже было отмечено, осетинское слово *ардуз (ærдуз)*, что означает «лесная поляна». Не исключено, что создатель «Армянской географии VII в.», знакомый с грузинскими источниками, заимствовал оттуда ряд этнических названий, в том числе и имя неизвестного ему народа нохчо. Однако это имя появилось в грузинских источниках не ранее начала XIV в. Тем самым не исключена возможность более поздних, чем VII в., отдельных вставок в текст «Географии», и прежде всего этнонимов.

Я. А. Манандян, исследовавший вопросы авторства «Армянской географии», отмечает: «„Армянская география", пользовавшаяся в Армении широкой популярностью, сохранилась в многочисленных рукописях и печаталась многократно начиная с XVII в. Древнейшая рукопись не восходит, однако, далее XIII в.» [146, 127]. Не представляя себе четко местоположение народа нохчо, автор «Армянской географии», основываясь на некотором звуковом совпадении терминов яксамат и нахчамат, расположил народ под этим именем в местах, где Птолемей помещал яксаматов.

Кроме названных источников крайне редкие упоминания самоназвания чеченцев (нохчо) встречаются лишь в кавказоведческой литературе XIX в.

Значительно чаще, чем самоназвание чеченцев, в письменных источниках прошлого известны различные этнонимы собирательного характера, иногда обозначавшие в целом чеченцев и ингушей. Таковы дурзуки (дурдзуки) грузинских летописей — термин, хронологически предшествующий этнониму *кисти (кистины)*. Самое раннее упоминание имени дурдзуки относится к первой половине IX в.: оно содержится в сочинении арабского

[14] Кроме алан, албанцев, иберов в армянских раннесредневековых источниках известны имена следующих народов: чихбы, каспы, хоны, лпники, мазкуты, тавматаки, гудары, куаны, махазчаны, этнический характер которых свидетельствует в основном об их закавказско-дагестанской локализации.

писателя Ибн ал-Факиха, который сообщает о строительстве Хосровом Ануширваном (VI в.) в Дурзукие (درذوكيه) 12 ворот и каменных укреплений [99, т. XXIX, 156, 288]. К XI в. относится упоминание дурзуков (درذوكيه) другим арабским автором — Баладзори [264, 288]. Якут, закончивший свой «Географический словарь» в 1227 г., в котором им были использованы сведения из более ранних трудов (например, IX в.), в рассказе об Ануширване повторяет эти же сведения: «Он (Ануширван.— *Н. В.*) построил также Дурзукию с 12 воротами и на каждом из них каменный замок» [266, 221]. В XI в. народ дурдзук впервые фиксируется в трудах грузинских историков Леонтия Мровели и Джуаншера [72, 11], а позднее — в хронике начала XIII в. [89, 88].

Ниже приводятся факты, с которыми в грузинских летописях связывается появление имени дурдзук. Леонтий Мровели приводит описание совместного похода дурдзуков и дидойцев, возглавляемого «лезгинским царем». Джуаншер сообщает о постройке персами в кавказских горных проходах оборонительных сооружений: одного — в Осетии, двух — в Двалетии и одного — в Парчуане Дордзокетском [72, 12], помещаемом А. Н. Генко в Ассинском ущелье [62, 712]. Сведения Джуаншера в основном совпадают с данными арабских географов IX—XI вв. Хроника 1204 г. в рассказе об отправлении царицей Тамарой войск против восставших горцев перечисляет области Дидоети, Пхоети, т. е. Пшав-Хевсурети, и Дурдзукети [89, 88]. Последняя область включала, видимо, территории, соседние районам расселения хевсур и дидойцев. Поскольку не подлежит сомнению, что в XIII в. эта часть Кавказских гор была заселена вайнахами, то, следовательно, термин дурдзук грузинских источников этого времени обозначал именно чечено-ингушские племена. Очевидно, это можно отнести и к IX—XI вв.— времени, когда впервые имя дурдзуки появляется в письменных источниках.

Этот термин не исчезает в грузинской историографии XVIII столетия, хотя неизвестен по доступным мне материалам в источниках XV—XVII вв. Вахушти называет Дурдзукети в числе других областей, связываемых им с территорией современной Ингушетии (Кистети, Джариехи, Глигвети). «Выше Кистети,— пишет он,—

находится Дзурзукия с постройками, селениями и башнями» [45, 151]. Если Кистетия помещалась им в среднем течении р. Армхи, то Дзурзукия, находившаяся, по сведениям того же автора, выше (т. е. южнее Кистетии), могла занимать верховья той же Армхи, а также ущелье Охкарохи, правого притока Терека, находящегося еще южнее Армхи. Таким образом, в грузинской литературе XVIII в. этническое содержание имени *дурзуки (дзурзуки)* по сравнению с источниками XI в. несколько изменилось: если в XI в. дурзуками именовали вайнахов в целом, то в XVIII столетии этим именем называли лишь часть народа, а именно его западные группы.

Имя дурзук встречается в официальных документах первой половины XVIII в. Среди них несколько документов, связанных с деятельностью в России грузинского царя Вахтанга VI, в которых народ *зурзуки* назван в списке кавказских народов наряду с *глигви, кисти, дидо, хевсурами* и др. [57, 105], т. е. народами, реально существовавшими в ту эпоху. Более интересным представляется употребление имени дурдзук (дзурдзук) в официальном документе 1807 г., текст которого опубликован С. С. Какабадзе. Характер документа — купчая грамота, заключенная в сел. Меджврисхеви неким Датуа Микеладзе, его сыном Иасе, братом Глаха и сыном брата Нинией 28 июля в кроникон 495 (1807 г.) с Китеса Бегиашвили, его сыном Григолом, Нинией и Беруа на продажу им своего владения [93, 285]. В числе шести свидетелей при совершении купчей названы меджврисхевский мамасахлис Гиви Умекашвили и дзурдзук Ниниа [93, 286]. Употребление для обозначения национальности последнего имени дзурдзук, неизвестного, судя по источникам, в этнографической действительности того времени, представляется непонятным.

В русских источниках этноним дурдзук не встречается. По мнению некоторых исследователей, этот же термин имеет в виду анонимный автор «Армянской географии», называя народ *дурц(к)* между гудамакарами и дидойцами. И в издании С. Т. Еремяна дурц(к), которых исследователь связывает с дурдзуками грузинских хроник, названы перед дидойцами. По мнению С. Т. Еремяна, «дурцк— народ, область дурдз(у)кк, по-грузински дурдзукни, а страна Дурдзукети. Предки ингушей, живших в верховье р. Ассы» [78, 49]. Таким образом, автор связывает дурдзуков лишь с частью вайнахского этноса, а

именно с ингушами, что кажется менее вероятным, поскольку для обозначения ингушей в средневековых грузинских источниках известны этнонимы кисти и глигви. Взгляд на дурц(к) «Армянской географии» как дурдзуков грузинских хроник — вайнахов по национальности — отражен также в книге Ю. С. Гаглойти [55, 164].

Судя по локализации народа дурц, названного рядом с дидойцами, можно предполагать, что автор «Географии» обозначил именем дурц вайнахов-дурдзуков. Однако Р. Л. Харадзе и А. И. Робакидзе справедливо отрицают возможность связи термина дурц(к) с дурдзук и считают, что в тексте «Армянской географии» вслед за гудамакарами названы *дуичики,* которых, по мнению авторов, нет никаких оснований сопоставлять с дурдзуками грузинских хроник [218, 24]. При анализе этой части «Географии» следует учитывать многочисленные расхождения в переводе текста. К. Патканов в переводе старого списка «Географии» называет дуичиков, за которыми названы дидойцы. В новом списке того же переводчика вместо дуичиков обозначены *дуци.* Решающее слово в вопросе определения генетической связи названных терминов остается за лингвистами.

Этимология слова дурдзуки (дурзуки) имеет несколько толкований. А. Н. Генко объясняет его из осетинского языка — «каменная яма» [62, 705]. Последнее вероятно, если учесть древние связи Грузии и Осетии и возможность появления отдельных осетинских терминов в грузинских источниках. Как уже отмечалось, название Дурзукие впервые появляется в сочинении арабского автора IX в. Ибн ал-Факиха. Первый компонент этого слова *дар* (در) по-персидски означает «дверь», «ворота», «горный проход»; второй компонент *зок, зук* (زوک) не расшифровывается; окончание *ийе* (یه) характерно для средневековых персидских источников при оформлении названия стран. Персидский характер термина наводит на мысль, что он, возможно, был заимствован арабскими авторами из более ранних персидских источников. Известно, что арабская средневековая литература широко использовала труды персидских авторов сасанидской эпохи [143, 8].

В современной кавказоведческой литературе известны еще попытки объяснения термина дурдзук. А. И. Шавхелишвили связывает этот этноним с названием речки

Дурджи — левого притока р. Тушинская Алазань [222, 10]. Данное предположение основывается лишь на некотором созвучии терминов. По сообщению Х. Д. Ошаева, в 15 *км* от Итум-кале археологом М. Х. Ошаевым были зафиксированы два топонима, которые, по его мнению, можно сопоставить с древними дурдзуками, — название горы Дордзия-корт и сел. Дорзихой. Видимо, с этим топонимом связано название древних жителей этих мест *дардыхой*, зафиксированное Н. С. Иваненковым в начале XX в. в Итум-кале [82, 9]. Наличие подобных топонимов, естественно, позволяет высказать предположение о существовании в древности среди вайнахов и соседних им народов этнонимов, производных от этих географических названий. Однако при этом не исключаются и случайные звуковые совпадения.

Для нас прежде всего важна этническая принадлежность дурдзуков. Г. А. Меликишвили считает, что последние, как и двалы, говорили на языках бацбийско-кистинской группы. «Несомненно,— пишет он,— древнегрузинская традиция горные районы Восточной Грузии (южные отроги центральной части Большого Кавказского хребта) считает частично населенными племенами, родственными „кавкасианам" (т. е. племенам бацбийско-кистинской и дагестанской групп, жившим в основном на северных склонах хребта)» [157, 294]. Клапрот помещает Дзурдзукию в верховьях р. Макалдон, т. е. Армхи, начинавшейся на границе Пшавии и Хевсуретии. Ниже Дзурдзукии (грузинское Джурджукети, по Клапроту) находилась собственно Кистети [244, II, 351]. Судя по значению первой части термина дурдзуки — *дар*, т. е. «горный проход», им называли горные местности Северного Кавказа. В грузинских источниках это географическое название могло восприниматься как имя народа, населявшего эти территории [15].

В письменных источниках XVII—XVIII вв., преимущественно в грузинских документах, известен другой общий для вайнахов термин — *кисти*. Последний, однако, употреблялся и в узкоэтническом смысле, обозначая лишь часть ингушей (жителей ущелья по рекам Кистинке и Армхи) или группу чеченцев, обитавших в верховьях р. Чанты-Аргуна. По сведениям Н. Я. Марра, ки-

[15] Ср. лепнийцы армянских раннесредневековых источников (греч. «гора»), кабардинское *къущхэ* — «осетины» и т. п.

сти (на кахском говоре *кити*) — грузинский термин, употреблявшийся для обозначения всех вайнахов [148, 33]. Л. Р. Харадзе и А. И. Робакидзе пишут, что грузины-горцы, в частности мохевцы, именем кисти называли всех нахов [48, 16]. То же отмечается для тушин и хевсур, среди которых чеченцы и ингуши известны под именем кисти [1, д. 31, л. 82, 85, 88].

В современном кавказоведении широкое распространение получило представление, что примером наиболее раннего упоминания этнонима кисти является текст «Армянской географии», в которой известен народ *кусты, кистк* [180, 28, 30; 229, 102][16]. Действительно, звуковая близость этого имени с грузинским кисти, а также локализация кустов перед цхаватами и гудамакарами делают вероятной возможность подобных сопоставлений. Если признать правомерность такого сопоставления, то время возникновения термина кисти отодвигается к периоду не позднее, а возможно, ранее VII в. Но при этом следует обратить внимание на следующее. Во-первых, на отсутствие во всех раннесредневековых армянских источниках этнического имени кустк (кистк), которое могло бы связываться с Северным Кавказом. Зато те же источники полны упоминаний древней области Кусти, локализуемой в Закавказье[17]. Во-вторых, на отсутствие в грузинских источниках этнонима кисти вплоть до XIII в., когда он достоверно сопоставляется с вайнахами[18]. Возможно, это говорит о более позднем, т. е. не ранее XIII—XIV вв., включении в текст «Географии» термина кисти, как и некоторых других этнических названий.

За исключением грузинской хроники XIII в., имя кисти становится известным лишь в источниках XVII столетия, когда им обозначались три группы вайнахов: ин-

---

[16] По мнению С. Т. Еремяна, упоминаемый в «Армянской географии VII в.» «народ кусак (кистк) означает вайнахское население верховьев Аргуна» [см. 229, 90]. Кустов «Армянской географии» с поздними кистинами сопоставляют также Ю. С. Гаглойти [55, 164, 165], авторы «Очерков истории Чечено-Ингушской АССР» [176, 30], Р. Л. Харадзе и А. И. Робакидзе [218, 19] и другие исследователи.

[17] Так, по сведениям Моисея Каганкатваци, в Арцахе находилась местность Кусти-Парн [85, 362]. Один из округов Албании под именем Арцах-Кусти обозначен на дорожной карте IV в. н. э. [78, 88].

[18] Имеется в виду грузинская хроника XIII в., содержащая список имен 77 народов, в том числе кистин (кишты) [222, 39].

гуши, жившие в ущелье р. Кистинки (Охкарохи), жители верхней части Джерахского ущелья и чеченцы, населявшие верховья р. Чанты-Аргуна (общества Майсты и Малхисты) [19]. Жители этих пограничных с Грузией областей были хорошо известны как грузинам, так и русским, поскольку здесь в XVI—XVII вв. проходили некоторые из посольских путей из района Терека в Грузию. Между населением верховьев Аргуна и жителями Терского города, судя по источникам того времени, существовали экономические контакты. В этом плане интересен русский документ 1603 г., рассказывающий, что из сел. Того крестьянин Хармурза Абдалин приезжал по торговым делам на Терек с грузинским посольством царя Александра [33, 309]. Сел. Того (Туго) в первой половине XIX в. входило в общество Майсты, жители которого в литературе того времени назывались кистинами.

Из доступных в настоящее время грузинских источников XVII в. наиболее раннее упоминание имени кисти встречается в грамоте 1635 г. грузинского царя Теймураза, отправленной с первым грузинским посольством митрополита Никифора царю Михаилу Романову. «А здесь близ каракалканов (верховья Черной Арагвы.— *Н. В.*),— сообщается в документе,— и меж черкасских мурз пребывают народы кисти и оси и иные многие народы» [187, 113]. Ответное посольство в Грузию в 1637 г. в связи с прекращением политических отношений между Теймуразом и арагвским эристави было вынуждено изменить путь следования и вместо более известной дороги по Дарьяльскому ущелью на Сонскую землю свернуть от Мундаровых кабаков, находившихся в самом начале Дарьяльского ущелья, в одно из правых боковых ущелий Терека. Вероятнее всего, это было ущелье по р. Армхи. Дальше путь посольства проходил через Тушинские горы в Кахетию [187, 234, 248, 253]. Тот же статейный список сообщает о встрече послов царем Теймуразом «в Кистех», т. е. в области, населенной кистинами, локализация которой, однако, неясна [34, 485].

Имя кистины встречается в XVII столетии лишь в

---

[19] По мнению А. Н. Генко, язык майстинцев и малхистинцев во второй половине XIX в. обнаруживал больше ингушских, нежели чеченских, черт [см. 62, 683]. Естественно, что данная характеристика еще более верна в отношении XVI—XVII вв.

грузинских документах, в том числе в грамотах царя Теймураза, написанных по-гречески (Κηςτηδης) [187, 118; 120, 67]. Русские документы того же времени (например, статейный список посольства Волконского и Хватова 1637 г.) не называют кистин. Однако описание пути посольства 1637 г. по ущелью «через кабаки горских владельцев» содержит некоторые этнографические детали, подтверждающие, что его путь проходил именно через ингушские селения. «А те кабаки,— сообщается в статейном списке,— стоят по обе стороны того ручья. Дворы у них в горах каменные. А ходят мужики по-черкасски, а жонки носят на головах что роги вверх в пол-аршина» [187, 251]. Как известно, женский головной убор (курхарс), подобный описанному, фиксируется в Ингушетии, по археологическим материалам, вплоть до XIX в. [204, 49].

Источники XVIII в. называют кистинами также жителей верховьев Армхи. Так, Вахушти Багратиони располагает страну Кистети выше Джариехи (Джерахское ущелье) на той же реке, т. е. на Армхи [45, 78]. Имя кистин нередко встречается в официальных грузинских документах XVIII в. Например, источник, относящийся к 1754 г., рассказывает о нападении отрядов дагестанских феодалов на Картли и Кахети, что потребовало от грузинских царей Теймураза и Ираклия не только мобилизации всех военных сил Грузии, но и обращения за поддержкой к северокавказским горцам. Прибывшие от них войска включали отряды черкесов, джихов, кишитов и других горцев [212, 152]. Название кисти известно также в грузинских жалованных грамотах. Такова жалованная грамота 1786 г., выданная царем Ираклием II на имя кистина Бальдука Чичисшвили за его заслуги перед грузинским царским домом [20]. Другая жалованная грамота, датируемая двумя годами позднее, выдана Ираклием II представителям той же фамилии — Шолугу и Алхазу Чичисшвили, называемым в этом документе глигвинцами [212, 153]. Таким образом, в приведенных грамотах термины кисти и глигви употребляются как си-

[20] Текст грамоты гласит: «Мы, царь Всея Грузии Ираклий второй, определили в жалованье кистинцу Чичисшвили Бальдуку парчу на семь марчилей в год (1 марчиль составляет 60 коп. серебром.— *Н. В.*). И ты должен стараться на нашей верности и службе» [212, 152].

понимы для обозначения ингушей — жителей ущелья Кистинки[21], Армхи, а возможно, и верховьев р. Ассы.

Термин кистины в русских источниках XVIII—XIX вв заимствован из грузинской историографии. В литературе XIX в. кистинами именовали жителей обществ Майсты и Малхисты, находившихся в верховьях р. Чанты-Аргуна, а также ингушей, живших в ущелье р. Армхи [198, 53, 54; 67, 21; 46, 81]. Западноевропейские авторы XVIII столетия кистинами называют преимущественно ингушей [240, 149; 251, 375; 62, 28]. У Гюльденштедта понятие области Кистиния несколько шире. В ее состав им включались Вапи, т. е. часть Джерахского ущелья, Ангушт в Тарской долине, Галгай и территория карабулаков [240, 477].

В современной вайнахской этнонимии термин кисти не существует, но некоторым чеченцам, по их словам, этот термин известен от грузин как общее название вайнахов. Отдельные находки, сделанные в последние годы М. Х. Ошаевым в области чеченской топонимии, показывают, что слово кисти в прошлом, возможно, было известно и чеченцам. В частности, этот термин является частью составного топонима — названия склона горы Кисти-Басо в Харачоевском ущелье [218, 16]. Небезынтересна также попытка А. И. Шавхелишвили связать термин кисти с названием чеченского селения Кий, за которым в горах расположена Малхиста — чеченское общество, соседнее хевсурам. «Хевсур, направлявшийся в Кий,— пишет автор,— говорил, что он идет в „Кийста“» [222, 38].

Для обозначения чеченского населения в позднесредневековых русских источниках употреблялся термин *мичкиз (минкиз)*, заимствованный, видимо, из кумыкского языка (ср. *мычыгъышлы* — кумыкское имя чеченцев, а также *мичихичлан* — их даргинское название). В ряде русских документов названия мичкиз, мичкисские кабаки относились не ко всему чеченскому населению, а лишь к одной группе чеченцев, именно к восточным обществам по р. Мичик (на юг от Качкалыковского хребта), соседним кумыкам. То же наблюдалось и в литературе XIX в., когда мичиковцами преимущественно называли чеченцев, живших рядом с кумыками.

[21] Правый приток Терека, впадающий в него южнее Ларса. Ингушское название Кистинки — Оахкари-чIодж.

Одно из ранних упоминаний мичкизов (минкизов) имеется в списке «горских землиц» статейного списка посольства в Грузию Родиона Биркина, Петра Пивова и Степана Полуханова (1587—1588 гг.) [36, 445, 537, 551]. Минкизы названы также с окуками, барагунами, абазой, тюменями в статейном списке посольства Г. И. Микулина, отправленного в мае 1600 г. царем Борисом Федоровичем в Англию [196, 174]. К XVII столетию относится еще ряд сообщений о мичкизах. Среди них документ 1603 г., в котором рассказывается о посылке терскими воеводами в Грузию к царю Александру человека с грамотами. Путь посланного лежал «через Минкизскую землю» [33, 290]. К первой четверти того же столетия относится еще ряд сведений о минкизах [36, 554; 103, 88]. Документ 1615 г. сообщает об участии «горсково князя Турлова» на стороне мичкизов в сражении против русских и шамхала тарковского [203, 53]. Характер сведений, сообщаемых русскими источниками XVI—XVIII вв., показывает, что именем минкиз, мичкиз документы преимущественно обозначали чеченское население в целом, однако в действительности этот термин скрывал лишь восточные чеченские поселения, в частности жителей Ичкерии и переселенцев из этой области на плоскость, именовавшихся в литературе XVIII—XIX вв. качкалыковцами. Это предположение подтверждается документальными источниками XVIII столетия, которые мичкизами называли жителей селений горной части Восточной Чечни (селения Центорой, Ноемберды и др.) или переселенцев из горных районов Ичкерии на плоскость. Характер этих документов, датируемых 1737—1757 гг.,— записи показаний чеченцев, жителей разных селений Чечни [156, 245—251]. В большинстве упомянутых документов в качестве названия народа употребляется термин мичкиз, реже — чеченец. Имя нохчо в этих источниках не зафиксировано. Термин *тавлинцы,* т. е. «горцы», встречается в тех же документах для обозначения жителей населенных пунктов Западной Чечни, в частности по р. Гехи.

Возникновение другого, широко известного в настоящее время этнического имени — *чеченцы* — относится к более позднему времени. Появившись в русских источниках начала XVIII столетия, термин чеченец становится известным в западноевропейских и грузинских источниках того же века. В современной кавказоведческой литературе возникновение этого имени связывается с ча-

стичным переселением чеченцев на плоскость и образованием там сел. Чечен[22]. Наиболее раннее для русских источников упоминание этнонима чеченцы имеется на карте Северного Кавказа 1719 г. В историко-географических описаниях того же времени одним из первых чеченцев называет Гербер [64, 60], а в 70-х годах — Гюльденштедт (Tschetschen) [240, 150, 173, 482]. Впоследствии термин чеченцы стал основным этническим именем, известным в источниках XVIII—XIX вв., где он употребляется для обозначения населения от р. Аксай на востоке и до р. Фортанги на западе.

В грузинских источниках этноним чеченцы зафиксирован в документальных материалах первой четверти XVIII в. Таковы документы Вахтанга VI, датируемые 1720 и 1730 гг., в тексте которых неоднократно упоминаются Чечня и чеченцы [57, 107, 108]. К концу того же столетия относится еще один грузинский документ, упоминающий Чечню, а именно грамота Ираклия II, датируемая 1791 г., содержание которой представляет большой интерес также с точки зрения политических и военных контактов, существовавших в прошлом между Грузией и северокавказскими горцами. Ниже приводится текст грамоты: «Казибегишвили Габриелу передайте от нас привет. Мы благодарны тебе за то, что хорошо стараешься на нашей службе... Всех, которым мы писали письма, сейчас же известите и приготовьте: и тагаурцев, и ангуштинцев, и кистинцев, глигвов, и всех людей по сю сторону Чечни» [212, 154].

* * *

В кавказоведческой литературе первой половины прошлого столетия помимо общих этнических названий вайнахов известны наименования отдельных чеченских обществ: *качкалыковцы, ичкеринцы, чеберлоевцы, шубуты (шубуды)* и др., — нередко выступающие в роли племенных имен. Появление этих терминов в письменных источниках, в большинстве случаев прослеживаемое не ранее XVI—XVII вв., а иногда и XVIII в., нельзя не связывать с исторической обстановкой тех эпох. Развитие в

[22] Под этим названием в начале XIX в. были известны два селения: Старый Чечен, находившийся на р. Аргун, и Новый Чечен, или Янги-кенд, в районе правобережья Сунжи.

XVI—XVII вв. политических и экономических связей Северного Кавказа с Россией, форпосты которой — Сунжинский острог и Терский город — возникают в этот период в Притеречье, обмен посольствами с Грузией, происходивший через северокавказские земли,— все это способствовало знакомству русских с Северным Кавказом. Именно с XVI в. в русских источниках появляются названия отдельных вайнахских обществ («горских землиц»). Грузинские источники того же времени не знают отдельных чеченских обществ, однако выявленные в последние годы новые материалы дают возможность предположить, что некоторые из них были известны грузинам еще до XVI—XVII вв. Таково имя *мелки*, встречающееся в грузинской хронике XIII столетия, которое А. И. Шавхелишвили правомерно связывает с именем Маьлх (Малхиста) — названием общества, пограничного с хевсурами [222, 38]. Этой же точки зрения придерживаются в своей статье В. Б. Виноградов и К. Чокаев [51, 78].

Более обширные сведения о чеченских обществах относятся лишь к XVI—XVII вв.[23]. Русские документы этого периода перечисляют более десяти названий вайнахских обществ, часть которых связывается с ингушами, часть — с чеченцами, аккинцами и карабулаками. Кроме упоминаемых выше мичкизов к чеченской группе, по сведениям источников XVI—XVII вв., относятся *шубуты (шибуты), мулки (мулкыци), Отчанская земля, тшанские люди, индили (Индельская земля)*. Большинство их легко увязывается с более поздними названиями чеченских обществ, что и сделано в названной книге Е. Н. Кушевой. Изложу лишь некоторые факты, известные из русских источников XVI—XVII вв., в связи с которыми в них фиксируются наименования чеченских обществ. Статейный список русского посольства 1587—1588 гг. в Грузию, следовавшего через чеченские земли, называет «горскую землицу» Шибуты [36, 33]. «Шибутцкая землица» упомянута также в статейном списке 1640—1643 гг. посольства князя Мышецкого и дьяка Ключарева, направлявшегося в Кахетию. В тексте документа рассказывается, что гребенской казак и грузин вместе шли из Терков в Грузию через горы на «Ши-

[23] Подробный анализ названий чеченских обществ по русским документам XVI—XVII вв. дан в книге Е. Н. Кушевой [120, 59—74].

бутцкую землицу» [188, 67], т. е. в данном случае имеется в виду дорога по ущелью р. Чанты-Аргун. Шибутская земля в источниках той эпохи — это общество Шатой, известное в кавказоведческой литературе середины прошлого столетия. Это подтверждает не только совпадение названий, но и местоположение «Шибуцкой землицы», находившейся в двух днях пути от Тушетии [120, 73]. Тесные связи Шибутской земли и Тушетии, существовавшие в тот период, раскрываются в документе 1661 г., содержание которого представляет собой запись рассказа о Тушетии и соседних с ней землях. «И Шибутцкою землицею владеют они (тушинцы.— *Н. В.*), и вера с ними одна (христианская.— *Н. В.*), а иные-де шибутцы живут и по-бусурмански. И оброки де они, тушинцы, с них, шибутцев, емлют з деревни по 10 баранов...» [5, 1658, № 3, 120].

В том, что шибуты (шибуды) источников XVI—XVII вв.— шатойцы, убеждают также более поздние материалы, в которых общество Шатой нередко фигурирует под именем Шубут. Дистрикт Шубут в верховьях Аргуна и соседний тушинам называет Клапрот [243, 14]; шибуты отмечены на карте наиба Шамиля как одно из чеченских обществ, ему подвластных, где оно помещено в междуречье рек Чанты-Аргун и Шаро-Аргуна [140, карта]. По сообщению Х. Д. Ошаева, среди соседнего дагестанского населения общество Шатой известно под именем Шубуты.

В списке «горских землиц», приводимом в русских документах 1619 г., названы *тшанские* и *мулкинские земли* [91, т. I, 97]. Из них первые, видимо, как и шубуты, сопоставляются с шатойцами, вторые — с именем чеченского общества Мулкой, находившегося также в верховьях р. Чанты-Аргун [120, 73]. Название этого общества в форме Мылкыц упоминает еще один русский документ, датируемый 1629 г. [91, т. I, 120].

Название Отчанская земля, известное в источниках первой половины XVII в., Е. Н. Кушевой сопоставляется с тейпой (обществом) Чанти [120, 73]. Последняя, как фиксируется этнографическими материалами, занимала территорию по Чанты-Аргуну выше Шатоя. В русских документах того же времени исследователями было обращено внимание еще на одно название чеченского общества — Индили, Индельская земля. Х. Д. Ошаев убедительно сопоставляет Индили с чеченским селением

Ингилик, ранее находившимся на р. Ингилик, притоке Гойты, впадающей в р. Сунжу [120, 74]. Сравнительно недавно это же предположение было высказано археологами В. Б. Виноградовым и В. И. Марковиным [50, 68].

Помимо «чеченских землиц» в русских документах XVI—XVII вв. неоднократно встречаются наименования чеченских кабаков, т. е. селений, нередко выступающие как этнические названия. Таковы Тумцоев, Шандоров, Уйшев, Баранцев, Пешинский, Тарлав кабаки и др. Ряд удачных сопоставлений, предлагаемых Х. Д. Ошаевым, связывают Шандоров кабак с сел. Вашандорой, Уйшев кабак — с чеченским именем Ойше, Баранцев кабак — с тейпой Варандой [120, 79]. Название Тумцоева кабака легко увязывается с именем тейпы Дзумсой; это небольшое селение юго-западнее Шатоя существует и в настоящее время.

В описании пути русского посольства 1596 г. в Грузию обращают на себя внимание еще два имени, также связываемые с названиями чеченских обществ: Пешинский кабак и Тарлав кабак [36, 349]. Имя первого сопоставляется с горным чеченским селением Пеша, находившемся примерно в 5 *км* к западу от общества Дзумсой (Тумцоев кабак). Название второго, видимо, следует сопоставлять не с известной фамилией аварских князей Турловых, живших среди чеченцев уже в конце XVI — начале XVII в., а с именем чеченской тейпы Терело, населявшей верховья Чанты-Аргуна (левые притоки реки — Бавлой-ахк и Терлой-ахк).

Важно отметить, что преобладающее большинство чеченских обществ, перечисленных в русских источниках XVI—XVII вв., располагались в бассейне Чанты-Аргуна. Это обстоятельство не было случайным и обусловливалось той большой ролью, которую играл путь по Чанты-Аргуну в развивающихся политических отношениях Грузии и России.

Западноевропейские источники до XVIII в. не содержат сведений о вайнахах. Тем ценнее данные по вайнахским этнонимам, приводимые Н. Витзеном, амстердамским бургомистром, побывавшим в 1664 г. в Москве и Терках и, видимо, имевшим возможность дополнить свои материалы из первоисточника. В своем труде Витзен указывает, что в ленной зависимости от тарковского шамхала и кумыкского князя из Эндери находились да-

гестанские и чеченские владения. Из последних в списке обозначены: Мичкис (Mitschkis), Акотзин (Akotsin), Шубут (Schubut), Себутлу (Sebutlu) и Гуна (Guna) [258, 559].

Первое название представляет собой упоминаемое выше кумыкское название чеченцев, второе — русская форма имени аккинцев, часть которых жила в Терках, третье — известное по более ранним документам название Шатоя. Особый интерес в этом списке представляют два названия: Себутлу — единственное в источниках XVII в. упоминание чеченского общества Чеберлой (Чебутлы, Чебуртлы) — и Гуна — название чеченской тейпы Гуной, также неизвестное по другим источникам того же столетия.

К XVIII в. круг знаний в русских источниках о Чечне значительно расширяется, хотя названия некоторых чеченских обществ, известные по документам предшествующих столетий, больше не упоминаются. Не последнюю роль в этом сыграло не только сокращение числа русских посольств в Грузию и грузинских в Россию по сравнению с XVII столетием, но и, что самое существенное, изменение их маршрута, проходившего в XVIII в. по Тереку, Сунже и Дарьяльскому ущелью. В то же время в русских источниках этого периода известно немало новых названий чеченских обществ и селений, преимущественно в предгорье и на плоскости, что было связано с еще более усилившимся процессом движения части чеченцев на равнину.

В русских документах первой половины XVIII в. часты упоминания дальней и ближней Чечни [150, 245]. Судя по тексту документов, под ближней Чечней имелись в виду плоскостные районы, ближайшие к Тереку, тогда как дальней Чечней называли в основном горные районы Ичкерии. В пользу этого предположения говорит также упоминание фамилии Цонтарлы, жившей, по документу, в «дальних Чечнях», т. е. ичкеринском селении Цонтарой [150, 245]. В русских источниках середины XVIII столетия зафиксировано еще одно наименование чеченского общества, в литературе XIX в. выступавшее как название одного из локальных подразделений чеченского народа. Текст этого документа, относящегося к 1757 г., содержит запись показаний чеченца, жителя Брагунов: «Булатом меня зовут, Бекмурзин сын, сколько от роду лет, не упомню, прежде сего жительство

имел в подвластной Аксайской деревне Качкалык[24], а отец мой прежде жительствовал в Чечнях, а оттуда перешел в означенную деревню Качкалык, где и я прижит» [150, 246]. Таким образом, судя по сообщению документа, качкалыковцами называлась группа чеченцев, жившая на кумыкских землях и включавшая, видимо, переселенцев из Ичкерии, горных районов Чечни, ближайших к Кумыкской плоскости. Из западноевропейских авторов XVIII столетия наиболее полные сведения о названиях чеченских обществ и селений содержатся в труде Гюльденштедта [240, 482, 483]. Некоторые из упоминаемых им названий известны в документах XVI—XVII вв. (Шубут, Чанти), другие — их большинство — в западноевропейских источниках упомянуты впервые: Майсты (Meesti), Шалха (Schalcha), Качкалык (Katchilik) и др.

В источниках первой четверти XIX в. известно множество чеченских обществ, большинство которых знакомы по документам предшествующего времени. Новым в перечне чеченских обществ является наименование Ичкерия. Так, в описании Дагестана А. И. Ахвердова, относящемся к 1804 г., упоминается народ «ичари мооскиз», живущий в 25 верстах от сел. Анди [28, 226]. Автор переводит это название как «внутри черных гор живущие чеченцы», однако нетрудно усмотреть в нем кумыкское имя чеченцев — мичкиз, а в термине ичари, видимо, также кумыкское наименование области Ичкерия[25]. Название последней в источниках XVI—XVIII вв. не встречается. Причину этого Е. Н. Кушева видит в том, что территория Ичкерии в указанный период находилась под влиянием аварских ханов и называлась Уварская земля [120, 74]. Действительно, в XVII в. и даже значительно позже, в первой четверти XIX в., некоторые чеченские общества находились в политической зависимости от аварского хана. К 1828 г. относится список чеченских селений, плативших подать аварско-

[24] Селения Качкалык не существовало. Под этим именем была известна группа селений по северную сторону невысокого хребта между современным Гудермесом и р. Аксай. *Качкалык* образовалось от кумыкского *кхачкхалыкх*, т. е. «переселившиеся» (*гIачалкх* — чеченск.).

[25] Х. Д. Ошаев связывает имя Ичкерия с названием р. Искерк (Искаьрк), берущей начало в Ичкерин и впадающей в Гумс [120, 74].

му Нуцал-хану. В их число входили Чеберлой, Атаги, Алды, Мулкой, Шубут, Тумсой, Уш-н-и, Нашах [202, 272]. Однако, несмотря на политическую зависимость от Аварии, большинство названных обществ известны в источниках на протяжении нескольких веков. Этот факт, вероятно, объясняется тем, что зависимость некоторых чеченских земель от Аварии была номинальной и выражалась лишь в уплате небольшой дани. То же было характерно и для XVI—XVII вв. Поэтому причина неупоминания русскими источниками Ичкерии, вероятно, в другом. Как уже отмечалось, в источниках XVIII в. земля ичкеринцев была известна под именем «дальней Чечни», а население называлось мичкизами. Самим чеченцам термин Ичкерия незнаком, а эту область они называют Нохчимохк, т. е. «земля нохчи». Сравнительно позднее знакомство русских с горной Ичкерией было связано и с тем, что эта область находилась в стороне от главных посольских путей XVI—XVIII вв. Лишь в первой половине XVIII столетия в связи с переселением части ичкеринцев на плоскость в русских документах появляются названия некоторых селений Ичкерии, т. е. «дальней Чечни». Термин Ичкерия, как упоминалось, фиксируется в литературе не ранее начала XIX в. В источниках прошлого столетия земля ичкеринцев с главным селением Беной иногда называлась Нахчуо [14, т. IX, 314][26].

Ингушские этнонимы

Источники начала XIX в. в ингушскую группу включали следующие этнические названия: *галгаевцы* (хамхинцы), *джераховцы* (мецхальцы), иногда называвшиеся кистинами, *галашевцы, цоринцы, назрановцы.* В этой группе источники выделяли *бацбийцев* Грузии — вайнахов, переселившихся на южные склоны Кавказского хребта не позднее XVI столетия и в течение длительного времени развивавшихся в русле культурно-экономической и политической жизни Грузии.

Самоназвание большинства перечисленных групп — *гIалгIа(й)* — наименование горского общества, ставшее

[26] Термин *нахчуо,* видимо, включает два слова: *нах* — «народ» и *чуо,* точнее, *чьо* — «место», «территория».

именем всего ингушского народа. В письменных источниках до XVIII в., по вполне убедительному предположению некоторых исследователей, этот термин встречается в форме *калкан* и *глигви*. В современной форме — гIалгIай — он впервые фиксируется в литературе второй половины XVIII столетия и обозначает лишь группу ингушского населения в верховьях р. Ассы [240, 482; 251, 374].

В кавказоведческой литературе прошлого и настоящего широко известна точка зрения, этногенетически связывающая термины *галгай* и *гаргар (гегар)* и носителей этого имени — древних гаргаров — с предками вайнахов. В 80-х годах XIX в. этот взгляд был высказан П. К. Усларом [215, 166], в начале XX в.— комментатором «Tabula Peitingeriana» К. Миллером [247, 698], а в современном кавказоведении в несколько ином аспекте — Н. Ф. Яковлевым. «Я думаю,— писал он,— что в этих гаргареях и были представлены элементы, имевшие некоторое отношение к чеченцам. Это видно из того, что у чеченцев сохранилось самое слово „гаргар нах", близкие люди, родственники» [228, 15]. Дальнейшее развитие эта мысль получила в исследованиях Е. И. Крупнова, который, основываясь на сведениях античных авторов, считает гаргареев (гаргаров) наряду с исадиками и хамекитами древнейшими вайнахоязычными племенами[27]. С этой же гипотезой о генетической связи гаргаров с ингушами мы встречаемся в комментариях к новому изданию сочинений античных авторов [77, 296].

В основу гипотезы об этногенетической связи гаргаров с галгаями названными исследователями положены следующие моменты: свидетельства Страбона (I в. до н. э.) и Плиния Секунда (I в. н. э.) о гаргарах (гегарах), живших на северных склонах Кавказского хребта в Кераванских горах [137, т. I, 144; т. II, 181]; неко-

[27] Е. И. Крупнов связывает с гаргареями как предками ингушей памятники культуры в горах и предгорьях современной Чечено-Ингушетии, датируемые I тысячелетием до н. э. На этот факт, по мнению автора, указывает преемственность древних и средневековых форм культуры, прослеживаемая по археологическим находкам из Мужичей, Исти-су, Алхастинского, Нестеровского и других могильников Чечено-Ингушетии [113, 72, 74, см. также: 115, 26, 28]. Однако подобная преемственность в материальной культуре ранних и поздних форм не может еще служить доказательством генетической связи этносов — носителей этих культур.

торое созвучие терминов гаргар и галгай[28] и, наконец, последний, наиболее существенный момент — сохранение в вайнахских языках слова гергар в значении «родственный». Факт сохранения этнонима в языке народа в другом значении вполне вероятен и довольно широко известен в кавказских языках (ср. в мегрельском этноним *алан* в значении «молодец», «герой», *кашаг* — «рослый невольник»).

Армянская историческая традиция связывает этническое имя гаргаров с населением Кавказской Албании [86, 84, 310; 229, 46], причем язык гаргаров описывается армянскими авторами как один из албанских языков и характеризуется как язык, богатый гортанными звуками. Те же раннесредневековые армянские авторы упоминают княжество Гаргараци, степь Гаргарацвоц-дашт, р. Гаргар-гет и т. п.[29]. Возникает вопрос, действительно ли столь противоречивы данные античных авторов и раннесредневековых армянских источников, локализующих гаргаров то в Кавказской Албании, то на Северном Кавказе. Нельзя упускать из виду указание источников на характер языка гаргаров, изобилующего горловыми звуками. Этот признак и в настоящее время характеризует кавказские языки, и особенно некоторые дагестанские, в частности, по мнению лингвистов, рутульский и цахурский. Более того, в ряде дагестанских языков — аварском, рутульском, цахурском — сохранился термин гаргар (гагар) с тем же значением, что и в вайнахском — «родственник». Тем самым слово гаргар, видимо, нельзя считать принадлежностью лишь современного ингушского языка и связывать гаргаров лишь с предками ингушей. Более вероятным кажется предположение об этногенетической связи гаргаров с более широкой языковой группой Восточного Кавказа — предками дагестанцев и вайнахов. В таком случае подтверждается свидетельство древних источников об отнесении языка гаргаров к языкам Кавказской Албании, в которую входили и племена Южного Дагестана, а также локализация гаргаров как в Албании, так и на Северном Кавказе.

---

[28] Отмечу, что лингвистически термин «гIалгIа» и гаргар не связываются [см. 70, 53, 54].

[29] Река Гаргар-гет, по мнению С. Т. Еремяна, соответствует современной р. Каркар-чай, Гаргарацвоц-дашт — Мильской степи [см. 229, 46].

Более реальной представляется связь самоназвания ингушей *гIалгIай* с термином *калкан,* известным в русских источниках XVI—XVII вв. Эта гипотеза, впервые высказанная А. Н. Генко [62, 701], находит подтверждение в документальных материалах позднего средневековья. Действительно, местоположение «горных людей калканских» в горах за Ларсом, некоторое созвучие слов *калкан, калкай* с *галгай,* а также другие косвенные данные во многом подтверждают это предположение. Вайнахская этническая принадлежность калканцев находит подтверждение в некоторых русских документах XVII столетия. Например, в отписке терского воеводы Н. Д. Вельяминова в Посольский приказ в мае 1619 г. о принесении шерти кабардинским мурзой Алегукой Шегануковым «калканские горские земли» названы среди других вайнахских обществ [91, т. I, 97].

Впервые имя *калканцы* упоминается в XVI в. — в статейном списке посольства князя Семена Звенигородцкого и дьяка Торха, направленного царем Алексеем Михайловичем в 1589—1590 гг. в Грузию. Путь этого посольства в Кахетию, как и большинства других, проходил через Дарьяльское ущелье. На обратном пути, пройдя «Сонскую землю», посольство, шедшее по Дарьяльскому ущелью без провожатых, подверглось нападению горцев. «А в горах майя в 27-й день приходили на послов на князь Семена да на дьяка на Торха... горные люди колканцы... и послы, поворотясь, тех калканцев побили... и стрельца у них отняли» [36, 222].

Впоследствии калканцев называют многие русские документы XVII в. К 1603 г. относится один, менее известный документ, также упоминающий калканцев. Это челобитная царю Борису Федоровичу «терского жильца Ивана Морышкина», который был отправлен терскими воеводами с грамотами к грузинскому царю Александру. Его путь в Кахетию лежал через «Шевкальскую землю». Пробыв в Грузии 26 недель, Иван Морышкин к весне пешком двинулся к Теркам через Дарьяльское ущелье, где по дороге, в горах, был ограблен «калканскими людьми» [33, 289]. Горские люди-калканцы упоминаются в статейном списке посольства в Грузию Михаила Татищева и дьяка Андрея Иванова в 1604—1605 гг., в котором также описывается нападение калканцев на посольство, и обстоятельства и место нападения совпадают примерно со сведениями статейного спис-

ка 1589—1590 гг. Посольство двигалось по Дарьяльскому ущелью в направлении «Сонской земли» (в данном случае владения эристави Арагвского) и, пройдя Ларсов кабак, на первой стоянке ночью подверглось нападению «горских людей колканцев с пищалями» [36, 474]. Калканские кабаки упоминаются в русском документе 1614 г. в связи с сообщением о походе шаха Аббаса, идущего войной через Грузию «прямою дорогою через Калканские кабаки на Кабарду» [203, 33]. Довольно четко локализуются калканцы в другом документе — отписке терского воеводы И. А. Дашкова в Посольский приказ, относящейся к 1629 г. и рассказывающей о разведках серебряных руд. «Да терской ж старожилец конной стрелец... Девятко Савельев в роспросе нам, холопем твоим, сказывал: езживал-де он с Терка к черкасом в горы и в горах под Грузинскою землею в Колканех да в Мылкыцех свинец покупывал и на Терек приваживал» [91, т. I, 120].

Таким образом, источники XVI—XVII вв. связывают калканцев с горной областью, находившейся в одном дне пути от Ларсова кабака в направлении к Сонской земле. Ларсов кабак в последней четверти XVI в. принадлежал северокавказскому феодалу Салтан-мурзе. Судя по тексту статейного списка 1589—1590 гг., он был родственником известного в то время вайнахского феодала Ших-мурзы Окуцкого. «И Салтан-мурза говорил: то если слышал от узденей и брата своего Ших-мурзы Окуцкого, что кабардинские все князи били челом в службу государю вашему, а яз ныне хочу государю ж служити по свою смерть, как государю вашему служил брат мой Ших-мурза Окуцкой» [36, 150]. Действительно, Ших-мурза Окуцкий — один из представителей северокавказской феодальной знати, вошедший в контакт с русскими, «давший шерть русскому царю»,— широко известен в русских источниках начиная с 80-х годов XVI в. Он активный участник сношений России с Грузией, поскольку через его владения пролегала одна из посольских дорог в Грузинское царство. Племенная принадлежность Ших-мурзы, видимо отразившаяся в имени Окуцкий, и родственные связи последнего с Салтан-мурзой заставляют предположить вайнахское происхождение этой феодальной фамилии — владетелей Ларсова кабака.

Кроме Ларсова кабака, принадлежавшего Салтан-

мурзе, источники XVI—XVII вв. на пути следования русских посольств через Дарьяльское ущелье в Кахетию называют Черебашев кабак. Впервые это поселение упоминается в статейном списке посольства князя Семена Звенигородцкого и дьяка Торха, шедшего в Кахетию в 1589—1590 гг. [36, 222]. Отправившись 24 ноября от Ларсова кабака, посольство через день пришло в Черебашев кабак, где находилось один день для наведения моста через Терек. Пройдя через мост, посольство 28 ноября подошло к горам к Сонской земле. Затем, перейдя еще одну реку[30], двинулось на Каракалканы и далее в Кахетию. Таким образом, из текста приведенного документа выясняется, что Черебашев кабак находился на левом берегу Терека, в одном дне пути к югу от Ларса и в двух днях пути от «Сонских гор».

Кто же были жители Черебашева кабака? Его название указывает на однофамильный характер этого поселения. Статейные списки не сообщают никаких сведений об этнической принадлежности фамилии Черебашевых. В этом плане многое дают этнографические и фольклорные материалы. Среди ингушей в настоящее время известна фамилия Черебижевых. По рассказам информаторов, предки этой фамилии жили на Военно-Грузинской дороге, примерно в районе сел. Гвилети. Можно предположить, что Черебашев кабак русских источников XVI—XVII вв. представлял собой поселение ингушской фамилии Черебижевых. То, что Черебашевы были вайнахи, подтверждается также другими фактами. Так, в русских документах XVII в. известны имена нескольких ококов, служивших в Терках: Чербаш Даврукова, Черебаш Албеков и др. [91, т. I, 94, 195]. В октябре 1640 — июне 1641 г. в Москву приезжали из Терков посланцы Келмамета-мурзы Черкасского — уздень Румуков и окоченец Чербаш [5, ф. 121, 1640, д. 2, л. 33].

Имя Черебаша (Чербыша), жившего в сел. Гвилети, известно в исторических преданиях ингушского народа. Одно из таких преданий, записанное Б. Далгатом, рассказывает, как Чербышу удалось разбить войска кабардинского князя, шедшего на Тифлис, и как за эту услугу грузинский царь Георгий подарил Чербышу землю от Казбека до Гумлета (Гвилети) [68, 37]. «Гумлетцы,— комментируя это предание, пишет Б. Далгат,—

[30] Вероятно, правый приток Терека — р. Джута.

пользовались этой землей, а в 1889 г. она была официально признана за ними» [68, 37].

Другой, более детальный вариант этого же сказания опубликован в 90-х годах в газете «Кавказ» [156][31]. В этой легенде предком гвилетцев также назван Чербыш, изгнанный с плоскости кабардинским князем и поселившийся «в горах предгалгайских», у речки Джейрах-Айрмэхи. По преданию, в селении Чербыша жила одна фамилия, включавшая его 12 женатых сыновей. Далее в тексте приводится тот же сюжет о разгроме Чербышем у Дарьяльской крепости партии кабардинцев, шедшей на Грузию и возглавлявшейся князем Асахметом, который несколькими десятилетиями ранее совершил нападение на равнинные и предгорные ингушские поселения. Из того же предания становится известным, что Чербыш был незнатным галгаем, сыном Котга Кривого. В награду за помощь Грузии Чербыш попросил у грузинского царя земли по реке, берущей начало из Девдоракского ледника. Получив эту землю, Чербыш разделил свою фамилию на две части: старшим велел поселиться в новых местах на Хайхи, где построил башню, а младших оставил в своем Аулурте [156].

В связи с именем калканцы обращу внимание на термин *каракалкан,* известный в источниках первой половины XVII столетия. Вторая часть этого этнонима фонетически совпадает с термином калкан[32], однако, судя по свидетельствам источников прошлого, этнически он связывается не с ингушами. Имя каракалканцев появляется как в статейных списках русских посольств в Грузию, в том числе посольства в Грузию князя Федора Волконского и дьяка Артемия Хватова в 1637—1640 гг., шедшего не через Дарьяльское ущелье, а на Тушетию, и посольства князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию в 1640—1643 гг. [187, 350, 358; 188,

---

[31] Ссылкой на эту легенду я обязана ингушскому историку С. Котикову.

[32] От тур. *калкан* (قال قان) — «щит». Каракалкан — «черные щиты». Вполне возможно, что в этнониме каракалкан отражены особенности вооружения и народного костюма этой части горцев, носивших темные щиты, обтянутые кожей. «Осетины,— писал в 30-х годах XIX в. очевидец,— имеют небольшие круглые щиты, сделанные из кож, окованные железом, с такою же и посередине бляхою» [см. 169, 206]. Клапрот также отмечал, что осетины носят черные кожаные щиты [244, 305].

40], так и в документах, связанных с грузинскими посольствами в Москву (грамотах царя Теймураза 1635, 1639 гг. и других, направленных русскому царю) [187, 118]. В документах 1637—1640 гг. (поездка старца Арсения Суханова) упоминаются каракалканы, о которых Теймураз сообщает, что шах Аббас отнял у него Мцхету и «каракалканы взял» [187, 349; 34, 483—485]. В другом месте того же документа упоминается эристави каракалканский [34, 485], т. е. арагвский.

Имя каракалканы известно также в источниках первой половины XIX в. Как название местности его упоминает Клапрот [244, 305]. В одном из фирманов Фетх-Али-шаха (1804 г.) содержится обращение «ко всем старшинам общества Каракалхана, осетин и черкесов» [14, т. II, 818]. В официальных документах 20-х годов прошлого столетия каракалканцев называют среди гудамакарцев, пшавов, хевсур и тагаурцев Хеви [14, т. IV, 530]. Клапрот объясняет название каракалкан следующим бразом. «Каракалканы,— пишет он,— это южные сланцевые горы Кавказа между истоками Риони и Арагви, населенные осетинами» [244, 305]. Тот же Клапрот далее замечает, что р. Диди-Лиахви иногда называется Каракалкансу [244, 305]. Учитывая восточные границы области Каракалкан (в том числе верховья рек Черной и Пшавской Арагвы), вероятнее всего предположить, что это название могло скрывать не только осетин, но также пшавов, хевсур и др. и, видимо, соответствовало термину *сони — сонские кабаки* части русских источников XVI—XVII вв.

В грузинских источниках XVII в. известен еще один этноним, связываемый с ингушами и, видимо, являющийся измененным самоназванием этого народа. Это термин *глигви*, наиболее раннее упоминание которого в форме *глегуды* (γλεγουδες) встречается в упомянутом письме царя Теймураза, написанном по-гречески и относящемся к 1639 г. Ни в одном русском источнике того же столетия имя глигви не зафиксировано. Из других свидетельств представляет интерес отрывок из «Картлис Цховреба», описывающий события первой половины XI в., но составление которого, видимо, следует отнести не ранее чем к XVI—XVII вв. Грузинская хроника этого времени рассказывает о грузинском царе Квирике (1010—1029), назначившем правителей в Тианети, Тушети, Дидоети, Дзурдзукети, Глигвети [72, 33]. Вахушти

Багратиони помещает Глигвети к востоку от Кист-Дзурдзукии [45, 79]. Глигвов вместе с кистами называют некоторые документы Вахтанга VI [57, 105, 120], а также ряд жалованных грамот Ираклия II, относящихся ко второй половине XVIII столетия [14, т. V, 370].

Этноним глигви, хотя и крайне редко, встречается в русских исторических сочинениях XVIII в., например на карте Кавказа в атласе 1745 г. в форме *глихви*. В первой половине XIX в. это же имя известно и в официальных русских документах, где оно сосуществует с этническими названиями галгай и ингуш, обозначающими один народ [14, т. V, 370]. В западноевропейской литературе имя глигви впервые упоминается Гюльденштедтом, считающим его синонимом слова ингуш [240, 482]. Клапрот при описании области Галгай отмечает грузинское название последней — Глигви (Gligvi) [243, 9].

Более позднее этническое наименование западной части вайнахов *ингуш* появляется в источниках не ранее начала XVIII столетия. В современном кавказоведении этноним ингуш связывается с названием сел. Онгушт в Тарской долине, фиксируемым в источниках начала XVIII в. как крупное поселение [45, 151]. Такая гипотеза впервые была высказана Н. Ф. Яковлевым. «Само это слово (ингуши.— *Н. В.*),— пишет он,— по-видимому, происходит от названия селения Онгушт, которое находилось при выходе из ингушских гор. Оно было большим аулом, и жители плоскости, первыми вступившие с ним в торговые сношения, название этого селения перенесли на весь находившийся в экономической связи с этим селением нагорный народ» [227, 11]. Эту же точку зрения разделяют А. Н. Генко, Е. И. Крупнов, Б. А. Калоев, Е. Н. Кушева [62, 686; 114, 82; 120, 76; 94, 375].

Термин ингуш наряду с именем глигви и кисти известен в грузинских официальных документах первой половины XVIII в. [212, 154]. В это же время он появляется и в западноевропейской литературе [Гюльденштедт, Штедер, Паллас], где выступает как синоним имени галгай [240, 150; 62, 710; 251, 375]. В русских источниках XVIII столетия термин ингуш становится основным для обозначения группы западных вайнахов, а этноним кал-канцы, известный в русских документах предшествующей эпохи, исчезает.

Кроме имени ингуш, этнонима более общего харак-

тера, в русской кавказоведческой литературе первой половины прошлого столетия известны также названия нескольких локальных групп народа: джераховцы, цоринцы, галашевцы, назрановцы, мецхальцы, хамхинцы. Все они, выступая в качестве этнических обозначений территориальных групп ингушей, связаны с именами населенных пунктов и обществ Ингушетии: галгаевских Хамхи и Цори, фаппинского Мецхала, смешанных в национальном отношении Галашек и Назрани. Имя джераховцев произошло от названия Джераховского ущелья по р. Армхи.

Русские документы XVI—XVII вв. упоминают только джераховцев («жарах», «ерохонские люди» [120, 66]. Появление в источниках большинства других имен относится ко времени не ранее XVIII столетия. Гюльденштедт называет Цори и Галашки [240, 482, 483]. Наименование назрановских ингушей становится известным лишь в начале прошлого века, когда после договора 1810 г. часть народа получила возможность переселения на плоскость к Назрани [53, 92]. По поводу названия Мецхал в современной кавказоведческой литературе высказываются два предположения. Одно (Х. Д. Ошаева) предполагает связь имени Мецхал с названием «Метцкие гребени» русских документов XVI в. [120, 68], другое, высказанное в 30-х годах XX в. А. Н. Генко и поддерживаемое Е. Н. Кушевой, связывает «Метцкие гребени» не с Мецхальским обществом, а с Мелхи (Малхистой), известной в русской литературе XIX в. под именем Митхо [62, 699; 120, 68].

Поскольку оба сопоставляемых термина — Митхо и Мецхал — фонетически близки к названию «Метцкие гребени», то главным в решении вопроса могут служить лишь указания источников о локализации этой местности. Имя «Метцкие гребени» упоминается в наказе князю Звенигородцкому, возглавлявшему посольство в Грузию в 1589—1590 гг., в следующем контексте: «Итти послом безстрашно на Метцкие гребени, на Шихово племя, на Бурнашову да на Амалееву землю да на Батцкие гребени. А владеет тою Батцкою землею государь их Александр» [36, 128]. Убедительные сопоставления А. Н. Генко «Батцких гребеней» с территорией бацбийцев, «Амалеевой земли» с сел. Омало в Тушетии и Х. Д. Ошаева, связывающего «Шихово племя» с хевсурами, вероятнее всего, намечают путь посольства че-

рез верховья Аргуна. Таким образом, исключается возможность сопоставления «Метцких гребеней» с Мецхальским обществом, располагавшимся значительно западнее упоминаемых в документе ориентиров.

С ингушами связывается еще одна небольшая, в настоящее время территориально оторванная от вайнахов группа, известная в литературе под именем *бацбийцев* или *цова-тушин*. В этногенетических преданиях этого народа прародиной считается местность Вабуа, имя которой связывается с термином *ваппи (фаьппи)* — названием части ингушей. В связи с этим обращает на себя внимание еще один факт. Пирикитские тушины, называя всех тушин бацбийцами, выделяют из них группу с нахским языком, именуя последних *ваьппий* (ед. ч.—*ваьппуо)* [17].

Появление современного самоназвания бацбийцев *бацав* (мн. ч.—*бацби*), видимо, относится к периоду пребывания народа уже в пределах Закавказья [33]. Если справедливо предложенное А. Н. Генко сопоставление «Батцких гребеней» с именем бацбийцев, то статейный список 1589—1590 гг.— единственное свидетельство в средневековых источниках об этой группе вайнахов. По предположению Ю. Д. Дешериева, самоназвание бацбийцев дано им соседним населением и восходит к нахскому слову *буц* — «трава» [69, 325]. Под именем *боацой* они известны среди чеченцев и ингушей. Грузины называют бацбийцев *цова-туши,* дидойцы — *цув-ак* (букв. *цова-кахи)* и *чагма-ак* [148, 32]. В кавказоведческой литературе XVIII—XIX вв. бацбийцы были известны как *тушины.* Под именем тушин они описаны Гюльденштедтом, и лишь упоминание путешественником селений Царо, Индурта, Сагирта, Этельта, тогдашних мест поселения бацбийцев, а также замечание о языке этой части тушин как составляющем с ингушским и чеченским единую группу дают возможность выделить бацбийцев из тушинского населения [240, 376, 377].

[33] Время появления фаппинцев в Закавказье неясно. Однако факт очень давнего выделения их из остальной массы вайнахов доказывается сохранением в бацбийском языке целого ряда общевайнахских черт (например, древней системы счета), характерных, по мнению Ю. Д. Дешериева, для периода языка-основы, еще не разделившегося на диалекты. Дальнейшие исторические судьбы бацбийцев, их жизнь в окружении грузинского населения и сильное влияние языка последних привели к еще большему обособлению бацбийского языка от чеченского и ингушского [70, 92, 93].

Карабулакские и аккинские этнонимы

Особые группы по языку и этническому самосознанию в вайнахской этнической общности составляют *орстхойцы*, в литературе известные под именем *карабулаков*[34], и *аккинцы*. Последние разделяются на горных и плоскостных, историческое развитие которых в течение нескольких веков шло различными путями[35]. Территория обитания обоих народов в первой половине XIX в. включала верховья р. Гехи и Фортанги. Карабулаки занимали также некоторые районы по среднему течению р. Ассы, а часть аккинцев, известная в литературе прошлого столетия под именем *ауховцев,* обитала в Восточной Чечне по рекам Ямансу, Ярыксу, Акташ и Аксай.

За исключением ауховцев, сведения об аккинцах и карабулаках в письменных источниках прошлого крайне скупы и не уходят глубже XVIII—XIX вв. Так, лишь к началу прошлого столетия относится первое упоминание самоназвания карабулаков — Arschte [243, 10]. Более широко в кавказоведческой литературе XVIII—XIX вв. известно второе, тюркское имя этого народа — карабулаки. Оно появляется в русских документах не позднее 60-х годов XVIII в. в связи с переселением части карабулаков на плоскость [43, 260], а в 70—90-х годах того же столетия — в трудах западноевропейских авторов [258, 559].

В настоящее время, с точки зрения самих орстхойцев, их народ включает четыре тейпы: ЦIечой, Мержой, Орстхой и Аьккхой. В русских документах XVII столетия наряду с другими «горскими землицами» встречается название общества Мерези [91, т. I, 95, 97], которое Е. Н. Кушевой убедительно сопоставляется с именем Мереджой — обществом, встречающимся в ли-

---

[34] Язык карабулаков не изучен. А. Н. Генко, основываясь на материалах, имеющихся в трудах Штедера и Клапрота, сближает карабулакский язык с чеченским, выделяя его, однако, в особую группу [см. 62, 685].

[35] Современный язык аккинцев, по мнению лингвистов, занимает промежуточное положение между чеченским и ингушским [см. 25]. По мнению А. Н. Генко, язык горных аккинцев, в прошлом более сближаемый с ингушским языком, в 30-е годы нашего столетия характеризовался преобладанием чеченских признаков [см. 62, 684]. На язык плоскостных аккинцев большое влияние оказал язык их соседей — кумыков.

тературе XIX в. и, по ее мнению, чеченским [120, 64]. Упоминаемое Н. Витзеном общество Mereschey также легко увязывается с названием тейпы Мержой [258, 559], но, судя по этнографическим материалам, не чеченской, а карабулакской. Таким образом, свидетельства источников XVII в. следует считать наиболее ранним упоминанием имени одной группы орстхойцев.

Имя аккинцы широко известно в источниках XVI—XVII вв. Названиями *окочане, ококи, Акоцкая земля* изобилуют русские документы той эпохи. Однако все известные в источниках того времени факты связаны лишь с восточной группой аккинцев, к XVI в. располагавшейся в двух днях пути (пешком) от Суншина городища. Подробный анализ русских документов XVI—XVII вв., упоминающих ококов, дан в книге Е. Н. Кушевой [120, 69, 70]. Наиболее раннее свидетельство об ококах содержится в статейном списке посольства в Грузию 1587—1588 гг., текст которого называет их наряду с другими вайнахскими группами [36, 33][36]. В начале XVII столетия в русских источниках становится известным имя еще одной группы аккинцев, поселившихся под Терским городом и образовавших Окоцкую слободу. Однако, судя по сообщениям источников, термин ококи применительно к жителям Окоцкой слободы уже в XVII в. обозначал не только аккинцев, но и отдельные группы чеченцев, в частности мичиковцев. Это подтверждает текст челобитной терских окочан, датируемый 1616 г. «Вышли, государь, мы, холопи твои,— сообщается в документе,— из Акоз и из Мичкиз в твою вотчину—в Терский город» [36, 554]. Со временем в состав ококов вошли, видимо, не только вайнахи. Об этом говорят подворные списки окочан Терского города, составленные по данным описи населения Терков, проведенной в сентябре 1640 г. [91, т. I, 194—196]. Содержащиеся в списках имена Лепшихи Адыгина, Сосланки Асебеева, Офоноски, Нагайки Кичеева наводят на предположение о неоднородном этническом составе терских ококов в XVII столетии. Это обозначилось еще резче в XVIII в., когда имя ококов в Терской крепости относилось не столько к вайнахам, сколько к другому горскому населению. Этот факт хорошо прослеживается

[36] В связи с термином ококи обращает на себя внимание название одной родственной группы сел. Центорой — Окинекъи.

в целом ряде русских документов той эпохи. «В полуверсте от крепости (Терки.— *Н. В.*),— описывает источник середины XVIII в.,— слобода Охочинская, населенная черкесами и другими горцами, оставшимися в магометанстве. Их при крепости Терки в Икоцкой слободе 1721 года оставалось немного, но со времени похода Петра Великого в Дербент явились к услугам его из Большой Кабарды рода Жанбулатова фамилии Бекмурзиной владелец Эльмурза Бекович, князь Черкасский, родной меньшой брат князя Александра Бековича Черкасского, а из Малой Кабарды Таусултанова рода Асламбек Келметов, то в сей слободе находилось уже в 1727 году до 300 фамилий» [43, 77].

В западноевропейской литературе XVII—XVIII вв. сведения об аккинцах предельно скупы. Имя ококов (Okocke) упоминает Н. Витзен [258, 558]. Однако, судя по тексту, автор имеет в виду лишь жителей Терков. Только к 70-м годам XVIII столетия относится сообщение Гюльденштедта о дистрикте Аки (Aki) — горных аккинцах, населявших верховья р. Гехи [240, 481].

Этнографические свидетельства

Этнографические материалы, дополняющие письменные свидетельства, помогают выявить единство вайнахской этнической общности, взаимосвязь входящих в нее этносов и территориально-племенных групп, очертить территорию их расселения и т. п.

В настоящее время вайнахская этническая общность включает народы *нохчий, гIалгIай, орстхой* и *аьккхий*, этническое родство которых между собой, с точки зрения самих вайнахов, определяется весьма различно. В их представлении, все названные народы произошли от одного корня, однако имеют свои особые самоназвания и отличительные черты в языке. Несмотря на этнические различия, в наши дни нередко при общении представителей отдельных групп чеченцев, ингушей и карабулаков можно услышать выражение: «Ты — нашего народа (вайнах)», в котором в известной мере отражается древнее этническое единство этих народов.

Бóльшую часть территории Чечено-Ингушетии занимает Чечня, которая, в представлении самих чеченцев, делится на следующие области: Нохчимохк, горную

часть Ламмохк, плоскость, или внутреннюю Чечню (Чьо), и Притеречье (Терк-йисте). Соответственно этим областям разделяется и чеченское население. Иногда последнее делится лишь на две группы — горцев (*ламрой*) и равнинных жителей (*охьаранах*). Нередко именно жителей равнины в отличие от ламрой называют нохчи.

С точки зрения чеченца, к нохчо относятся жители верховьев рек Аксай (чечен. Ясси), Чеберлоя, бассейнов рек Чанты и Шаро-Аргуна, Мартан, Гехи, которая является западной границей распространения термина нохчо. К нохчий относятся также плоскостные, или внутренние, чеченцы (*чьохьаранах*). В эту группу иногда включались жители Ичкерии и надтеречные чеченцы. Все население названных территорий в сознании самих чеченцев объединяется единым самоназванием (нохчо, нохчи), единым чеченским языком (нохчимотт) и единством происхождения — из Нашаха.

Кроме деления на плоскостных и горных среди чеченцев существуют отдельные тейпы. К числу их относятся: Нохчимохк (Ичкерия), Чеберлой (ЧІаберлой), Шатой (Шуото), Шарой, Малхиста (Маьлхи) и Майсты. Обзор начну с восточного общества Чечни — Ичкерии. Как удается установить по полевым этнографическим материалам, сами чеченцы, которым термин Ичкерия неизвестен, называют эту область Нохчимохк. По мнению чеченцев, территория Нохчимохк включает верховья рек Аксай, Яман-су, Ярык-су, Хулхулау, а также верховья притоков этих рек. Граница между Чеберлоем и Ичкерией проходит около сел. Харачой, которое считается ичкеринским. С точки зрения ичкеринца, Ичкерию составляют горные тейпы: Белгатой, Билтой, Гордалой, Аллерой, Беной, Цонтарой, Эрсаной, Гуной, Курчалой, Зандак и др.

Помимо Ичкерии в горную Чечню, с точки зрения чеченца, включается Чеберлой. Это общество хорошо известно жителям не только соседней Ичкерии, но и более западных областей (Шаро-Аргун, Чанты-Аргун и др.). Границы Чеберлоя, по определению коренных жителей, проходят по Кезенойской котловине, правобережью Шаро-Аргуна и сел. Улускерт, расположенному около сел. Дуба-юрт при слиянии рек Чанты и Шаро-Аргуна. Иногда в Чеберлой включаются также территории по Шаро-Аргуну (в частности, селения Шарой,

Химой, Дай, Шикарой, Хуландой). Сами чеберлоевцы относят к Чеберлою общества Кезеной, Басо, Хиндой, Харкарой, Тундахой, Ригахой (Пхьаройэвл), Хой, Нихарой, Макажой и др. Соседнее Чеберлою чеченское население по Шаро-Аргуну условно объединяется в общество Шарой. Жители последнего, считающие себя шаройцами, иногда называются также чеберлойцами. Шаройцы занимают селения Когатой, Кесалой, Хуландой, Хачарой, Хакмадой, Шарой, Цеси и др.

Кроме Ичкерии, Чеберлоя и Шароя в состав Ламмохк'а входят тейпы, населяющие ущелье Чанты-Аргуна, названия которых прослеживаются по письменным источникам. Тейпа Шатой занимает небольшую часть ущелья, несколько выше слияния рек Чанты и Шаро-Аргуна. Между селениями Шатой и Ушкалой находятся ряд тейп, объединяемых по названию местности ЧIиннахой. Здесь же в горах располагается тейпа Дзумсой. Выше по Чанты-Аргуну расселена тейпа ЧIанти, занимающая территорию от Ушкалоя до Хильдыхароя.

Выше по Чанты-Аргуну, за тейпой ЧIанти, на р. Майстыхи (правый приток Чанты-Аргуна), расположено общество Майсты, население которого, по утверждению чеченцев, жителей Итум-кале, грузины называют кисти. В состав общества Майсты входили селения ТIуга, Пхьога, ЦIекхаьлла и др. На левом притоке Чанты-Аргуна, р. Миши-хи, располагалась Малхиста. С точки зрения чеченцев — жителей Ичкерии, Чеберлоя, по рекам Аргун, Мартан и Гехи, население Майсты и Мелхи — это нохчи. Некоторые чеченцы (например, представители тейпы ЧIанти) называют майстинцев самыми коренными нохчи. Однако приходилось слышать и другие мнения. С точки зрения чиннахойца, Майсты, расположенное на границе с Грузией, населяли не нохчи, а народ, по языку и культуре более близкий к грузинам и в прошлом исповедовавший христианство. Жители сел. Урус-Мартан население Малхисты считают нохчо, тогда как майстинцев, живших, по их мнению, между грузинами и чеченцами, называют горными христианами (ламкерста). Утверждение, что жители Майсты и Малхисты в недавнем прошлом в отличие от чеченцев были христиане, приходилось слышать также от жителей сел. Дай по Шаро-Аргуну, в сел. Рошничу и других местах Чечни. В сел. Рошничу мне говорили, что мелхи в прошлом не были нохчи. Они — потомки народа шеда-

лой (хевсуры), однако в настоящее время считают себя чеченцами. Орстхойцы считают малхистинцев особой вайнахской тейпой, не причисляемой ими ни к ночхий, ни к галгай, ни к орстхой.

Западная часть Чечено-Ингушетии, населенная ингушами, разделяется на горную и плоскостную. Горная Ингушетия включает Джерахское ущелье и ГIалгIайчьо. На плоскости сами ингуши выделяют группу назрановских селений, к которым, с их точки зрения, относятся: Назрань (Наьсаре), Наьсыр-корт, Гамурзиево (Дошлакъий юрт), Альтиево (Аьлте-юрт), Плиево (Пхьилекъонгий-юрт) [37], Экажево (Экажкъонгий-юрт) [38], Яндырка (Яндаре), Сурхохи (СурхотIе), Бурсуки (БурокIалхе) [39].

В представлении соседних чеченцев, ингуши — единый народ, который чеченцы называют самоназванием ингушей — гIалгIа(й) — и считают, что гIалгIай некогда отделились от нохчо. По мнению чеченцев, это особая тейпа, этническое родство с которой определяется выражением «Наш народ — „вайнах"». Аккинцам и карабулакам ингуши также известны под именем гIалгIай. Имя еще одной группы ингушей — *фаьппий,* видимо, известно лишь в среде самих ингушей. Во всяком случае, среди чеченцев по рекам Гехи, Мартан, Рошничу, Аргуну, а тем более еще восточнее этот термин не встречается. Фаьппий известны карабулакам (например, жителям сел. Верхний Алкун), которых они называют также *гIаппарой* (ср. *гIап* — в вайнахских языках «застава», «крепостная ограда»).

Соотношение и связь двух групп ингушского народа — гIалгIай и фаьппий — весьма отчетливо прослеживается по этнографическим материалам. Отмечу, что название фаьппий крайне редко встречается в письменных источниках и кавказоведческих трудах. Следует сказать, что и в наши дни еще сохраняется разделение ингушей на гIалгIай и фаьппий. Так, во время экспедиции 1969 г. при перечислении жителями сел. Насыр-корт своих тейп раздельно назывались галгаевские тейпы (Оздой, Тумгой, Кортой, Арчакой и др.) и фаппинские (Кулой, Горакой, Хулхой и т. п.). Однако, когда приходилось уточнять разницу между названными группами,

---

[37] Т. е. село сыновей Пхьиле.
[38] Т. е. село сыновей Экажа.
[39] Т. е. село, лежащее под священным холмом.

обычно указывалось, что и фаьппий и гIалгIай—ингуши народ, говорящий, на одном языке. Но только гIалгIай жили высоко в горах, а фаьппий — несколько ниже их в Джерахском ущелье[40].

Путем расспроса местных жителей в ряде ингушских селений удалось выявить территорию расселения групп гIалгIай и фаьппий и установить границы распространения этих терминов. Галгаи занимают территорию верховьев Ассы, ее верхних притоков, а также некоторые горные территории по Джерахскому ущелью (р. Армхи). Сел. Хули, считаясь фаппинским, служило верхней границей с галгаевцами. По мнению самих фаппинцев, их территория, включая ущелье Джерахой, от Мецхалойшахар продолжается до Хамхой. В Мецхалой, т. е. Мецхальское общество, входят селения Харпи, Бейни, Гоуст, Фалхи, Мецхал, Эрзи, ОльгетIе, Лежги, Обин, Салги, Лейлах, Шуани. Жителей последнего местное население называет хевсурами, некогда переселившимися из-за гор.

За сел. Хули начиналась страна галгаев. Местность, объединяющая селения Эгикал, Хамхи и Таргим, известна среди ингушей под названием *кхо кхаьле,* т. е. «три селения», или ГIалгIайчьо. Ингуши, живущие ниже ГIалгIайчьо, жителей этой области называют *кхокхаьллой,* что, по объяснению самих ингушей, означает «настоящие ингуши». Таким образом, для обозначения галгаевцев среди ингушей известны три названия: *гIалгIай, хамхой* и *кхокхаьллой.* Страна галгаев включает два общества — Хамхи (селения Эгикал, Таргим, Пуй, Хамхи и др.) и Цори. Кроме того, галгаевские фамилии живут в некоторых населенных пунктах Джерахского ущелья — в селениях Джерах, Пхьамет (Нижний Джерах), Верхнее и Нижнее Озьми, Фуртоуг.

В связи с разделением ингушей на две группы встречались представления, что фаьппий и гIалгIай, как нохчий, орстхой и аьккхий, представляют собой отдельные тейпы, говорящие на одном, понятном друг другу языке. Однако до сих пор весьма отчетливо, особенно среди жителей горных селений, прослеживаются различия между гIалгIай и фаьппий: галгаевец никогда не скажет, что он фаьппи, тогда как фаьппи может назвать себя

[40] По представлению некоторых ингушей, их страна состоит из грех областей: Хамхишахар, Таргимшахар и Фаьппишахар.

гIалгIа. В известной мере в этом разделении сказывались различия не только территориальные, но и, видимо, социального порядка, хотя этноязыковых отличий в настоящее время между этими группами не наблюдается. Различия социального характера нередко выражались в том, что ингуши называли гIалгIай более «высокородной» тейпой (фамилией). В известной мере это подтверждается и ингушским преданием, записанным мною в сел. Долаково в 1970 г. от А. Даурбекова (1880 года рождения): «Собрались как-то все ингуши на *мехк кхел*[41] в местности трех крестов *(кхо джартIе)*, чтобы решить, кто же из них более высокое сословие, а кто более низкое. И постановили, что за убийство одного галгаевца следует убивать двух фаппинцев». С подобной точкой зрения на галгаевцев как более высокую тейпу приходилось встречаться среди фаьппий жителей сел. Ольгеты, которые называли горных ингушей («народ Хамхой») первыми среди ингушей. Жители сел. Джерах считают галгаевцев более сильным по сравнению с фаппинцами племенем, но при этом признают этническую общность обеих групп, так как они «люди одного языка».

Как уже отмечалось, с группой фаьппий этногенетически связаны бацбийцы. По представлениям чеченцев, бIацой в прошлом, как нохчий, гIалгIай, орстхой и аьккхий, были вайнахской тейпой, но постепенно они отошли от вайнахов. В настоящее время многие чеченцы не считают бIацой родственной тейпой, поскольку, по их мнению, бацбийцы перестали быть мусульманами. Более других вайнахов свое родство с бацбийцами признают жители Джерахского ущелья, называющие бIацой также фаьппий. Кроме этого имени среди джераховцев для обозначения бацбийцев известен еще термин *цIой-бIацой*. ЧIагIма-тушины называются *туш-бIацой*[42].

Несколько иначе характеризуют бацбийцев галгаевцы. По их мнению, фаьппий, живущие за хребтом в Грузии, родственны хевсурам. Галгаевцы, жители плоскостных селений Ингушетии, признают бацбийцев гру-

---

[41] Совет страны [см. 203а, 199—207].

[42] По мнению Х. Д. Ошаева, туш-бIацой связывается с именем богини плодородия Тушоли, цIой-бIацой — с именем божества цIу, которому поклонялись цова-тушины.

зинами-христианами. Карабулаки, входящие в тейпу ЦIечой, также сближают бацбийцев с грузинами. Различия между бIацой и остальными вайнахами значительно более ощутимы, чем между чеченцами и ингушами. Меньшая часть чеченцев сближает бацбийцев с нохчий. Так, среди чантийцев встречается мнение, что народ бIацой состоит из двух тейп — грузинской и вайнахской. «Первые говорят на чужом языке, вторые — на нашем (ваймотт), и это наш народ (вайнах)».

В среде вайнахов помимо нохчий и гIалгIай по этнографическим материалам выделяются орстхойцы и аккинцы. Термин орстхой в настоящее время довольно широко известен по всей Чечено-Ингушетии. Второе имя народа — карабулаки,— зафиксированное в источниках, почти незнакомо ни самим карабулакам, ни ингушам и чеченцам. Цечоевцы, составляющие одну из орстхоевских тейп, в 1970 г. рассказывали мне: «Мы называем себя орстхой, а другие народы, за исключением нохчий и гIалгIай, среди которых мы также известны как орстхой, зовут нас карабулаками. Ингушами нас никто не считает, хотя под этим именем мы записаны в паспортах». Среди части чеченцев (ичкеринцев) карабулаки известны под именем *балой*. Сами орстхойцы сближают себя с нохчий, с которыми, по их мнению, они представляли один народ, позднее разделившийся.

Этнографические материалы показывают, что термин *орстхой (аршхой)* среди чеченцев и ингушей имеет два значения: первое (среди ингушей и части чеченцев) — обозначение реального народа, второе (среди восточных чеченцев) — название легендарных нарт-орстхойцев (преимущественно среди населения Ичкерии и Чеберлоя). Знание орстхойцев как реального народа более характерно для населения к западу от Аргуна. В Восточной Чечне нередко приходилось встречаться с мнением, что орстхойцы — это народ, отличный от нохчий и населявший эти территории до прихода чеченцев из Нашаха. С таким представлением приходилось встречаться в селениях Хой, Харачой и др. По рассказам хойцев, в их селении прежде жили орстхойцы (нарт-орстхойцы), потомками которых считают себя жители Хоя. По преданию, орстхойцы жили также возле сел. Харачой (Ичкерия). В представлении харачойцев, это были огромные богатыри, немусульмане и разговаривали они не по-вайнахски. Пришедший к ним из Наша-

ха Бойкуш женился на дочери орстхойца. От одного из его сыновей и произошли харачоевцы. Абдул-Вахаб Исламов (1870 года рождения), рассказавший это предание, отметил, что других орстхойцев он не знает.

Территория Аргуна, видимо, может считаться той областью, где встречаются различные мнения об орстхойцах. По одним представлениям, это реальный народ, по другим — легендарные богатыри. Так, в сел. Джангулда (по Шаро-Аргуну) приходилось слышать, что орстхойцы — это особая чеченская тейпа. В этом же селении 140-летним Умаром Багаловым было рассказано предание о легендарных орстхойцах, в прошлом живших недалеко от сел. Химой. Однако в рассказе Багалова эти легендарные орстхойцы были настолько реальным народом, что он связывал с ними ряд сравнительно недавних событий. Так, Умар Багалов рассказал, что при его деде шаройцы изгнали из Химоя живших там орстхойцев, акшуройцев и цIадахарцев (дагестанцев) и будто потомков этих орстхойцев немало живет в Чечне.

Представления об орстхойцах как о легендарном народе меняются с продвижением на запад. Например, чеченцы, живущие по Чанты-Аргуну, относят орстхойцев к нохчий, а жители по р. Мартан сближают их с ингушами. Среди ингушей понятия об орстхойцах как реальном народе вполне ясны. Так, жители Назрани считают, что орстхой — это население Сагопша [43]. К орстхойцам ингуши относят фамилии Мужихоевых, Мержоевых, Боковых, Цечоевых и др.

Среди ингушей известна также точка зрения, по которой орстхойцы — это самостоятельный народ, но язык которых близок к чеченскому. По представлению жителей сел. Ольгеты, орстхой — это реальный народ, родственный аккинцам и малхистинцам, но не галгаевцам. Сохранившееся до наших дней среди западных вайнахов понятие об орстхойцах как своего рода «военной касте» в известной мере отражает реальную историю орстхойского народа. Их башни, построенные в верховьях р. Фортанги, считались наиболее совершенными постройками. Эти народные представления находят свое

[43] Сел. Сагопш населяют карабулаки, в 70-х годах XIX в. вернувшиеся из Турции, куда они переселились после окончания Кавказской войны.

подтверждение и в исторических источниках. В описании Кавказской губернии А. М. Буцковского (1812 г.) сказано, что в обязанности карабулакских выходцев, поселившихся «на вершинах рек Акташа и Ямансу», входило поставлять кумыкам отряды воинов [88, 243].

В качестве самостоятельного, хотя и родственного, народа вайнахи из своей среды выделяют аккинцев (аьккхий). По мнению многих чеченцев (жителей по рекам Чанты-Аргун и Мартан), аккинцы — это нохчий, хотя и имеют некоторые отличительные черты. Областью обитания горных аккинцев признается Аьккхи, Бавла, Ялхорой. С чеченцами сближают горных аккинцев также ингуши, считающие аккинскими областями не только Ялхорой, но также Майсту и Малхисту. Территориальная близость аккинцев и орстхойцев создала известную путаницу в определении племенной принадлежности населения части горных районов по Гехи и Фортанге. Так, некоторые галгаевцы называют аккинцами цечоевцев. Сами цечоевцы в иных случаях относят тейпы Цечиахк, Мержой и Ялхорой к аккинцам. В то же время, по мнению карабулаков, некоторые аккинцы называют себя орстхой. Чаще, однако, встречалось мнение, согласно которому орстхоевцы, как нохчий и гIалгIай, отдельные тейпы. Иногда чеченцы, не относя аккинцев к нохчи, считают их постоянными и давними жителями этих гор.

Население Восточной Чечни знает лишь восточных (равнинных) аккинцев, как пограничных с ними жителей. Плоскостные аккинцы в настоящее время населяют шесть селений Дагестанской АССР и называют себя *аьккхи(й)* или *арара аьккхи(й)*, т. е. плоскостные аккинцы, тем самым отличая себя от *ламаьккхи(й)* — горных аккинцев. С точки зрения ичкеринца, аккинцы — это чеченцы, но пришедшие не из Нашаха, и язык их отличается от чеченского. Чеберлоевцы знают две группы аккинцев — горных и плоскостных — и считают их нохчий. Таким образом, по народным представлениям, аккинцы более всего сближаются с карабулаками и чеченцами, но имеют особое самоназвание.

Соседнее вайнахам население различает в их среде лишь чеченцев и ингушей и в большинстве случаев не знает аккинцев, карабулаков и бацбийцев. Исключение составляют лишь территориально близкие к последним группы кумыков, аварцев, даргинцев и грузин, которым

известны плоскостные аккинцы и бацбийцы. Однако и сами чеченцы и ингуши более знакомы соседним кабардинцам, осетинам, аваро-андийцам и неизвестны адыгейцам, абазинам, народам Южного Дагестана. Значительная часть этнонимов, используемых народами Дагестана и Северного Кавказа для обозначения восточных вайнахов, представляет собой варианты имени *чеченцы:* осетинское *цацан,* кабардинское *шэшэн,* аварское и чамалальское *чечанал,* ботлихское *чачанал,* годоберинское *чачан,* каратинское *чачанади,* багулальское *чачанадилу хеква* («чеченский человек»), тиндийское *чачанаду хеква,* дидойское *чачанази.* Другую группу составляют этнонимы, видимо более древние по своему характеру. Таковы кумыкское название чеченцев *мычыгъыш,* аварское *буртиал,* андийское *бутрул,* даргинское *мичихичлан.* Название ингушей среди дагестанских народов неизвестно. Однако Н. Я. Марром среди аварцев был записан термин *галгайал,* а среди андийцев — *галгайол* и *насриал* [148, 33], вероятнее всего попавшие в аварский язык от соседних чеченцев. Значительно лучше ингуши известны своим западным соседям — осетинам, которые называют их *мœхъœлон*[44], и кабардинцам, именующим ингушей *мыщхъыш.* Помимо термина мыщхъыш в кабардинском языке, особенно среди населения Большой Кабарды, получил распространение этноним *ингуш.*

* * *

Изложенные в главе материалы показывают, что существующие в настоящее время вайнахские этно-племенные названия не имеют аналогий в этнической номенклатуре, известной нам по письменным свидетельствам античного и раннесредневекового времени: Исключение составляет этноним дурдзук, отраженный в источниках IX—XI вв., который, судя по сообщениям авторов

[44] Этот термин происходит от осетинского названия р. Армхи-Макалдон. А. Н. Генко предлагает интересное сопоставление термина мœхъœлон с названием Гудамакарского ущелья, которое, по его мнению, состоит из двух слов: *гудан* и *макар.* Первое — имя, которым осетины в настоящее время зовут тушин [62, 710]. Второе слово представляет собой измененное *мœхъœл.* «Если признать возможным сопоставление гудамакар с макал,— пишет далее А. Н. Генко,— то отсюда последует вывод о распространении ингушских поселений на южные склоны Кавказских гор в Гудамакарском ущелье» [62, 709, 710].

того времени, видимо, следует увязывать с вайнахской этнической общностью и который известен еще в источниках начала XIX в. Лишь источники XIII—XIV вв. впервые фиксируют этнонимы, вполне четко согласующиеся с чечено-ингушскими этнонимами последующих эпох.

Однако довольно позднее появление в источниках вайнахских этно-племенных названий еще не означает, что этногенетический процесс протекал в более позднее время. Формирование вайнахской этнической общности уходит в глубь веков и, видимо, если учитывать косвенные свидетельства топонимии, языка, мифологии, происходило на более широкой территории, включая некоторые области южных склонов центральной части Кавказского хребта. Многообразные политические и этнические процессы, происходившие в этих районах на протяжении веков, привели к изменению этнической территории вайнахов. Это обстоятельство необходимо учитывать в поисках древних чечено-ингушских этнонимов и не исходить из более поздних этнических границ этих народов.

В наши дни в современной этнической номенклатуре вайнахов сохранились все этно-племенные названия, известные нам по письменным свидетельствам XIII—XVIII вв. Это касается также многочисленных тейповых названий чеченцев, карабулаков, аккинцев. Не исключено, что такого рода названия, четко прослеживаемые и в настоящее время, отражают древнее племенное деление вайнахских народов, хотя сейчас характер этих образований территориально-локальный.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенные в данной работе материалы еще раз подтверждают тезис о многообразии этнического состава населения Северного Кавказа — явлении, выделяющем этот регион среди многих других, причины которого следует искать как в особенностях этногенетических процессов на его территории, так и в особенностях развития самой этнонимии. Последнее предполагает, в частности, существование в качестве имен одного этноса нескольких этнонимов, включающих самоназвание народа, названия его племенных и локальных групп, а также этнонимы, возникающие в среде соседнего населения.

Письменные источники и этнографические материалы, используемые в исследовании, дают возможность сопоставлять и согласовывать древние и современные этнонимы, детально изучать процессы их развития. Выясняется, например, что формирование современной этнической номенклатуры Северного Кавказа — длительный процесс, протекавший в различные исторические эпохи: в античное время уходят корни некоторых адыгских, абазинских и осетинских этнонимов; в раннее средневековье становятся известными новые имена, этнически связываемые с вайнахами, осетинами, адыгами; к позднему средневековью относится появление в источниках множества вайнахских, адыгских, карачаево-балкарских и ногайских этно-племенных названий. В XVIII—XX вв. происходят значительные изменения в северокавказской этнонимии. Так, термин осетины, появившись не ранее конца XVII — начала XVIII столетия, стал общим названием иронцев и дигорцев; имя балкарцы лишь в советское время стало национальным именем всего тюркоязычного населения Кабардино-Балкарии.

Этнонимы, обладая большой устойчивостью и нередко сохраняясь на протяжении десятков веков, тем не менее тесно связаны с конкретной исторической эпохой, в условиях которой живет и развивается данный народ. Изменения в политической, социально-экономической и этнической обстановке Северного Кавказа или его отдельных областей всегда влекли за собой появление новых национальных имен, исчезновение старых или изменение их реального содержания. Таким образом, для этнонимии характерна тесная связь с исторической обстановкой, в которой развивается этнос. Однако далеко не всегда названные категории (этнос и этнонимия) обнаруживают этническое (точнее, лингвистическое) единство. Кавказоязычные адыги именуются термином черкес, видимо тюркским по своей природе, тюркоязычные балкарцы и карачаевцы — иранскими ас и алан и т. п. Это касается не только этнонимов, возникающих вне среды данного народа, но и внутри его, как это имеет место, например, среди осетин, называющих себя дыгорон и ирон — терминами, кавказскими по своей лингвистической природе.

Как уже отмечалось, этногенетические связи древних и современных этнонимов не всегда служат подтверждением подобных связей этносов, соотносимых с этими этнонимами. И еще одно важное обстоятельство. Сравнительно позднее появление в источниках этнонимии какого-либо народа и отсутствие аналогий в древней этнической номенклатуре современным этнонимам не могут служить подтверждением раннего или позднего оформления этноса — носителя этих имен. Например, древние термины асиáг и алани, в наши дни относящиеся к карачаево-балкарскому этносу, конечно, не могут говорить о древнем оформлении последнего, так как другие данные устанавливают, что формирование карачаево-балкарского народа происходило в позднее средневековье. Наоборот, самоназвание чеченцев нохчо (нохчи), возникшее, видимо, не ранее XII—XIII вв.[1],

[1] Представляется, что предположение о возникновении термина нохчи не ранее XII—XIII вв. подтверждается не столько неупоминанием его в источниках до начала XIV в., сколько оформлением чеченского слова *нах* — «народ» тюркским суффиксом *-чи*, что, вероятнее всего, могло произойти не ранее XII—XIII вв.— периода активного проникновения в эти районы тюркоязычных элементов (кипчаки, татаро-монголы).

соотносится, однако, с одним из древнейших этнических коллективов Кавказа.

Этнонимы и племенные названия нередко играют немалую роль в выяснении отдельных моментов этнической, а иногда и политической и социальной истории северокавказских народов. Так, этнонимы ингуш и чеченец указывают на факт активного передвижения этих народов на плоскость особенно в XVII—XVIII вв.; термины ас и алан — мегрельское и осетинское название карачаевцев и балкарцев — наталкивают на предположение о наличии ираноязычного субстрата в тюркоязычном этносе; имя савиар (сванское название осетин) также говорит о том, что территория, населенная в настоящее время тюркоязычными и ираноязычными народами, в древности была занята одним народом, имя которого сохранилось в современном языке сванов. Привлекая в этногенетических исследованиях данные этнонимии, следует, однако, помнить, что правильное использование этих данных возможно лишь с учетом всего комплекса исторических источников.

ЭТНОНИМЫ НА ЯЗЫКАХ НАРОДОВ КАВКАЗА

(по этнографическим материалам)

Народ	по-адыгейски	по-кабардински	по-абазински	по-абхазски	по-свански	по-грузински	по-карачаевски
Адыгейцы	адыгэ	адыгэ	адыгьа	аедыг азыху	кашаг	черкези	черкесли
Кабардинцы	къэбэртай къэрбэтэй адыгэ	къэбэрдей адыгэ	къабардэй	аедыг	кашаг	кабардоели	къабартылы
Черкесы	—	шарджэс	адыгьа къабардэй	ачеркес	кашаг	—	черкесли
Абазины	абадзэ	абазэ	абаза	ашэуа	—	—	абазалы
Абхазы	азыгъэ	абазэ абхаз	абхаз ашвуа	апсуа	мӣпхаз	абхази	хачипслы
Сваны	курджы	сонэ	—	ашэануа	мушван	свани	эбзели
Балкарцы	—	бэлкъэр, къущхьэ	балкъар	—	мусâв	—	таулу, малкъарлы, бызынгылы, чегемли, холамлы, орусбийлы
Карачаевцы	—	къэрэшей къущхьэ	къарачай къэрчэ	акарач	мукрчаи овси	—	къарачайлы

Ногайцы	нэгъой	нэгъуей	нагIвай нагъуэй	—	—	—	ногъайлы
Осетины	осетин	осетин къущхьэ, къущхьэ	асатин	ауапс	осил мусâв	оси	тегъейли дюгерли
Ингуши	—	мыщхъыш ингуш	ингвыщ	—	—	галга ингуши кисти	—
Чеченцы	—	шэшэн	чачан	—	—	чечени кисти	—
Дагестанцы	къумыкъу	гуэбэшы	къвмыкъв		лак	леки	къумукълу
Кумыки	къумыкъу	къумыкъу	—	—	—	—	къумукълу
Аварцы	—	—	—	—	—	—	къумукълу
Грузины	курджы	курджы гурзин сонэ	грузин гурзин	акыртуа	мыкäрт	картвели	малгарлы уриялы гюрджюлю
Армяне	ермэлы армяне	ермэлы	армэлы армяне		сомех	сомехи	ерменли
Азербайджанцы	—	—	—	—	—	татари	тюркли къзджарлы

ЭТНОНИМЫ НА ЯЗЫКАХ НАРОДОВ КАВКАЗА

(по этнографическим материалам)

Народ	по-балкарски	по-ногайски	по-осетински	по-ингушски	по-чеченски	по-аварски	по-даргински
Адыгейцы	кубан-черкес	шеркеш адыгей	кœсœг кœсгон	черси	черказо	—	чIеркIес чергес
Кабардинцы	къабартылы	къабарты	кœсœг кœсгон	гIаьбарто	гIеберто		чергес чIеркIес
Черкесы	черкесли	шеркеш	кœсœг кœсгон	черси	черказо	—	чIеркIес
Абазины	—	абзза аваза	—	—	—	—	—
Абхазы	—	абхаз	—	—	—	—	—
Сваны	тау-эбзе	—	суайнаг сари	—	малхаро	—	—
Балкарцы	таулу, малкъарлы, бызыннгылы, холамлы, чегемли, орусбийлы	малкъар	асиаг œссон балхъайраг	—	—	—	—
Карачаевцы	къарачайлы	къарашай; тавлы къарашай	хъœрœсей—аг, Устур-Аси	—	—	—	—

Ногайцы	ногъайлы	ногъай шынты ногъай	ногайаг	ногIи	ногIи		
Осетины	дюгерли таули	осетин	ирон дыгорон	хIири	хIири	хириол	асатIин
Ингуши	—	ингуш	мæхъæлон	гIалгIа	гIалгIа	галгайал насриал	—
Чеченцы	—	шешен	цœцœйнаг	нохчо нохчи	нохчо нохчи	бутурул буртиял чачанал чачанади	мичихичлан чачен
Дагестанцы	къумукълу	кумык	хъумыхъ	сúле	суьйли*	—	—
Кумыки	къумукълу	тавлы	—	гIумке	гIумки	лъагIидо	къумухълан
Аварцы	—	тавлы	—		джIай мелардо	хунз магIарулал	кьарахъан
Грузины	гуржи эбзе	грузин	гурзиаг	гуржи	гуьрже**	гуржиал гуржиди	гуржи
Армяне	ерменли	ермели	сомихаг	эрмало	эрмало		эрмалан
Азербайджанцы	къажарли	—	—	—	гIезало	падарал хIамшари	къажар

* Среди дагестанских народов чеченцам также известны следующие локальные группы: андийцы (*Iандо*), лакцы (*гIаз-гIумки*), даргинцы (*окшо, цIадахьаро*), дидойцы (*цIунто*), кайтаго-табасаранцы (*хьайдакхо*).

** Среди грузин чеченцам известны также следующие локальные группы: мохевцы (*бейно*), пшавы (*шуо*), хевсуры (*пхо*).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Архивные материалы

1. «Архив Института этнографии АН СССР», ф. 8, д. 25, 27, 30, 31.
2. «Государственный архив Краснодарского края», ф. 249, оп. 1, д. 3028.
3. Государственный Исторический музей. Отдел картографии, ГО 2985, Карта Кавказа 1834 г.
4. «Рукописный отдел Государственной библиотеки имени В. И. Ленина», ф. 169, к. 81, д. 3, 7.
5. «Центральный государственный архив древних актов», ф. 121, 1640 г., д. 2; ф. 192 (Карты Кавказа), № 31.
6. «Центральный государственный военно-исторический архив», М., ф. ВУА, д. 6715.
7. «Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР», ф. 1083, оп. 2, д. 564.

Источники и пособия на русском языке

8. Абаев В. И., Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I, М.—Л., 1958.
9. Абаев В. И., Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке,— в кн.: «Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов», Нальчик, 1960.
10. Абаев В. И., Осетинский язык и фольклор, I, М.—Л., 1949.
11. Абаев В. И., Скифо-европейские изоглоссы на стыке Востока и Запада, М., 1965.
12. Абаев В. И., Этноним «хазар» в языках Кавказа,— ИСОНИИ, 1968, т. XXVII. Языкознание.
13. А.-Д.Г., Очерк горских народов Правого крыла Кавказской линии,— «Военный сборник», СПб., 1860, т. XI.
14. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, т. I—XII, Тифлис, 1866—1904.
15. Алексеева Е. П., Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии (Вопросы этнического и социально-экономического развития), М., 1971.
16. Алексеева Е. П., Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI—XVII вв., Черкесск, 1957.
17. Алироев И. Ю., Кистинский диалект чеченского языка,— ИЧИНИИ, 1962, т. III, вып. 2. Языкознание.
18. Аммиан Марцеллин, История, вып. II, пер. Ю. Кулаковского, Киев, 1908.

19. Анна Комнина, Алексиада, М., 1965.
20. Аннинский С. А., Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе,— «Исторический архив», III, М.—Л., 1940.
21. Анчабадзе З. В., Из истории средневековой Абхазии (VI—XVII вв.), Сухуми, 1959.
22. Анчабадзе З. В., История и культура древней Абхазии, М., 1964.
23. Аристов Н. А., Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности,— «Живая старина», вып. 3 и 4, СПб., 1896.
24. «Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII—XIV вв.». Пер. с древнеармянского, предисл. и прим. А. Г. Галстяна, М., 1962.
25. Арсаханов И., Аккинский диалект в системе чечено-ингушских языков, Грозный, 1959.
26. Артамонов М. И., История хазар, Л., 1962.
27. Аутлев М. Г. и Лавров Л. И., Прошлое и настоящее Шовгеновского аула,— в кн.: «Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области», М.—Л., 1964.
28. Ахвердов А. И., Описание Дагестана. 1804 г.,— в кн.: «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы», М., 1958.
29. Ахведиани Г., Сборник избранных работ по осетинскому языку, кн. I, Тбилиси, 1960.
30. «Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в.». Вступ. статьи, подготовка текста, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской, Л., 1971.
31. Баскаков Н. А., Ногайский язык и его диалекты, М.—Л., 1940.
32. Бгажба Х. С., Некоторые вопросы этнонимики и топонимики Абхазии,— «Труды Абхазского научно-исследовательского ин-та языка, литературы и истории», Сухуми, 1956, т. XXVII.
33. Белокуров С. А., Акты времени Лжедимитрия 1-го,— ЧтОИДР, книга первая, М., 1918.
34. Белокуров С. А., Поездка старца Арсения Суханова в Грузию (1637—1640),— «Христианское чтение», СПб., 1884.
35. Белокуров С. А., Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадианскую землю (1639—1640 гг.),— ЧтОИДР, кн. вторая, М., 1887.
36. [Белокуров С. А.], Сношения России с Кавказом,— «Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел С. А. Белокуровым», вып. I, 1578—1615 гг., М., 1889.
37. Березин И., Нашествие Батыя на Россию,— ЖМНП, май, СПб., 1855.
38. Берже А., Краткий обзор горских племен на Кавказе,— «Кавказский календарь на 1858 год», Тифлис, 1858.
39. [Броневский С.], Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским, ч. II, М., 1823.
40. Брун Ф., Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря,— ЗООИД, 1875, т. IX.
41. Брун Ф., Черноморье,— «Сборник исследований по историче-

ской географии Южной России (1852—1877)», ч. II, Одесса, 1880.
42. Будагов Л., Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I—II, СПб., 1869—1871.
43. Бутков П. Г., Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год, ч. 1, СПб., 1869.
44. Ванеев З. Н., Средневековая Алания, Сталинир, 1959.
45. Вахушти, География Грузии,— ЗКОРГО, 1904, кн. XXIV, вып. 6.
46. Вертепов Г., Ингуши. Историко-статистический очерк,— «Терский сборник», кн. 2, Владикавказ, 1892.
47. [Весела Зденка]. Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в.,— в кн.: «Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы», II, М., 1969.
48. Веселовский А. Н., Несколько географических и этнографических сведений о древней России из рассказов итальянцев,— «Записки Русского Географического общества» (по отделению этнографии), т. 2, СПб., 1869.
49. Виноградов В. Б., Сарматы Северо-Восточного Кавказа, Грозный, 1963.
50. Виноградов В. Б. и Марковин В. И., Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР, Грозный, 1966.
51. Виноградов В. Б., Чокаев К. З., Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен,— «Археолого-этнографический сборник», ИЧИНИИ, 1966, т. VII, вып. 1. История.
52. Волкова Н. Г., Вопросы двуязычия на Северном Кавказе,— СЭ, 1967, № 1.
53. Волкова Н. Г., О расселении чеченцев и ингушей в первой половине XIX века,— «Археолого-этнографический сборник», ИЧИНИИ, 1966, т. VII, вып. 1.
54. «Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию», М., 1864.
55. Гаглойти Ю. С., Аланы и вопросы этногенеза осетин, Тбилиси, 1966.
56. Гамрекели В. Н., Двалы и Двалетия в I—XV вв. н. э., Тбилиси, 1961.
57. [Гамрекели В. Н.], Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в., Тбилиси, 1968.
58. Ган К. Ф., Опыт объяснения кавказских географических названий,— СМОМПК, 1909, вып. XL.
59. Ган К. Ф., Путешествие в Кахетию и Дагестан (летом 1898 г.),— СМОМПК, 1902, вып. XXXI.
60. Гарданов В. К., Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.), М., 1967.
61. Генко А. Н., Абазинский язык, М., 1955.
62. Генко А. Н., Из культурного прошлого ингушей,— «Записки Коллегии востоковедов при Азнатском музее Академии наук СССР», т. V, Л., 1930.
63. Генко А. Н., О языке убыхов,— «Известия АН СССР», Л., 1928, VII серия, отд. гуманитарных наук.
64. Гербер И.-Г., Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г.,— в кн.: «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.», М., 1958.

65. Гавани Ксаверио, Описание Черкесии. 1724,— СМОМПК, 1893, вып. XXVII.
66. Гольденберг Л. А., Федор Иванович Соймонов (1692—1780), М., 1966.
67. Грабовский Н. Ф., Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа,— ССКГ, 1870, вып. III.
68. Далгат Б. К., Страничка из северокавказского богатырского эпоса,— «Этнографическое обозрение», М., 1901, № 1.
69. Дешериев Ю. Д., Бацбийский язык, М., 1953.
70. Дешериев Ю. Д., Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов, Грозный, 1963.
71. Джавахишвили И. А., Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи,— ВДИ, 1939, № 4.
72. Джанашвили М., Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России,— СМОМПК, 1897, вып. XXII.
73. Джанашвили М. Г., «Картлис Цховреба» — «Жизнь Грузии»,— СМОМПК, 1905, вып. XXXV.
74. Дирр А. М., Современные названия кавказских племен,— СМОМПК, 1909, вып. XL.
75. Дирр А., Список имен,— СМОМПК, 1915, вып. XLIV.
76. Етишэ, О Вардане и войне армянской. Пер. с древнеармянского акад. И. А. Орбели. Подготовка к изданию, предисл. и прим. К. Н. Юзбашяна, Ереван, 1971.
77. Ельницкий Л. А., Комментарии,— ВДИ, 1949, № 2.
78. Еремян С. Т., Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов. По Tabula Peutingeriana,— ВДИ, 1939, № 1.
79. Заходер Б. Н., Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв., М., 1962.
80. Закарий Канакерци, Хроника. Пер. с армянского, предисл. и коммент. М. О. Дарбинян-Меликян, М., 1969.
81. Зубарев Дм., О народонаселении за Кавказом,— «Русский вестник», 1842, № 5—6.
82. Иваненков Н. С., Горные чеченцы. Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области,— «Терский сборник», Владикавказ, 1910, вып. VII.
83. Инал-Ипа Ш. Д., Об абхазо-адыгских этнографических параллелях,— УЗАНИИ, 1965, т. IV. История и этнография.
84. Инал-Ипа Ш. Д., Страницы исторической этнографии абхазов (Материалы и исследование), Сухуми, 1971.
85. «История Агван Моисея Каганкатваци, писателя X века», СПб., 1861.
86. «История Армении Моисея Хоренского», М., 1893.
87. «История Армении Фавстоса Бузанда», Ереван, 1953.
88. «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы», М., 1958.
89. «История и восхваление венценосцев», Тбилиси, 1954.
90. «История Осетии в документах и материалах (с древнейших времен до конца XVIII в.)». Сост. Г. Д. Тогошвили и И. Н. Цховребов, Цхинвали, 1962.
91. «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. Документы и материалы», т. I. XVI—XVII вв.; т. II, XVIII в., М., 1957.

92. Каждан А. П., К истории византино-кавказских связей на рубеже XI и XII веков,— «Историко-филологический журнал», 1(36), Ереван, 1967.
93. Какабадзе С. С., Грузинские документы Института народов Азии АН СССР, М., 1967.
94. Калоев Б. А., Ингуши,— в кн.: «Народы Кавказа», т. I, М., 1960.
95. Калоев Б. А., Осетины (Историко-этнографическое исследование), М., 1967.
96. Камараули А. Я., Хевсурия. Очерки, Тифлис, 1929.
97. Каменев Н. Л., Бассейн Псекупса,— газ. «Кубанские войсковые ведомости», Екатеринодар, 1867, № 5.
98. Караулов Н. А., Болкары на Кавказе,— СМОМПК, 1908, вып. XXXVIII.
99. Караулов Н. А., Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении, Адербейджане,— СМОМПК, 1901—1908, вып. XXIX—XXXVIII.
100. «Карта Черкесских берегов», [б. м.], 1830.
101. Керашева З. И., Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка, Майкоп, 1957.
102. Кипшидзе Д. А., Житие Прохора, муч. Луки и муч. Николая Двали,— «Известия Кавказского историко-археологического института в Тифлисе», т. II, Л., 1917—1925.
103. «Книга Большому Чертежу», М.—Л., 1950.
104. Коджесау Э. Л., Некоторые пережитки родового быта у адыгейцев в XIX в.,— «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук», М., 1964.
105. Козин С. А., Сокровенное сказание. Монгольская хроника. 1240 г., М.—Л., 1941.
106. Коков Дж. Н., Кабардинские географические названия. Краткий словарь, Нальчик, 1966.
107. Кононов А. Н., Родословная туркмен. Сочинения Абу-л-Гази, хана хивинского, М.—Л., 1958.
108. Константин Багрянородный, Об управлении государством,— «Известия Государственной Академии истории материальной культуры», М.—Л., 1934, вып. 91.
109. Кордт В. А., Материалы для картографии России, вып. I—III. Киев, 1899—1910.
110. Корнелий Тацит, Сочинения, том второй. История, Л., 1969.
111. «Корпус боспорских надписей», М.—Л., 1965.
112. Крачковский И. Ю., Турецкий первопечатник Ибрахим Мутафаррика и его работы по географии,— «Тюркологический сборник», I, М.—Л., 1951.
113. Крупнов Е. И., Древняя история Северного Кавказа, М., 1960.
114. Крупнов Е. И., К истории Ингушии,— ВДИ, 1939, № 2/7.
115. Крупнов Е. И., Средневековая Ингушетия, М., 1971.
116. Кузнецов В. А., Аланские племена Северного Кавказа,— МИА, 1962, № 106.
117. Кулаковский Ю. А., Аланы по сведениям классических и византийских писателей, Киев, 1899.
118. Кулаковский Ю. А., Карта Европейской Сарматии по Птолемею, Киев, 1899.

119. Куник А., О записке готского топарха,— «Записки Императорской Академии наук», т. 24, СПб., 1874.
120. Кушева Е. Н., Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI — 30-е годы XVII в., М., 1963.
121. Лавров Л. И., Абазины,— в кн.: «Кавказский этнографический сборник», I, М., 1955.
122. Лавров Л. И., Адыги в раннем средневековье,— в кн.: «Сборник статей по истории Кабарды», Нальчик, 1955, вып. 4.
123. Лавров Л. И., Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев,— в кн.: «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований», М., 1959.
124. Лавров Л. И., Из поездки в черноморскую Шапсугию летом 1930 г.,— СЭ, 1936, № 4—5.
125. Лавров Л. И., Исчезнувшее адыгское племя собай,— «Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института», Ставрополь, 1970, вып. VI (серия историческая).
126. Лавров Л. И., Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в.,— в кн.: «Кавказский этнографический сборник», М., 1969, IV.
127. Лавров Л. И., К истории бжедугов и жанеевцев,— УЗАНИИ, 1965, т. IV. История и этнография.
128. Лавров Л. И., Нашествие монголов на Северный Кавказ,— «История СССР», 1965, № 5.
129. Лавров Л. И., «Обезы» русских летописей,— СЭ, 1946, № 4.
130. Лавров Л. И., Происхождение балкарцев и карачаевцев,— КСИЭ, 1959, вып. XXXII.
131. Лавров Л. И., Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории,— СЭ, 1956, № 1.
132. Лавров Л. И., Расселение сванов на Северном Кавказе до XIX в.,— КСИЭ, 1950, вып. IX.
133. Лавров Л. И., Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках, ч. II. Надписи XVIII—XX вв., М., 1968.
134. Лавров Л. И., Этнографический очерк убыхов,— УЗАНИИ, 1968, т. VIII. Этнография.
135. Ламанский В. И., Заметки об ясах-аланах,— «Археологические известия и заметки», М., 1899, № 8—10.
136. Ламберти Арканджело, Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией,— СМОМПК, 1913, вып. XLIII.
137. Латышев В. В., Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I. Греческие писатели, СПб., 1890; т. II. Латинские писатели, вып. I, СПб., 1904; вып. II, СПб., 1906.
138. Лашков Ф., Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., Симферополь, 1891.
139. «Летопись Византийца Феофана»,— ЧтОИДР, кн. вторая, М., 1887.
140. Линевич И. П., Карта горских народов, подвластных Шамилю,— ССКГ, 1872, вып. VI.
141. Л. Л., Заметка,— СМОМПК, 1896, вып. XXI.
142. Лопатинский Л., Заметка о народе адыге вообще и кабардинцах в частности,— СМОМПК, 1891, вып. XII.
143. Луконин В. Г., Культура Сасанидского Ирана, М., 1969.
144. Люлье Л. Я., Общий взгляд на страны, занимаемые горски-

ми народами, называемыми черкесами (адиге), абхазцами (азега) и другими смежными с ними,— ЗКОРГО, 1857, кн. IV.
145. Люлье Л. Я., О натухажцах, шапсугах и абадзехах,— ЗКОРГО, 1857, кн. IV.
146. Манандян Я. А., Когда и кем была составлена «Армянская география», приписываемая Моисею Хоренскому,— «Византийский временник», М., 1947, т. I (XXVII).
147. Марр Н. Я., История термина «абхаз»,— «Известия Императорской Академии наук», СПб., 1912, № 11.
148. Марр Н. Я., Кавказские племенные названия и местные параллели, Пг., 1922.
149. Марр Н. Я., К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа,— «Известия Академии наук», Пг., 1916, № 13—15.
150. «Материалы для истории Кавказского края»,— ИКОРГО, 1875—1877, т. IV.
151. «Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору», Нальчик, 1962.
152. «Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов», Нальчик, 1960.
153. «Материалы по истории Осетии (XVIII в.)»,— ИСОНИИ, 1934, т. VII.
154. «Материалы по истории осетинского народа», т. 2, Орджоникидзе, 1942.
155. Матурели И. В., Материалы по грузинской картографии первой половины XVIII века, Тбилиси, 1961.
156. «Махкинан (Фея гор)», Ингушская песня-легенда,— газ. «Кавказ», 1895, № 98.
157. Меликишвили Г. А., К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959.
158. Меликсет-Бек Л. М., К истории гуннов в Восточном Закавказье,— «Доклады Академии наук Азербайджанской ССР», 1957, № 6.
159. Меликсет-Беков Л. М., Pontica Transcaucasica Ethnica,— СЭ, 1950, № 2.
160. Менандр Византиец, Продолжение истории Агафиевой,— в кн.: «Византийские историки», СПб., 1860.
161. Меховский Матвей, Трактат о двух Сарматиях, М.—Л., 1936.
162. Миклухо-Маклай Н. Д., Географическое сочинение XIII в. на персидском языке,— УЗИВ, 1954, т. IX.
163. Миллер В. Ф., Осетинские этюды, ч. I—III, М., 1881—1887.
164. Минорский В. Ф., История Ширвана и Дербенда X—XI веков, М., 1963.
165. «Надписи Ольвии» (1917—1965), Л., 1968.
166. Невский П., Закубанский край в 1864 г. (Путевые воспоминания),— газ. «Кавказ», 1864, № 97.
167. Немет Ю., Список слов на языке ясов, венгерских алан, Орджоникидзе, 1960.
168. Новицкий Г. В., Топографическое описание северной покатости Кавказского хребта,— КОВ, 1884, № 36.
169. «Обозрение Российских владений за Кавказом», ч. II, СПб., 1836.
170. Ольшевский М. Я., Записки о Кавказской войне с 1854 по 1866 г.,— «Русская старина», октябрь, СПб., 1895.

171. «Описание Кубани»,— в кн.: «Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы», ч. VII, СПб., 1791.
172. «Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха Доминиканского ордена, 1625 г.»,— ЗООИД, 1879, т. XI.
173. Орбели Р. Р., Собрание грузинских рукописей Института востоковедения Академии наук СССР,— УЗИВ, 1954, т. IX.
174. «Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII—XIX вв.)», Орджоникидзе, 1967.
175. «Очерки истории Карачаево-Черкесии», т. 1, Ставрополь, 1967.
176. «Очерки истории Чечено-Ингушской АССР», т. 1, Грозный, 1967.
177. Очиаури Т. А., Опыт изучения этнической истории горцев Восточной Грузии по мифологическим сказаниям, автореф. докт. дисс., Тбилиси, 1969.
178. Ошаев М. Х., Рекогносцировочное описание памятников средневековья реки Терлой-ахк (горная Чечня),— «Археолого-этнографический сборник», Грозный, 1966.
179. «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными»,— в кн.: «Сборник Русского исторического общества», СПб., 1884, т. 41.
180. Патканов К., Армянская география VII в., СПб., 1877.
181. Патканов К., Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому,— ЖМНП, 1883, кн. 1—3.
182. Пейсонель, Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750—1762 гг. (В изложении Е. Д. Фелицына), Краснодар, 1927.
183. Петров В. П., Язык, этнос, фольклор, автореф. по совокупности работ на соискание ученой степени канд. филолог. наук, Киев, 1966.
184. Плано Карпини, Джиованни дель, История монгалов; Гильом де Рубрук, Путешествие в восточные страны, М., 1957.
185. Покровский М. В., Адыгейские племена в конце XVIII—первой половине XIX века,— «Кавказский этнографический сборник», М., 1958, II.
186. Полиевктов М. А., Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу, Тифлис, 1935.
187. Полиевктов М., Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений, 1615—1640, Тифлис, 1937.
188. Полиевктов М. А., Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию в 1640—1643 гг., Тифлис, 1928.
189. Полиевктов М., Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию, 1650—1652, Тифлис, 1926.
190. «Полное собрание русских летописей», т. I (Лаврентьевская летопись), Л., 1926; т. IX—X (Патриаршая, или Никоновская, летопись), М., 1965; т. XI—XII (Патриаршая, или Никоновская, летопись), М., 1965; т. XIX (Казанский летописец), СПб., 1908; т. XXV (Московский летописный свод конца XV в.), М.—Л., 1949; т. XXVI (Вологодско-Пермская летопись), М.—Л., 1959; т. XXVII (Никаноровская летопись), М.—Л., 1962.
191. «Происхождение осетинского народа»,— «Материалы научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин», Орджоникидзе, 1967.
192. Прокопий из Кесарии, Война с готами, М., 1950.

193. «Путешествие в Тану Иосафата Барбаро»,— «Библиотека иностранных писателей о России», т. I, СПб., 1836.
194. «Путешествие в Черкесию через земли ногайских татар в 1709 г.»,— «Русский вестник», 1842, № 5—6.
195. «Путешествие профессора Нордмана по Закавказскому краю»,— ЖМНП, № 11—12.
196. «Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки», М.—Л., 1954.
197. Радде Г., Путешествие в Мингрельских альпах и в трех их верхних продольных долинах,— ЗКОРГО, 1866, кн. VII, вып. 1.
198. Радде Г., Хевсурия и хевсуры,— ЗКОРГО, 1881, кн. XI, вып. 2.
199. Радлов В. В., Опыт словаря тюркских наречий, т. III, ч. I, СПб., 1905.
200. Рашид ад-Дин, Сборник летописей, т. 1, М.—Л., 1952; т. II, М.—Л., 1960; т. III, Баку, 1957.
201. Робакидзе А. И. и Харадзе Р. Л., К вопросу о сванобалкарских этнокультурных взаимоотношениях,— в кн.: «Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов», Нальчик, 1960.
202. Розен Р. Ф., Описание Чечни и Дагестана. 1830 г.,— в кн.: «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.», М., 1958.
203. «Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в.», Махачкала, 1958.
204. Семенов Л. П., Склеп с фресками в ингушском селении Эгикал,— ИЧИНИИ, 1960, т. II, вып. 1. История.
205. Скитский Б. В., Хрестоматия по истории Осетии, ч. I. С древнейших времен до 1917 г., Орджоникидзе, 1956.
206. Смирнов В. Д., Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века, СПб., 1887.
207. Смирнов В. Д., Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии, Одесса, 1889.
208. Сталь К., Этнографический очерк черкесского народа,— «Кавказский сборник», Тифлис, 1900, т. XXI.
209. Такайшвили Е. С., Археологические экскурсии, разыскания и заметки,— «Известия Кавказского отдела Московского археологического общества», Тифлис, 1915, вып. IV.
210. Такайшвили Е. С., Обращение Грузии (в христианство),— СМОМПК, 1900, вып. XXVIII.
211. Тизенгаузен В. Г., Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб., 1884; т. II, М.—Л., 1941.
212. Тотошвили Г. Д., Из истории грузино-вейнахских политических взаимоотношений во второй половине XVIII века,— ИЧИНИИ, 1964, т. V, вып. 1. Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии.
213. Тревер К. В., Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н. э.— VII в. н. э., М.—Л., 1959.
214. Тхаркахо Ю. А., Особенности чемгуйского диалекта адыгейского языка, автореф. канд. дисс., М., 1965.
215. Услар П. К., Этнография Кавказа. Языкознание, I. Абхазский язык, Тифлис, 1887; II. Чеченский язык, Тифлис, 1888.
216. Фадеев А., Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе,—«Исторический сборник», кн. 4, М.—Л., 1935.
217. Фелицын Е. Д., Черкесы-адыге и западно-кавказские горцы,— КОВ, 1884, № 50.

218. Харадзе Р. Л., Робакидзе А. И., К вопросу о нахской этнонимике,— «Кавказский этнографический сборник», Тбилиси, 1968, т. II.
219. «Хождение апостола Андрея в стране мирмидонян»,— в ки.: В. Г. Васильевский, Труды, т. II, вып. 1, СПб., 1909.
220. Цагаева А. Дз., Топонимия Северной Осетии, ч. I, Орджоникидзе, 1971.
221. Чеченов И. М., Древности Кабардино-Балкарии, Нальчик, 1969.
222. Шавхелишвили А. И., Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами, Грозный, 1963.
223. Шакрыл Е. С., К вопросу об этногенезе абхазо-адыгских народов,— УЗАНИИ, 1965, т. IV. История и этнография.
224. [Шильтбергер И.], Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год,— «Записки Новороссийского Университета», Одесса, 1867—1868, т. 1, вып. 1—2.
225. Щербина Ф. А., История Кубанского казачьего войска, т. II, Екатеринодар, 1913.
226. Эсадзе С. С., Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны, Тифлис, 1914.
227. Яковлев Н. Ф., Вопросы изучения чеченцев и ингушей, Грозный, 1927.
228. Яковлев Н. Ф., Краткий обзор черкесских (адыгейских) наречий и языков,— «Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института», Ростов-на-Дону, 1928, т. I.

На языках народов СССР

229. Еремян С. Т., Армения по Ашхарацуйц'у. Опыт реконструкции карты на современной картографической основе, Ереван, 1963 (на арм. яз.).
230. Кордт В. А., Матеріяли до історії картографії України, ч. I, Київ, 1931 (укр. яз.).
231. «Мелкие хроники XIII—XVIII вв.», сост. В. А. Акопян, т. 1, Ереван, 1951 (на арм. яз.).
232. Орбелян Ст., История области Сисакан, Тифлис, 1810 (на арм. яз.).
233. Утургаидзе Ф. Г., Некоторые особенности горских диалектов грузинского языка, Тифлис, 1966 (на груз. яз.).

На западноевропейских языках

234. [Ascoli D.], Descrittione del Mar negro et della Tartaria, per il d. Emidio Dortelli d'Ascoli 1632a,— «Чтения в историческом обществе Нестора летописца», кн. пятая, Киев, 1891.
235. Bell J. S., Journal of a Residense in Circassia during the Years 1837, 1838 and 1839, vol. I, London, 1840.
236. [Chardin], Voyages du chevalier Chardin en Perse, t. I, Amsterdam, 1735.
237. Dirr A., Die heutigen Namen der kaukasischen Völker,— «Geographische Mitteilungen», H. IX, 1908.

238. Dumezil G., Document anatoliens sur les langues et tradition du Caucase. III. Novelles études oubykh, Paris, 1965.
239. «Gihan Numa ex turcico in latinum», Pars prima, Londini, 1818.
240. Güldenstädt J.-A., Reisen durch Rußland und im kaukasischen Gebürge, St.-Pbg., Th. 1, 1787.
241. «Histoire de la Siounie par Stephannos Orbelian», пер. с арм. M. Brosse, St.-Pbg., 1866.
242. Interiano Girgio, De la vita de Zichi chimati Circassi,— в кн.: «Библиотека иностранных писателей о России», т. I, СПб., 1836.
243. Klaproth J., Beschreibung des östlichen Kaukasus zwischen den Flussen Terek, Aragwi, Kur und dem Kaspischen Meere,— в кн.: «Bibliothek der neuesten und wichtigsten Reisebeschreibungen», Bd. 50, Weimar, 1814.
244. Klaproth J., Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808, Bd. 1, Halle und Berlin, 1812.
245. Koch K., Reise durch Rußland nach dem kaukasischen Isthmus in den Jahren 1836, 1837 und 1838, Bd. II, Stuttgart und Tübingen, 1842.
246. Kolenati F. A., Reiseerinnerungen, Th. II, Dresden, 1859.
247. Miller K., Iteneraria Romana, Stuttgart, 1916.
248. Montpéreux F. Dubois de, Voyage autour du Caucase, t. I, Paris, 1840.
249. Nordenskiöld A. E., Periplus an Essay on Early History of Chats and Sailing-direction, Stockholm, 1897.
250. Nordenskiöld A. E., Facsimile-atlas, Stockholm, 1891.
251. Pallas P. S., Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794, Bd I, Leipzig, 1803.
252. Peyssonel, Traité sur le commerce de la Mer Noire, t. 2, Paris, 1787.
253. «Relation de la Colchide ou Mingrelie», par le P. Archange Lamberti,— в кн.: «Recueil de Voyages au Nord», t. VII, Amsterdam, 1725.
254. Soukry A., Geographie de Moise de Coren d'apres Ptolomée, Venes, 1881.
255. [Tavernier], Les six Voyages de Yean Baptiste Tavernier... en Turquie, en Perse et aux Indes..., t. 2, Paris, 1810.
256. Trubetzkoy N. S., Die Verwandtschaftsbeziehungen der nordkaukasischen Sprachen,— «Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Geselschaft», Leipzig, Bd 9 (84), 1930.
257. Vogt H., Dictionnaire de la langue Oubykh, Oslo, 1963.
258. Witsen N., Noord en oost Tartaryen: behelzende eene beschryvin van verscheidene tartersche en Nabuuringe Gewesten-Nicolaas Witsen, t. 2, Amsterdam, 1735.

Восточные источники

259. [Вельяминов-Зернов В. В.], Материалы для истории Крымского ханства, СПб., 1864.
260. «Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма», СПб., 1881.
261. «Худуд ал-алам». Рук. Туманского. Введение и указатель В. Бартольда, Л., 1930.

262. «Bibliotheca geographorum arabicorum (BGA)», ed. M. J. de Goeje, t. V, Lugduni Batavorum, 1885.
263. Evliya Çelebi Seyahetnâmesi, c. II, Istanbul, 1314 (r. x.), c. VII, 1928.
264. Kâtib Çelebi, Cihannûma, Istanbul, 1732.
265. «Le livre des Routes et provinces par ibn Khordadbeh»,— «Journal asiatique», t. V, Paris, 1865.
266. «Yacut's Geographisches wörterbuch», t. I, Leipzig, 1924.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ — «Вестник древней истории», М.—Л.
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения», СПб.
ЗКОРГО — «Записки Кавказского отдела (имп.) Русского географического общества», Тифлис.
ЗООИД — «Записки (имп.) Одесского общества истории и древностей», Одесса.
ИКОРГО — «Известия Кавказского отдела (имп.) Русского географического общества», Тифлис.
ИСОНИИ — «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института», Орджоникидзе.
ИЧИНИИ — «Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы», Грозный.
КОВ — газ. «Кубанские областные ведомости», Екатеринодар.
КСИЭ — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», М.—Л.
МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР», М.—Л.
СМОМПК — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», Тифлис.
ССКГ — «Сборник сведений о кавказских горцах», Тифлис.
СЭ — «Советская этнография», М.—Л.
УЗАНИИ — «Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», Майкоп.
УЗИВ — «Ученые записки Института востоковедения», М.—Л.
ЧтОИДР — «Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете», М.

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ[x]

абадзехи (абазыкеи, абдзах, абәзәхә, базыхей, Abasech, Abezache) 18, 26, 31; 32, 34, 35, 36, 38, 43, 44, 55, 65, 67, 68–70, 73; см. также адыгейцы

абаза (абазә, абазги, авазги, обезы, Abassa, Абаҳоl, ԥ.Ь.l·) 31, 34, 36, 37, 51–56, 59, 60–63, 72, 144; см. также абазины северокавказские, абазины южные, абхазы, адыги

абазины северокавказские (абаза, абадзә, абазалы, абазә, аваза, ашәуа, баазытцкие черкасы, джики) 17, 28, 35, 51–56, 70–74, 80, 173; см. также абаза, абазины-тапанта, абазины-шкарауа, абуковцы, абазины тамбукаевские

абазины тамбукаевские 58, см. также абазины северокавказские

абазины-тапанта (абазә, алтыкесек, ашәуа, басхег, tlапlанта) 26, 55–58, 60–72–74, 108; см. также абазины северокавказские, бибердовцы, джантемировцы, дударуковцы, клычевцы, кячевцы, лоовцы, трамовцы

абазины-шкарауа (шхъарауа, къвыщхажанә) 55–60, 72–74; см. также абазины северокавказские, баговцы, баракаевцы, башилбаевцы, кизилбековцы, тамовцы, шахгиреевцы

[x] Этнические названия даны в форме, приводимой в источниках, используемых в данной работе, т.е. в единственном и во множественном числе.

абазины южные (азух, асадзуа, джигеты, джики, садзы, gichi, giques) 19, 35, 52–56, 59–61, 63, 73, 108, 142; см. также абаза, аланеты, арлан, арт, ахчипсы, ашегели, баг, беслеб, боздук, джамбе, камыш, кячевцы, медовеевцы, сууксу, сучэлер, усувиш, чандалер
абуковцы 58; см. также абазины северокавказские
абхазы (абазэ, абхаз, абхази, азыгъэ, апсуа, мӏпхаз, хачипслы, abcassi, abcas) 17, 19, 35, 51, 53, 54, 56, 63, 69, 95, 106; см. также абаза
аварцы 172, 173
адале 26
адамиевцы (адами, адэмый, Ademi, آدمی (26, 41, 42, 44; см. также адыгейцы
адыгейцы (адыгэ, азыху, кашаг, кубан-черкес, черказо, черкес, черси, шарджэс, шеркеш) 63–65, 67–71, 80, 173; см. также абаза, абадзехи, адамиевцы, адыги, бесленеевцы, гуайе, егерукаевцы, жанеевцы, зихи, мамхеги, махошевцы, натухайцы, собайцы, темиргоевцы, хакучи, хатукаевцы, хегаки, чёбсины, черкесы, шапсуги
адыги (адыгэ, азыху, кӕсӕг, кӕсгон, черказо, черкес, черси, шарджэс, шеркеш, Adigee) 17–19, 22–26, 29, 35–37, 39, 41, 44, 46, 48, 49, 54–56, 63–73, 85, 122, 175, 176; см. также адыгейцы, зихи, кабардинцы, черкесы
аккинцы (аькккхий, ауховцы, арара аькккхий, лам аькккхий, чоьхьара аькккхий, Aki, Akotsin) 117, 123, 133, 146, 149, 162–164, 168–174; см. также вайнахи, ококи
акшуройцы 171
акъногъай-халк 83, 84; см. также ногайцы
алагирцы 116, 118, 119, см. также осетины
аланеты 108, см. также абазины южные, медовеевцы
аланы (Alani, Halani, jáz-ok, Αλανοί, العلان, Ալանք) 7, 20, 22, 23, 25, 49, 82, 94–96, 100–108, 110, 111, 113, 121, 126, 134, 135, 153, 176; см. также асы, овси (оси), осетины, ясы
албанцы (кавказские) 128, 129, 135

ангуштинцы 145; см. также ингуши
андийцы 173
апсилы 51
аргуелы 110
ардозиане (Արդոզ) 111
арлан (آرلان) 60; см. также абазины южные
армяне (эрмало, эрмени, эрмэни, ермэлы, ерменли, ермени, сомехи, сомихаг, hайк, hаер) 4, 129, 134
арт (آرت) 60; см. также абазины южные
аспургианы 23
асы (асут, As, Ἀσσατοί, آص , آس , الان) 21, 49, 95, 101, 103-108, 121, 176; см. также аланы, осетины, овси (оси), ясы
ахеи (Ἀχαιοί) 23, 34, 51
ахчипсы (اخچپسی) 60; см. также абазины южные
ашдигорские аланы (Աշ-Դիգոր Ալաններ) 103
ашегели (اشغیلی) 60; см. также абазины южные

баговцы (багъ, Bagh, باغوس) 57-60; см. также абазины-шкарауа, абазины южные
балкарцы (алани, асиаг, аессон, балхъараг, балкары, бэлкъэрхэр, бызыннгылыла, "горские общества Кабарды", "горские татары", къуцӏхэ, малкани, малкъарлыла, мӯсав (савиар), таулула, уруспилыла, холамлыла, чегемлелыла, Balkar, Malkar, Tartari Balkarsci) 6, 7, 21, 71, 72, 80, 86-93, 97, 98, 107, 120, 121, 175-177; см. также бизингиевцы, урусбиевцы, холамцы, чегемцы
барагуны 144
баракаевцы (баракъай, Berakaï, برکیچه 55, 57-59; см. также абазины-шкарауа
басиани (басеян) 96
бацбийцы (бацав, бӏацой, "Батцкие гребени", боацой, вьаппий, туш-бӏацой, фаьппий, цова-тушин, цӏой-бӏацой, цув-ак (цова-кахи, чагма-ак) 123, 125, 133, 151, 160, 161, 169, 170, 172, 173; см. также вайнахи, тушины
башилбаевцы (басылбай, мысылбай, Beselbaï, بسنی بای)

55, 57–59; см. также абазины–шкарауа
беслеб (بسلب) 60; см. также абазины южные
бесленеевцы (басленей, безленейские черкасы, бесленн, бəслъыный, Beslen, Besteneï, Besinada, بسنای, بسنی, 28, 35, 44, 45, 64, 70, 71, 73, 74; см. также адыгейцы
бжедуги (бжедухи, бжъэдыгъу, безядухси, бизеду, боздук, бундук, джудуги, Bscheduch, Pseduch, بوزودوق, بوزادق) 18, 28, 36, 38, 39, 64, 65, 67–70, 73, см. также адыгейцы, боздуки, хамышеевцы, чершеевцы
бибердовцы (бибард, Бибердн, Biber-Doukouadje, Bibert, بيبرد طاج) 47, 53, 57, 58, 72, 108; см. также абазины–тапанта
бизингиевцы (абзанга, бызынигылыла, Besinga) 90, 98; см. также балкарцы
боздук (بوزادق , بوزودوق) 60, 61; см. также абазины южные, бжедуги
болгары 98
брухи (Βρουχοί) 62
бурлак (بورلق) 81; см. также ногайцы

вайнахи 26, 35, 71–73, 80, 122, 123, 127, 128, 130, 136–140, 143, 145, 148, 151–153, 159, 161, 163, 164, 167–169, 170, 172–175; см. также аккинцы, бацбийцы, галашевцы, галгаевцы, ингуши, карабулаки, майстинцы, малхистинцы, чеченцы
вайяпина (وای پینا) 62
валы (валлы, талы, Ivali, Valli, ⴼⵏⵍⵡⵍⵔ) 7, 12, 112, 113, 115, 122, 123, 125

галашевцы 151, 160; см. также вайнахи
галгаевцы (гlалгlай, галгайол галгайал, глигви, глихви, кхокхаьллой, Gligvi, Γλε-γουδες) 137, 142, 145, 151–154, 157–159, 164, 167–173; см. также вайнахи, ингуши, хамхинцы
гаргареи (гаргар, гегар) 152, 153
гвилетцы (гумлетцы) 156, 157; см. также ингуши
гелы 127
герры 131
грузины (акыртуа, вирк, вра-

ци, иберы, гурдж,гурджи, гюрджю, гюрджюлю, гуржиал, гуьржи, гурзиаг, картвели, корту, курджы, малгар, мыкӓрт, сонэ, эбзе, howas suko, kxelizi, muθtri, yukus kikwa) 3, 4, 51, 56, 93, 125, 127, 129, 135, 141, 143, 161, 166, 169, 170, 172; см. также гудамакары, лечхумцы, мохевцы, мтиулы, пшавы, рачинцы, тушины, тчарталийцы, хевсуры
гуайе (гъуае) 26, 62, 67; см. также адыгейцы
гудамакары 135, 137, 140, 158, 173; см. также грузины
гудары 135
гунны 109, 128
гуноевцы (Guna) 149; см. также чеченцы

дагестанцы 26, 127, 130, 153, 171
дандарии 23
даргинцы 172
дардыхой 139
двалы (дува (двий), дэва, дуалк) 7, 110, 113–116, 124, 127–129, 135, 139; см. также туальцы
джамбэ (جمبه) 60; см. также абазины южные
джантемировцы (джӓнтымыр, Schentemir) 57, 58; см. также абазины-тапанта
джедисан (едисан, Edisan, جد صان) 81, 85; см. также ногайцы
джембойлук (осамбойлук, Osamboluk) 82–85; см. также ногайцы
джераховцы ("ерохонские люди", "жарах") 151, 160, 169; см. также ингуши
дигорцы (дюгер, дюгорели, дюгор, дыгорон, сюрдюгор, digor, Dugor, Դիգոր) 98, 103, 109–112, 116, 118–120, 175, 176; см. также осетины
дидойцы (дидо, дидоели, цунта, цунтадирал, цIутIадо jabu) 4, 131, 135–137, 161
дидуры 113, 124, 130, 131
дидаруковцы (дударыкъва, Дударух, Doudarouk, دودورقای) 53, 57, 58, 72; см. также абазины-тапанта
дуичики 138
дурзуки (дзурдзуки, дзурзуки, зурзуки, дурдзуки, درذکیه) 124, 130, 135–137
дурц(к), дуци 137, 138
дэвы 127

егерукаевцы (еджәркъуай, Egherkouai, يركوى) 26, 35, 41, 44, 68, 70; см. также адыгейцы
едишкул (джетишкул, Edischkul) 82-84; см. также ногайцы

жанеевцы (жанә, жаженьские черкасы, жаньские черкасы, оджан, оджанские черкасы, Bjana, Giana, Janua, Sani, Schani, جنسه وانا) 18, 26-29, 34, 35, 64, 65; см. также адыгейцы

зихи (zichi, Ζυγοί) 18-22, 25, 51; см. также адыги

ингуши (ваьппий, гlалгlай, галгайал, мœхъœлон, мыщхъыш, насриал, фаьппий) 35, 79, 115, 117, 123, 132, 135, 137-143, 145, 146, 152, 153, 157-159, 161, 164, 167-171, 173, 177; см. также вайнахи, глигви, галгаевцы, гвилетцы, джераховцы, калканцы, кистины, мецхальцы, назрановцы, хамхинцы, цоринцы, фаьппий

индили (Индельская земля) 146, 147
ироицы (ирон, хlирий, Ir, Iron, hiri) 109, 110, 112, 116, 118-121, 175, 176
исадики (Sodi) 124, 152
исонды 131
ичкеринцы 133, 145, 151, 165, 170, 172, см. также чеченцы
иштерек (оглу), Ischterek, اشتراك) 81, 82, 84; см. также ногайцы

кабардинцы (адыгә, гlаьбартой, гlебертой, кабартай, къабарты кабартанские черкасы, къәбәрдәй, къәрбәтай, къәбәртай, кæсæг, косгон, кашаг, карбатай, Carbatei, Cevertei, Chwerthei, قبرطای) 26, 35, 37, 45, 46, 49, 50, 58, 63-65, 70-74, 79, 80, 91, 92, 97, 98, 109, 117, 157, 173; см. также адыги
кавкасианы 139
казак (къазак) 83, 84; см. также ногайцы
казахи 77
калканцы (калкан, калкай, "калканские горские земли", "калканские люди", колканцы) 152-155, 157, 159; см. также ингуши

калмыки 76, 78, 82
камыш (قامش) 60; см. также абазины южные
канглы (къанлы) 76, 84, см. также ногайцы
карабулаки (арштхой, балой, орстхой, Arschte) 117, 123, 133, 143, 148, 162-164, 167-172, 174; см. также вайнахи, чеченцы, мержоевцы
каракалканы 141, 158-158
караногайцы (къараногъай) 79, 83, 85; см. также ногайцы
карачаевцы (акарач, алани, къарачай, къарачайлыла, "Карачаи", къарашай, къарча, къэрэшей, мукрчай, харачай, хъэрэсейаг, caraccioli, Karatschai) 7, 26, 71-73, 80, 86-91, 95, 97, 98, 107-109, 120, 121, 176, 177
касаевцы (Kassai) 82-84; см. также ногайцы
касоги (касаги, кашаг, косагы, косоги, коэсоэг, коэсоги, قاماق) 19-23, 25, 153; см. также адыги
каспулатовцы (Kaspolat) 82-84; см. также ногайцы
каспы 135
качкалыковцы (Katschilik) 133, 144, 145, 150; см. также чеченцы
кашки (каски) 22
керкеты 6, 23
кизилбековцы (къызылбэк) 57; см. также абазины-шкарауа
кимлик 57
киппики (Chippiche) 49, 50
кипчаки (къыпшак, Kapschak, قبچاق) 75, 76, 79, 81-84, 95, 98, 103, 176, см. также ногайцы
кистины (кисти, кити, кишты, Κησθησες) 115, 133, 135, 137, 139-143, 145, 151, 159; см. также чеченцы, ингуши
клычевцы (кълыч, Klitsch) 57, 58; см. также абазины-тапанта
кобийцы 119; см. также осетины
корнуки (cornuchi, cromuc) 49, 78
куаны 135
кугени 50
кудеты 110
кумук 83, 84; см. также ногайцы
кумыки 83, 84, 143, 162, 172
куртатинцы 116; см. также осетины

кусты (кистк, кусак) 140
кытай (кытай-кипчаки, قطای) 81, 82; см. также ногайцы
кячевцы (качилер, кlячэ, кlьачв, Ketschega, كچيلر) 57, 58, 60; см. также абазины-тапанта, абазины южные

лакцы 128
леги (Λεγοί) 127, 128
леки 135
лепнийцы (лпники) 135, 139
лечхумцы 96; см. также грузины
лоовцы (лауказ, лэу, Iloukouadje, Lou 57, 58, 72; см. также абазины-тапанта

мазкуты 135
майстинцы (Meesti) 141, 150, 166; см. также вайнахи
малхистинцы (маълх, мелки, мелхи, Митхо) 127, 141, 160, 166, 167, 171; см. также вайнахи
мамхеги (мамхыгъ) 26, 41-44, 68; см. также адыгейцы
мамхирцы (Мамшу, Mamschach, مامشوح, مامشوع, مهشی) 41-43, 48
мангыты (мангиты, мангут, мангыт, мангӷут, Mangut, منغوت) 76-78, 80-82; см. также ногайцы
марголы 135
махазчаны 135
махошевцы (мэхъош, mouchosti) 26, 35, 41-44, 69; см. также адыгейцы
мегрелы (агруа, малгар) 20, 93, 99
медовеевцы (мдавей, мдажъуи, мудавэй, ماجای) 59-61; см. также абазины южные, аланеты
мелки 146
меоты 23
мержоевцы (Мерези, Mereschey) 162, 163, 172; см. также карабулаки
мецхальцы 151, 160, 161; см. также ингуши
мичиковцы (минкизы, мичкизы, мичкисские кабаки, мичихичлан, мычыгъышлы, Mitschkis) 50, 133, 143, 146, 149-151, 163; см. также чеченцы
монголы 104
мохевцы (пона) 107, 126, 127, 140; см. также грузины

мтиулы 126, 130; см. также грузины
мулкой (мулки, "мулкинские земли", мулкыц, мылкыц) 146, 147, 155; см. также чеченцы

назрановцы (насриал) 151, 160, 173; см. также ингуши
найман 76, 82-84; см. также ногайцы
натухайцы (натхъуадж, натхукаши, Natuchasch, Nelou Khatsche) 18, 26, 29-35, 37, 55, 67; см. также адыгейцы
нахчаматьяны 134, 135
ногайцы (нагlвай, ногайлар, ногъай, ногlой, ногъой, нəгъой, нəгъуей, nogaïe, نوغای) 26, 47, 49, 71, 72, 75-85
карамурзинские 83
кубанские (закубанские) 79, 83-85
кумыкские 79
мансуровские 83, 84
новрузовские (نوغای نوروز) 81, 82-84
ставропольские (акъногъай халк) 83
тохтамышевские 83, 84; см. также акъногъай халк, бурлак, джедисан, джембойлук, едишкул, иштерек(оглу), казак, канглы, касаевцы, каспулатовцы, кумук, кытай, кипчак, караногайцы, мангыты, найман, туьркпен

овси (оси) 96, 101, 103, 106, 107, 111, 114, 115, 117, 121; см. также аланы, асы, осетины, ясы
ококи ("Акоцкая земля"), окохи, окоченцы, окочане, Окоцкая слобода, Охочинская слобода, окуки, Ockoke)50, 144, 156, 163, 164; см. также аккинцы, вайнахи
олонды 131
осетины (асатlин, ауапс, дыгорон, дюгер, къущхьə, мусав (савиар), овси (оси), осил, осинцы, сони, сонские земли, сонские кабаки, тегъейли, хlирий, хириол) 7, 15, 72, 79, 80, 86, 92, 94, 96, 97, 99-101, 106-109, 111, 115, 116, 119-121, 125-127, 139, 141, 157, 158, 173, 175-177; см. также алагирцы, аланы, асы, дигорцы, иронцы, кобийцы, куртатин-

цы, овси, осетины южные, тагаурцы, туальцы, трусовцы, уаллагкомцы, цейцы, ясы
осетины южные (къудайраг, хуссайраг) 117, 118
осоки 50, 51
"Отчанская земля", 146, 147; см. также чеченцы

пешхойцы 133; см. также чеченцы
пховцы 126, 130; см. также хевсуры
пшавы 107, 127, 158; см. также грузины

рачинцы (рачаны, малкар-эбзе) 92, 120, 129; см. также грузины
русские 141, 146, 155

савиры (сапиры, Σαβειρες) 109, 129
савроматы 134
садша (صدشه) 59, 62; см. также убыхи
санары (цанары, целкан, Σανδαροί, Տանարք, صنار) 123, 125-127, 129, 130
саниги 27, 28, 51
санны 27
санны-гениохи 27
сарматы 134
сваны (малхарой, сари, сонэ, соны, тау-эбзе, шари-эбзе, шван, эбзе) 91-94, 97, 106, 109, 113, 120, 127, 177
сейди (Seidi) 59
скифы 102
собайцы (Sobai, صوبای) 30, 31, 49; см. также адыгейцы
соны (сони сонэ, сонские кабаки, сонские земли) 92, 93, 106, 107, 111, 158
сууксу (صوق‌صو) 60; см. также абазины южные
сучэлер (صوچه لر) 60; см. также абазины южные

тавлинцы 144
тавматаки 135
тагаурцы (тегъей) 109, 116, 145, 158; см. также осетины
тамовцы (там) 57; см. также абазины-шкарауа
тат (татцкий,) 46-48
татакозцы (Tatacosia, Tatarcosia) 49, 50
татаро-монголы 75, 76, 176
татары 18, 24, 47, 75, 79
волжские 77

таукач (таукадж, طاوكاج, طاوكاج) 46, 47
темиргоевцы (болетокой, кlемгуй, кемиркой, кумиргинские черкасы, чlемгуй, Balutrecoy, Boletocoi, Buluk Chaj, Kemirkeui, Temirgoi, بولن قاى, بولن خاى, قمر كوى) 18, 26, 29, 30, 35, 39, 40–43, 68, 69, см. также адыгейцы
ткаку (تكا قو) 46, 48, 49
тореты (ториты) 23
трамовцы (трам) 57; см. также абазины-тапанта
троглодиты. 124
трусовцы 116, 118–119; см. также осетины
туальцы (туаллаг, туалтоg, tual) 109, 110, 116, 118–119; см. также двалы, осетины
турки 18, 24, 79
туши (туски) 113, 130, 131, 135
тушины 131, 140, 147, 161, 169, 173, см. также бацбийцы, грузины
туркпен 83, 84; см. также ногайцы
тчарталийцы (чарталийцы) 126, 130; см. также грузины
"тшанские люди" ("Тшанские земли") 146, 147; см. также чеченцы
тюмени 144

уаллагкомцы 120, 121; см. также осетины
убыхи (апёх, аубых, бёк, пёх, уббух, убых, туахы, Chachi, Onbech, Oubouch Ubouch) 26, 35, 38, 54, 55, 59, 61–63, 67, 69, 73; см. также садша
узбеки 77, 84
урусбиевцы (баксанелеби, бахъсэн къущхьэ, уруспилыла) 87, 93, 97, 98; см. также балкарцы
усувиш (وسويش) 60; см. также абазины южные

фаыпнй 161, 167–169; см. также ингуши

хазары 20, 129
хайландуры 128, см. также хоны
хакучи 26, 37, 38, 66, 67, см. также адыгейцы, шапсуги
халдейцы (урартийцы) 129
хамекиты 124, 152
хамхинцы (хамхой) 151, 160,

168, см. также галгаевцы, ингуши
хамышеевцы (хъымщэй) 35, 39, 68, см. также бжедуги
хатукаевцы (атукаи, атукайцы, атуки, атюкаи, хотикой, хьэтикъуай, Codicoi, Hadjoukai, Hattukai, Gatucai, خاتوقاى , هاتوقا) 26 29-31, 33-35, 48; см. также адыгейцы
хебуры 110
хевсуры (пхий, шедалой) 127, 136, 137, 140, 143, 146, 158, 160, 167-169; см. также грузины, пховцы
хегаки (джегаки, шегаки, шефаки, Schagaki, شفاقه) 18, 26, 29, 33, 34; см. также адыгейцы
хетуг (хундуг, хунтунцы, хунтунские кабаки) 33; см. также адыгейцы
холамцы (холамлыла, Cholam) 87, 90, 91; см. также балкарцы
хоны (хонк, Հոնք) 128-131, 135

цебельдинцы (санеты) 27
цейцы 118, 119; см. также осетины
цечоевцы (цIечой) 162, 170, 172; см. также карабулаки
цоринцы 151, 160; см. также ингуши
цудахарцы (цIадахар) 171
цхаваты 135, 140

чагатайцы 79
чантинцы (Чанти) 150, 170
чеберлоевцы (чарбилоевцы, чебуртлы, чебутлы, Sebutly) 133, 145, 149, 166, см. также чеченцы
чегемцы (чегемлелыла, чегемелеби, чегем-эбзе, Шэджэм къушхьэ, Tartari Cegemscei, Tschegem) 90, 92, 98; см. также балкарцы
черкесы (адыгэ, джеркас, кубан-черкес, "пятигорские черкасы", сэркэсут, черкас, черкасы, черкадж, черказо, черкес, черси, черкесли, шарджэс, шеркеш, cercasi, cercessi, circassi, chirkassi, چرکاچ) 23-27, 35, 37, 39, 47, 48, 50, 52, 53, 55, 56, 63, 64, 70, 71, 73, 78, 82, 85, 98, 142, 158, 164, 176; см. также адыги, адыгейцы, кабардинцы
черченеевцы (чэчэнай) 35, 39, 68; см. также бжедуги

чеченцы (буртиал, бут(у)рул, мычыгышлы, мичихичлан, нохчо (нохчий), охьаранах, цацан, чачан, чачанади, чачанадилу хекьа, чачанаду хекьа, чачанази, чачанал, чьохьаранах, шәшән, цәцәейнаг, Tschetschen) 35, 72, 117, 123, 128, 132–135, 139–141, 143–146, 148–152, 161, 163, 164, 166–174, 176, 177; см. также вайнахи, гуноевцы, индили, ичкеринцы, качкалыковцы, кистины, мичиковцы, мулкой, "Отчанская земля", пешхойцы, "Тшанские земли", чантинцы, чеберлоевцы, чиннахойцы, шатойцы, шаройцы.
чёбсины 26; см. также адыгейцы
чиннахойцы 166; см. также чеченцы
чихбы 135

шапсуги (сапсо, сапсых, шапсо, шәпсыгъу, Chapsik, Schapsik) 18, 26, 31, 32, 34–38, 55, 64–70, 73; см. также адыгейцы
шаройцы 133, 171; см. также чеченцы
шатойцы (шубуды, шубузы, шубуты, шибуты, шибутцы, "Шибутцкая землица", Schubut) 133, 145–147, 149, 150; см. также чеченцы
шахгиреевцы (чәгьрәй, чаграй, Chegherai, چغـــرى) 57–59, см. также абазины–шкарауа

язаматы 104, 105, 134
язиги (Iazyges, Ἰαζυγες) 102, 104, 105
яксаматы (Iaxamatae) 102, 104, 105, 134, 135
ясы 101, 104, 121; см. также аланы, асы, овси, осетины

karacherkes 98
karakirques 98, 99
žiltij 127

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Задачи исследования 3
Источники и пособия 7
Глава первая. Адыги, абазины, убыхи 17
Адыгские этнонимы 18
Абазинские и убыхские этнонимы 51
Этнографические свидетельства 53
Глава вторая. Ногайцы 75
Глава третья. Карачаевцы и балкарцы 86
Глава четвертая. Осетины 100
Глава пятая. Вайнахи 122
Древние этнонимы 123
Чеченские этнонимы 133
Ингушские этнонимы 151
Карабулакские и аккинские этнонимы 162
Этнографические свидетельства 164
Заключение 175
Этнонимы на языках народов Кавказа (по этнографическим материалам) 178
Использованная литература 182
Список сокращений 194
Указатель этнических названий 195

Наталия Георгиевна Волкова

ЭТНОНИМЫ И ПЛЕМЕННЫЕ НАЗВАНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Утверждено к печати Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР

Редактор *Т. М. Швецова*. Младший редактор *И. И. Исаева*. Художник *А. Г. Кобрин*. Художественный редактор *И. Р. Бескин*. Технический редактор *С. В. Цветкова*. Корректор *К. Н. Драгунова*

Сдано в набор 27/IX 1972 г. Подписано к печати 8/I 1973 г. А-06520. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бум. № 2. Печ. л. 7,5. Усл. печ. л. 10,92. Уч.-изд. л. 11,38. Тираж 1600 экз. Изд. № 2964. Зак. № 1056. Цена 91 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука». Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

Цена 01 коп.